

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт психологии РАН
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка РАН
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания РАН

ФГБОУ ВПО
Ульяновский государственный университет
Институт международных отношений
Кафедра лингвострановедения и коммуникации

Кафедра гуманитарных дисциплин Рузаевского института машиностроения
Мордовского государственного университета

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: Психологические и лингвистические аспекты

Материалы XIV-й Международной
научной конференции
(Ульяновск, 13-16 мая 2014 года)

Москва-Ульяновск, 2014

УДК 81'23
ББК 81.001.3
Я 41

Редколлегия:

доктор филологических наук, профессор *А.В. Пузырёв* (Ульяновск; отв. редактор);

доктор филологических наук, профессор *Е.Ф. Тарасов* (Москва);

доктор филологических наук, профессор *С.А. Борисова* (Ульяновск).

*Печатается по решению оргкомитета
XIV-й Международной научной конференции
«Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»*

Я 41 Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIV-й Международной научной конференции (Ульяновск, 13-16 мая 2014 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т психологии РАН, Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2014. – 224 с.

В сборнике представлены результаты исследований вечной проблемы психологии и лингвистики – «язык и мышление». Особое внимание уделено рассмотрению проблемы «язык и мышление поэта и писателя».

Предназначено лингвистам, психологам, студентам, специалистам смежных областей знания.

ISBN 978-5-88866-523-7

© Коллектив авторов, 2014

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящих материалах отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем – «Язык и мышление», причём в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить за просу времени преодолеть концептуальную разобщённость учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия по-прежнему исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» (Р.Декарт 1936: 49). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам является универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А.Гагаевым.

Спецификой настоящих материалов является то, что значительная часть из них посвящена проблеме «Язык и мышление поэта и писателя». Полагаем, что организация и проведение международной конференции с такой проблематикой встретит благожелательное отношение.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, они публикуются в авторской редакции, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

Редколлегия

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Канд. филол. наук Д.Н. Байгут (Чимкент, Казахстан)
ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ СИЛЫ ЭТНОСА

Идея В. Гумбольдта о том, что «язык связан с формированием духовной силы нации», определяет отношение к пониманию языка не как к некоторой субстанции, продукту деятельности /*Ergon*/, а как активного начала, как деятельности духа, духовного процесса /*Energeia*/.

Творческая сила языка, в понимании Гумбольдта, проистекает из взаимопроникновения духовного своеобразия данного народа и строя его языка: «Форма каждого языка находится в неразрывной связи с духовными задатками народа, с той силой, которая порождает и преобразует эту форму... Различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия;... различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и чувства являются в действительности *различными мировидениями*» [Гумбольдт 1985, 380]. Другими словами, по мнению В. Гумбольдта, различные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его.

Линия гумбольдтианского понимания влияния языка на мышление просматривается в работах Ш. Балли, Ж. Пиаже, К.Л. Стросса, в американской антропологической лингвистике и этнолингвистике, а также в современных исследованиях российской и казахстанской психолингвистики и в когнитивной лингвистике (А.А. Леонтьев, Е.С. Кубрякова, Е.Ф. Тарасов, А.А. Залевская, М.М. Копыленко, Э.Д. Сулейменова, Г.Б. Мадиева, В.С. Ли, Н.В. Дмитриук и др.).

В своих исследованиях языкового сознания мы исходим именно с позиций такого учета взаимоотношений между языком, культурой и мышлением, с позиций понимания языка как деятельностного начала, способа отражения и своеобразной интерпретации объективного мира.

Этническая природа языкового сознания обусловлена пониманием феномена человеческого сознания, функционирующего в интракультурной среде, где отличия «своего» и «чужого» социокультурного опыта проявляются наиболее явственно. Проявление такого, этнически отличного от других, самосознания (самоощущения) обеспечивает адекватную деятельность психических и ментальных систем представителя определенной этнической общности, разви-

тие его когнитивных способностей, а также его взаимодействие с окружающим миром с целью приспособления к нему, своеобразной адаптации или его изменения согласно личным представлениям человека о нормах и условиях совместного проживания.

В результате такого «приспособления» сформированные в этническом сознании «картины мира», «образы сознания» могут трансформироваться, корректируя отражение реального мира в «зеркале» собственных внутренних ощущений и понятий, как бы «раскрашивая» этот реальный мир в соответствии со своим мировидением в разнообразные этнокультурные цвета [Дмитрюк 2000, 244].

В этой связи возникает вопрос: когда, на каком этапе движения «от мысли (образа) к слову» мир понятий «одевается» в этническую форму?

Без сомнения, именно язык как основной этнодифференцирующий признак любого этнокультурного сообщества с помощью системы своих значений и ассоциаций создает этническую неповторимость, именно язык «раскрашивает мир в этнокультурные цвета».

Вместе с тем, язык хотя и основной, но не единственный компонент этнической культуры. Феномен этноса заключается и в поведении его членов, его психологии и ментальности, поступках и взаимоотношениях, что отражается и закрепляется в национальных *традициях* (устойчивых элементах культуры), *обычаях* (традициях в соционормативной сфере культуры), *в быте и повседневном поведении* (принятых в определенном социуме нормах общения), в национальном *искусстве* и проч. При этом, «язык и культура не могут быть *причиной* этнической общности, они служат лишь ее *индикатором*» [Фесенко 1999,48].

Из данного положения могут быть сделаны два соотносительно противоположных в этнопсихологии вывода, определяющих позиции разных ученых во взгляде на этническую обусловленность культуры, опосредованную языком: психологический, индивидуалистический подход к изучению данной проблемы, с одной стороны, и социальный, универсально значимый, с другой.

В своих исследованиях концептосферы казахской культуры мы используем и тот, и другой подход, извлекая наиболее рациональные методы описания и интерпретации анализируемых объектов.

Цитируемая литература

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.

Дмитрюк Н.В. Формы существования и функционирования языкового сознания в неомогенной лингвокультурной среде // Диссерт. ... доктора филол. наук. М., 2000.

Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. – Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1999.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ ЭТИКИ АВТОМОБИЛИСТОВ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

Еще не так давно межличностная коммуникация рассматривалась почти всегда с точки зрения речевого взаимодействия индивидуумов и только лишь в последние годы исследователей-лингвистов привлекла так называемая невербальная коммуникация. Появился целый ряд самостоятельных направлений научного поиска – кинесика, проксемика, окулесика, гаптика, гастика, ольфакция, хронемика, паралингвистика и др.

Кинесика, понимаемая в широком смысле слова как наука о языке тела и его частей, является одной из центральных областей невербальной коммуникации, а жесты – важнейшим средством невербальной коммуникации, которые сопровождают, дополняют, заменяют речь.

По словам специалистов, с помощью невербальных средств общения человек получает около 65 процентов информации (см.: Е.Н.Скаженик 2006: 21). Данным фактом активно пользуются во многих профессиях, например, у разведчиков существует специально выработанная система условных знаков. Как оказалось, подобного рода система есть и у автомобилистов. Дело в том, что, находясь в автомобиле, водитель ограничен в средствах вербального общения, поэтому он вынужден применять *мимику, жесты*, а также использовать для передачи информации другим автомобилистам *звуковое и световое* оборудование, при этом пользуясь негласной этикой участников движения, существующей в мировой практике, но имеющей свои особенности в каждой стране. Попробуем разобраться в семантике знаков участников дорожного движения и этике их использования водителями.

В настоящее время в законодательстве нашей страны официально закреплены различные способы невербального общения водителей. Но помимо этого есть и негласно установленные сигналы, с помощью которых водители пытаются донести друг до друга определенную информацию, используя определенную систему знаков – условных сигналов.

Однако в данном случае возникают некоторые сложности. Не всегда можно понять, что в огромном потоке машин тот или иной сигнал относится именно к вам. Кроме того, автомобилисты могут воспринять некоторые сигналы неоднозначно, например, понять "уступи" как "пропускаю". Подобного рода недопонимания чреваты столкновением.

Существует еще одна трудность: не все водители-новички знают о системе условных знаков, таким образом, они не могут адекватно интерпретировать конкретный сигнал. Именно поэтому знание семантики невербального языка дорожного общения является необходимым условием безопасного движения. Кроме того, жесты оказываются весьма полезными, когда в сложных дорожных ситуациях останавливается несколько автомобилей и водители ждут, как будут действовать другие (например, на перекрестках равнозначных дорог). Такого рода общение улучшает взаимопонимание водителей и, как следствие, снижает риск неприятных последствий. Можно утверждать, что неформальное общение

водителей имеет больше плюсов, чем минусов, поскольку является эффективным и экономным средством донесения информации, понять которое предельно просто.

По свидетельствам историков, систему невербального общения автомобилистов в России переняли в первую очередь именно профессиональные дальнобойщики. Из этого следует, что язык трассы сначала сложился в Западной Европе и впоследствии успешно прижился в России и странах СНГ. Однако стоит заметить, что некоторые паралингвистические знаки на территории нашей страны распространены в меньшей степени, нежели за границей. Приведем пример: в европейских странах у водителей-дальнобойщиков принято кидать спички или зажигалку под колеса медлительному водителю, сдерживающему весь поток, что значит «поддай огоньку» (см.: А.Тумар 2006). Подобного рода символ будет не понятен водителям нашей страны.

Можно привести еще один пример. Жест, означающий «окей» в нашей стране воспринимается как одобряющий и положительный. Однако в Германии в суде был прецедент, связанный с этим жестом: некий водитель мимоходом оскорбил полицейского, показав ему из окна машины большой и указательный пальцы руки, сомкнутые колечком. В результате чего немецкий полицейский подал на обидчика в суд. Поражают и различия в значении жестов в нашей стране и Греции. Поднятый вверх палец, в России применяемый для того, чтобы ловить такси, в этой стране означает, что вы немного переели, поэтому водитель грек не остановится, а лишь может улыбнуться в ответ (см.: Н.Гапон 2006). Таким образом, условные знаки используются водителями повсеместно, но знаки, принятые в России могут отличаться от знаков, употребляемых на дорогах в странах бывшего Союза, не говоря уже о Европе.

В целом, все условные знаки водителей делятся на четыре группы: знаки благодарности, знаки с использованием световых приборов, знаки с использованием звукового сигнала, жесты рук (см.: М.Адамова 2013). Рассмотрим каждую из групп.

Как сказано выше, первая группа невербальных символов водителей – это знаки благодарности. Считается вежливым поблагодарить с помощью аварийного сигнала водителя, уступившего дорогу, предупредившего об опасности или совершившего какой-либо другой маневр, облегчающий движение. В зависимости от положения машины на трассе, благодарность выражается либо миганием, – однократным включением, – «аварийки» (если машина находится сзади), либо выставленной ладонью левой руки (если машина едет по встречной полосе). Это – общепринятые жесты благодарности в любых ситуациях. Также моргание аварийным сигналом может использоваться для извинения, на это отвечают коротким миганием дальнего света, что значит «пожалуйста». Следует отметить, что в Европе аварийный сигнал включают, когда въезжают в пробку или впереди наблюдается внезапное затруднение движения. Это делается для того, чтобы едущие позади автомобили сбавляли скорость заранее (см.: М.Адамова 2013).

Вторая группа знаков – условные знаки световыми приборами. Ещё один признак хорошего тона – это чёткое, грамотное и своевременное включение

указателей поворота. Среди водителей бытует некая аксиома: «Поворотники – язык водителя, и не использующий его водитель – нем!» (см. М.Адамова, 2013). Однократное мигание дальним светом от машин, едущих по встречной полосе, означает опасность (авария и пр.). Двукратное мигание дальним светом – предупреждение об опасности или о том, что впереди пост или инспектор ДПС.

Просьба уступить дорогу, обозначенная миганием дальним светом «в спину», весьма часто используется на территории бывшего Союза. В Европе подобного рода знак считается грубым и нетактичным – в таких случаях прямо включать сигнал левого поворота. Если водитель, движущийся по встречной полосе, включает дальний свет фар, он хочет сообщить, что свет фар вашего автомобиля его ослепляет (см.: М.Адамова 2013).

Если у движущейся перед вами машины (обычно этот знак используют дальнобойщики и водители автобусов) постоянно включен левый сигнал поворота, вас предупреждают от обгона. Если загорелся правый поворот – опасность миновала и можно обгонять (см.: М.Адамова 2013).

Третьей группой принято выделять условные знаки с использованием звукового сигнала. Как выяснилось, водители пока не нашли способ кодировки каких-либо сообщений в длине или частоте гудков клаксона. Но все-таки можно выделить некоторые общепринятые значения. Например, короткий гудок может означать приветствие, благодарность или быть аналогом «пожалуйста». Длинный гудок может предупреждать об опасности или выражать недовольство водителя. Согласно правилам дорожного движения, использование звукового сигнала разрешено только для предотвращения аварийной ситуации, поэтому водителям не советуют злоупотреблять данным средством (см.: А.Трохачёв 2009).

Бывают случаи, когда всю информацию нельзя передать с помощью световых или звуковых сигналов, например, при общении с пешеходами или в пробке. В подобных ситуациях случаях используется жестикуляция. У автомобилистов существует огромное количество жестов, однако стоит привести в пример те, что оказались, на наш взгляд, наиболее интересными. Хлопок ладонью по воздуху говорит о том, что багажник машины открыт. Жест, описывающий круг в воздухе и последующее указание вниз значит, что одно из колес спущено. Указав рукой на дверь, водитель обращает внимание другого водителя на то, что она не закрыта или ею что-то зажато, например, одежда или ремень безопасности. Плавное движение ладонью сверху вниз означает просьбу притормозить. Ладонь поднята, и все пальцы растопырены – предупреждение об опасности (см.: М.Адамова 2013).

Стоит обратить особое внимание на то, что пешеходам также более понятен язык жестов: обычно они не понимают или неправильно истолковывают световые или звуковые сигналы, поэтому автомобилистам эффективнее будет махнуть рукой вдоль «зебры», что будет означать «я Вас пропускаю» (см.: В.Дремов 2011).

В связи с развитием системы общественного транспорта актуальными становятся и условные знаки водителей маршрутных такси. Например, крест, показанный с помощью рук, означает «машина закончила работу, пассажиров не

берет». Если водитель разводит руками, это значит «полный, мест нет». Жест с использованием указательного и среднего пальцев, имитирующий тело человека, имеет следующий смысл – «сидячих мест нет, можно ехать стоя» (см.: Н.Астафьева 2008).

Проанализировав весь материал, можно сделать вывод о том, что язык условных сигналов автомобилистов достаточно многогранен. Знание семантики этих сигналов и соблюдение невербальной этики пользования ими способствует успешной невербальной коммуникации автомобилистов и, что самое главное – позволяет избежать аварий и сохранить человеческие жизни.

Литература

Адамова М. Условные знаки водителей – какие они бывают? [Электронный ресурс] // Интернет-портал «МОЛНЕТ.РУ». – 20.06.2013. Режим доступа: http://www.molnet.ru/mos/ru/private_transport/o_19991 (Дата доступа: 03.03.2014)

Астафьева Н. Новый язык жестов сформировался у водителей маршрутных такси [Электронный ресурс] // MR7 – Новости Петербурга. – 26.09.2008. Режим доступа: <http://www.mr7.ru/articles/70318/> (Дата доступа: 09.08.2014)

Гапон Н. Как не попасть впросак: язык жестов разных стран [Электронный ресурс] // TuristUA.com. – 21.09.2006. Режим доступа: <http://turistua.com/ru/articles/kak-ne-popast-vprosak-yazyk-zhestov-raznykh-stran/> (Дата доступа: 05.03.2014)

Дремов В. Условные знаки водителей на дороге [Электронный ресурс] // Автопортал. – 22.08.2011. Режим доступа: <http://autoportal.ua/articles/encyclopaedia/19381.html> (Дата доступа: 04.03.2014)

Скаженик Е.Н. Деловое общение / Е.Н.Скаженик. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. – 180 с.

Трохачёв А. Знаки водителей [Электронный ресурс] // Транслер. – 2009. Режим доступа: http://transler.ru/content/spravohnik/znaki_voditelei/ (Дата доступа: 04.03.2014)

Тумар А. Правила хорошего тона [Электронный ресурс] // Советская Белоруссия. – 07.10.2006. Режим доступа: <http://www.sb.by/post/54441/> (Дата доступа: 03.03.2014)

Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Рузаевка), докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)
ПОЧЕМУ ДЕТИ УБИВАЮТ?

«Великое наслаждение – Я хочу видеть агонию, убиваемого мной человека!»

1. Можно ответить очень просто: молодость искренна и честна, в особенности, когда она образована, и она ненавидит всех, когда эти все – изолгались и лицемерят, когда содержание изучаемых гуманитарных предметов – сплошная ложь и противоречит реальности! Преподавание литературы, истории, русского языка, этики, эстетики, социологии, политологии, культурологи, статистики, экономики, права, религии, общественных наук – чистое извращение истины,

равенства и справедливости, здравого смысла! Молодой разум и молодое сердце впадает в отчаяние от этой лжи и протестует, убивая людей и себя. Но это простое объяснение очевидно, и оно – правильно. Сложное же объяснение состоит в том, что в школе отсутствует реальная идеальная защитная среда для ребенка от конфликтов реальной жизни, семьи. Школа должна формировать: идеальную среду, защищающую и исправляющую ребенка. А что мы имеем в реальности в школе?

2. Школа является концентрацией пяти социальных конфликтов: социального (бедные и богатые), этнорасового, профессионального, коммуникативного, учебного в силу дефективности детей, учителей, буржуазии, наличия в школе инвалидов, криминальных детей с наследственным уже преступным характером, большим неравенством учеников в способностях, некомпетентными учителями в аспекте науки и педагогики, осуществляя расово-этническую деидентификацию и деидентичность, стремясь сформировать способного жестокого конкурента в полном отсутствии формы коллективности и перфекции, осуществляя циклы несправедливости и поощрения пороков, не являясь защитной средой и демонстрируя безнаказанность агрессии и насилия, несправедливости вообще, в оценках и возможностях.

Фактически школа осуществляет первородный грех и грех вообще (воспроизводство греха в биологическом наследовании) в усиленной форме – дети потенциально добры (но и злы в частнособственнических семьях, «вредины» генетически, почему и необходимо исправление пороков), но стимулируется соблазнение в зло, похоть и агрессия, растление, грех и преступление! Вероятно, в школе не уменьшается, а возрастает число абсолютных «врединов» (эгоистов) -75%, которые имеют конкурентное мышление, осуждаются как слабые альтруисты (менее 4%, а их биологическая норма – 5%), уменьшается число умеренных добряков до 11%, число любителей справедливости вообще отсутствует, число умеренных любителей справедливости – не более 10%. В школе исчезли дети, которые ориентированы на справедливость, а ценности справедливости – нет в «Законе об образовании», нет и в школе, нет в Конституции РФ, нет в обществе!

3. В школе полностью отсутствует форм воспитания, которая подменена социализацией – внешнем вмешательстве в душу подростка путем натаскивания подростка на конкретные образцы поведения и декларируемые ценности, которые, как бы мы в слове их лживо не называли, сутью имеют – конкуренцию, садизм, некрофилию, садомазохизм, нарциссизм, инцестуально-симбиотический синдром, конформность и аддикцию, то есть форму разрушительности и произвольного, а не произвольного поведения, то есть спонтанное агрессивное поведение самоутверждения любыми методами. Воспитание – развитие ВПФ и соответствующих зон коры и подкорки мозга предметами в культурно-типической традиции отсутствует на 100%! Школа не имеет воспитывающего эффекта вообще. В особенности это относится к школам и университетам Москвы, в том числе к МГУ. Это явный результат реформ Путина в образовании, школе и университете. Замечу, вероятно, погружение в конформность и аддикцию в силу генерирования избыточной энергии и информации ор-

ганизмом порождает рост спонтанной агрессии и всплески ярости, эпидемию истерического реагирования с соответствующим симптомокомплексом разрушительности в каждом ученике (двигательная буря и гиперкинез, которые усиливаются разрушительным воздействием родителей, которые не уважают школу и учителя).

4. Процедуры социализации – это процедуры наглого вмешательства во внутреннюю жизнь человека и ребенка, что вызывает полный распад психики у поколения! Тревога и страх – экзистенциальное состояние современных школьников вследствие idiotических реформ средней и высшей школы и социальности.

5. В связи с этим в поколениях детей на основе вмешательства в их внутренний мир происходит распад психики в аспектах: деформации самооценок, утрата естественности, утрата уверенности в себе, формируются садистские защитные стратегии противодействия внешнему вмешательству власти и школы, среды, деформируются и тормозятся ВПФ и зоны коры мозга связанные со справедливостью, происходит дэтнизация, формируются ложные цели, развивается сумеречное гипноическое и гипобулическое, астеническое сознание, тщеславие, энантность и агрессия, ярость, творческая импотентность, рессентимент.

6. Формируются сознательно и бессознательно пять стратегий безопасности поведения школьника: экстернальная, интернальная, логико-гносеологическая, тектолого-праксеологическая, генетическая.

6.1. Экстернальная стратегия безопасности школьника: принижение себя (за счет тестов) и реактивное возвеличивание в моделях тестов, БРС, олимпиад и т.п. вздора, яростная экспансия (нарциссизм, самовозвеличивание, мстительность, сексуальная озабоченность и дисфункция вследствие раннего полового просвещения-растления), самокопание и одиночество в отсутствии коллективизма и эусоциальности вообще, парохияльный альтруизм, прямой реципрокный альтруизм и имиджевой реципрокный альтруизм,

6.2. Интернальная стратегия.

Презрение к людям – цинизм и хамство, имидживое мышление, невротизм, непомерность притязаний, императивное навязывание своих оценок другим, не оправдывающие ожидания, ненависть на этой основе ко всем, рессентимент (обиды, их повторение, жажда мести, бессилие, наконец убийство любого доступного для убийства человека!).

6.3. Логико-гносеологическая стратегия.

Человек, ребенок в школе, подвергнувшийся наглому вмешательству в свою душу задает себе пять вопросов: «Могу ли Я быть в этом кровожадном мире?». Ответ – надо принять и выдержать, но для этого надо научиться убивать и спокойно видеть агонию убиваемого мной человека! Или не принять, и тогда – пьянка, наркотики, уголовщина. «Нравится ли мне жить?» Нет, но жить можно, получая наслаждение в оскорблении и унижении, причинении смерти ничтожествам – людям, которые не имеют силы убивать и красть (садомазохизм). «Кто виноват?» – все, ибо они принимают мир несправедливости. «Я – тварь или творец?» – другие твари, а я творец и докажу это творя смерть.

«Какой я? Имею ли я-Я право быть таким как я есть?» – более кровожадным и сильным, способным (избранность), не имея подлинной творческой способности (один потенциал), чем другие, вынося себе приговор – другие хуже и они меня не слышат и оправдание – я уникален (ультраярчество). Школа формирует не зверей, а ничтожества, которые получают наслаждение и видят смысл жизни в уничтожении, унижении людей, которые не способны оказать сопротивление. Так поступают и террористы, убивая беззащитных людей, а не людей вооруженных и обученных и не людей власти, защищаемых полицией!

6.4. Тектолого-праксеологическая стратегия реализации комплексов:

– комплекс *homo debilis*;

– комплекс Разрушительности в личности, формируется система стандартных переменных действия – садизм, некрофилия, садомазохизм, нарциссизм, инцестуально-симбиотический синдром, неофилия, скопофилия, зависть, злоба, зложелательство, злорадность, жадность, жесткость, памятозлобие, ненависть и мстительность без меры;

– функциональной адаптации в социализации;

– глобализма;

– неспровоцированной агрессии Лотреамона.

– комплекс темибильности: лидерство (эгоизм, агрессия, аффекты, лабильность, неспособность к любви); агрессия, аффекты, десоциализированность, высокий порог фрустрации; не способность к любви; женско-мужские и семейные переверзии; распад коллективности; энантность; религиозная темибильность;

– энантности: гипоноя (слабость ума), гипобулия (слабость воли); астения – слабость энергии; тщеславие; энантность – вытеснение верой знания и знанием веры;

– религиозной темибильности: избранность (абсолютная истина и справедливость; превосходство и избранность; полноценность – неполноценность; исключительность; ненависть к иным конфессиям;

– деградация комплекса Л.Н. Толстого-М. Ганди: ахимса (невреждение ничему живому); йога; апариграха (сопротивление ненасилием); сатьяграха (нестяжание); сарвадайа (коллективизм), вместо этого – активное сознательное истребление любого живого, кто с тобой не согласен;

– комплекс избранности (некоторые избраны – до 8%, а остальные нет; комплекс темибильности; эмотивная этика; неравенство; лжеправа человека; групповые идентификации в группы силы; телеология собственности и власти; циклы разрушения коллективностей; агрессия и насилие, войны, терроризм;

– комплекс эмотивной этики (добро – что я таковым считаю; прекрасное – что мне нравится; правильность – выгодное и целесообразное для меня как западного человека; нет общих критериев добра – зла; манипулирование понятиями, людьми, вещами и судом; деидентификация и деидентичность; телеология успеха – собственности и власти, конкуренции; циклы устранения конкурентов; легитимное насилие и агрессия на основе центров силы в мире.

6.5. Генетическая стратегия:

– деградирует в целом система наследования: биологического, эпигенетического, в материнских эффектах, в обучении, в наследовании моментальной мотивированной информации – наследуется именно утрата творческого потенциала и рост агрессивного и конкретного поведения и прекращено наследование эусоциальности, коллективности; парировать эти наследуемые деструкции невозможно немедленно, но только в течение 30 лет, если к этому будет политическая воля и соответствующее изменение программ обучения и модели школы соответственно русской педтрадиции;

– деградировала система зоны Дома и страха; питания в норме; манипуляции в общих целях; принятия решения; самооценки и предвиденья;

– деградировало соотношение хвостатого ядра (общая польза), скорлупы (чистая эффективность), островок (чувство несправедливости);

– деградировала система МПО (медиальная преоптическая область роstralной части гипоталамуса ответственная за любовь и сострадание);

– деградировала система ВМПК (вентромедиальная префронтальная кора), ответственная за стыд и вину; отключение МПО и ВМПК ведет к принятию решения на убийство без всяких колебаний;

– увеличены миндалевидные тела (зоны страха);

– деградирует система МСРН1 и ASPM, ответственные за объем и структуру мозга;

– деградирует система зеркальных нейронов, синтезируемых на основе избыточной энергии и концепта справедливости в сознании;

– деградирует системы избыточной энергии информации в силу свертывания образования и воспитания в этнических формах, объема письменной и устной речи в обучении;

– деградирует система дофаминэргическая система и соотношение дофамин нейромедиаторов D1 и D2, ответственных за верность и влюбленность, обучение на отрицательном опыте и эмоциональную конституцию, которая отмирает, заменяема работой скорлупы – эффективностью;

– деградирует системе FOXP2-язык и речь и соответствующие зоны – Брока и Вернике, с связи с тем, что объемы письменной и устной речи количественно настолько уменьшились, что исключают нормальное владение языком и речью, литературным языком;

– деградирует системы коллективизма – ген OXTR;

– деградирует система 7RDRD4 отвечающая за инновацию и новизну в принципе;

– деградирует система c-fos, отвечающая за новизну в частности;

– деградирует система erq1 – немедленного наследования – наследуется агрессия и конкуренция;

– деградирует флюидный интеллект;

– исчезает коллективный интеллект.

6.7. Локально ситуацию в отдельной школе изменить нельзя; необходимо изменение модели школы в русской педагогической традиции, а также программы обучения, предполагая резкое увеличение объема гуманитарных наук, прежде всего русского языка и русской классической литературы, истории, фи-

лологии в целом, этики и эстетики, философии, христологии и хадисов о Мухаммаде в концептах истины, равенства и справедливости. Эти изменения в программах будут способствовать снижению агрессии в ученике и человеке. Фактически гуманитарное образование из школы и университета исключено.

6.8. Могут возразить – случай стрельбы единичен. Нет, во-первых, массово растет агрессия вообще; во-вторых, массово растет агрессия учеников против учителей и друг друга в указанных пяти конфликтах; в-третьих, случаи стрельбы единичны в силу отсутствия в свободном обращении оружия; в-четвертых, случаи стрельбы регулярны в армии, где молодые люди каждый год расстреливают в карауле до 10 своих товарищей на тысячу; в-пятых, непрерывно растет уголовная активность молодежи!

7. Нам скажут: – а что вы предлагаете и что делать? Конечно, рассуждения официальных лиц по поводу убийства школьниками – вид слез крокодила и глупость, синдром Вильямсона (демагогия, правильные короткие пустые предложения, глубокая умственная отсталость, лживость, невежество). Что делать – ясно любому здравомыслящему человеку.

1) Без изменения внешней социальной среды и прекращения этой реформы школы положение будет только ухудшаться – в школе нет ни воспитания, ни образования, поэтому и объем открытий и изобретений – 2,5-5,5% в год.

2) Необходим русский, а не космополитический министр образования.

3) Необходима реализация этнокультурной русской традиции образования и воспитания Н. Лобачевского, Д.И. Менделеева, А.С. Макаренко, К.Д. Ушинского, реализуя этнические традиции. Необходимо прекратить практику вмешательства во внутренний мир ребенка и реализовывать не дикие социализирующие программы, а воспитание в духе русской педагогики, о которой министр образования и Академия педнаук не имеют представления. Необходима русская педагогика невмешательства во внутренний мир маленького человека.

4) Необходимо тратить на среднюю русскую школу университет до 10% ВВП и каждый год расходы увеличивать на 15%, а не тратить по 1,5-2 трлн. рублей на олимпиаду и отдых правительства в Сочи, что вызывает падение ВВП страны на 1% при его росте в 2013 г. на 1,2%!

5.1) Необходимо восстановление именно средней, а не специализированной русской школы как семьи с защитной средой. То есть необходимо прекратить дикую реформу – разрушение школы и её варваризацию в компьютеризационном безумии. Естественно, школа должна реализовывать функцию селекции!

5.2) Необходимо посредование системы науки, учебных предметов и ВПФ на основе закона избыточной энергии информации в обучении и развитии, прекратив дикую практику соединения предметов и их выбрасывания из обучения, мельчания предметов, формализации предметов и учения. Невежественные реформаторы и Запад не понимают, что как рынок стохастический процесс, который не формализуем, так и образование, и воспитание – личный не формализуемый не алгоритмический в принципе процесс (Н. Лобачевский, Ф. Хайек). Естественно, необходимо восстановление в правах урока и лекции, семинара и соотношения – 1 учитель и профессор на 5 учеников и 5 студентов. У нас не

переизбыток учителей, психологов и психиатров, профессоров, врачей, а их нехватка. В школе необходима психологическая служба. Нельзя превращать школу в полицейский и психиатрический участок. Заметим, что психика детей должна быть достаточно устойчивой, чтобы выдерживать, не впадая в стресс, естественную критику и осуждение, наказание и вознаграждение со стороны коллективов, учеников, учителей, внешних институтов. Школа не может существовать без параметров авторитета, дисциплины, быстроты количества и качества обучения, надежности обучения и воспитания, наслаждения обучением в лице, как учеников, так и учителей. Наша же школа – школа Страха, как учеников, так и учителей, которые бояться и друг друга, и безумия властей (Я.А. Коменский).

5.3) Необходимо сосредоточение целевой функции на обучаемости, развиваемости, открытии и изобретении, избыточной информации, организации в школе наследования. Школа – форма наследования – биологического, эпигенетического, в материнских эффектах, в обучении, одномоментного мотивированной информации.

5.4) Необходимо развертывания современных пединститутов, а не их ликвидации для формирования современного учителя. В современной школе уже нет УЧИТЕЛЯ! Учитель – ничтожество без реальных прав в отношении учеников!

5.5) Необходимо изменить стратегии:

А) стратегии обучаемости, вследствие ЕГЭ, когда 71% не имеет способностей к обучению в тех факультетах, где они учатся, а 60% вообще не имеют способностей к обучению вследствие фальшивого характера обучения в школах;

Б) стратегии занятости: 80% работает не по диплому, ищут просто работы, смены профессии в силу ничтожности зарплат дешевой рабочей силы; социальной сети, карьеры и лишь 5% хотят иметь подлинную квалификацию творческого работника.

Всё образование – полная фальсификация содержания обучения и обоснование зарабатывания денег в школе и университете, тестов. Естественно, все это требует прогрессивного налога и изменения формы воспроизводственной модели, формы собственности и Конституции. То есть то, о чем мы говорим, – невозможно. Деграция школы, университета и России – объективный процесс и есть свидетельство смерти русского народа. Умерли уже литература, образования и воспитание, потому что умер русский народ. Омар Хайям:

«О мудрец! Если тот или иной дурак
Называет рассветом полуночный мрак -
Притворись дураком и не спорь с дураками,
Каждый, кто не дурак, – вольнодумец и враг».

Признаком конца Света и России является исчезновение знания и знающих людей, вследствие чего в руководство избираются невежды, которые принимают решения без знания, что ведет к накоплению ошибок, которые уже нельзя исправить, и эти ошибки порождают вымирание мужчин и превышение числа

женщин над числом мужчин, что и ведет к демографическому вымиранию народа.

Докт. филол. наук Н.В. Дмитрюк (Чимкент, Казахстан)
К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ
ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ¹

Структура образа мира, т.е. специфическая этническая картина мира, формируется на ранних этапах этногенеза и ее инвариантная часть – этнокультурная константа – остается неизменной в течение всей жизни этноса. Именно эта специфическая, свойственная только данному этносу инвариантная часть и составляет основу национального менталитета, под которым мы, вслед за Л.Гумилевым, понимаем «совокупность сознательных и бессознательных установок, сопряженных с этнической традицией» [Л.Н.Гумилев 1993, 16].

Именно она, эта этнокультурная константа, определяет этническое своеобразие и неповторимость каждой конкретной культуры, а, значит, и своеобразие духовной и этноментальной жизни ее носителя – этнической общности, «которой присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и которая функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социальных изменений» [С.В.Лурье 1997: 41].

Проблемы национального сознания, национальной психологии, национального менталитета особенно интенсивно стали исследоваться в последнее время учеными смежных наук – культурологии, антропологии, этнической психологии, этнопсихолингвистики и др. Наметившиеся в прошлом веке две противоположные тенденции во взглядах на национальное сознание (с одной стороны – абсолютизация психологического, индивидуально-специфического подхода, с другой стороны – преобладание социального, универсально значимого) в последние десятилетия претерпели немало изменений, и уточнений, обусловленных новыми экспериментальными исследованиями, но, тем не менее, остались противопоставленными друг другу.

Решение этих проблем, на наш взгляд, следует искать с применением комплексного подхода к национальному сознанию как сложному системному объекту, принимая во внимание и беря за основу лишь рациональное и убедительное во взглядах ученых – приверженцев разных концепций, избегая их предвзятости и тенденциозности. Убедительным, на наш взгляд, является утверждение современного психолога И.С. Кона о том, что различия в национальном характере, которые мы интуитивно схватываем, являются «частью практического

¹ Работа осуществляется при финансовой поддержке МОН РК научного Проекта № 0771/ГФ «Межкультурная коммуникация: ментально маркированные концепты казахской культуры, социальная идентичность и толерантность».

процесса социального взаимодействия», а в этнических стереотипах сконцентрирована вся история национальных отношений [И.С.Кон 1971: 136]. Следовательно, о них (индивидуальных национальных чертах характера) можно судить, только исходя из опыта истории и культуры всего народа в целом.

Вместе с тем, исследование проблемы национального сознания, национального характера невозможно без учета взаимоотношений между языком, культурой и мышлением, что заставляет нас обратиться к истокам такого (действенного) рассмотрения названных категорий в работах немецких лингвистов прошлого века И.Г.Гердера и В.Гумбольдта, положивших начало психологическому направлению в лингвистике.

В контексте нашего исследования ментально маркированных концептов казахской культуры вербальные формы ассоциирования рассматриваются как специфические формы закрепления в языке содержания мыслительных образов, в силу чего язык иногда называется косвенной формой отражения реальности. Движение от мысли к слову обусловлено активизацией целой системы компонентов, обеспечивающих в форме образов, схем, символов, фреймов и прочего, чувственное отражение окружающего мира в сознании, реализуемое в интенциях речевого высказывания, в формировании замысла речевого сообщения.

Этот процесс свойственен представителям любого языкового (этнического) коллектива, ибо он имеет надэтническую природу.

Этнокультурную выраженность трансформируемая мысль приобретает в только процессе вербализации. И на вопрос, когда, на каком этапе движения «от мысли (образа) к слову» мир понятий «одевается» в этническую форму, можно, безусловно, ответить, что именно язык «раскрашивает мир в этнокультурные цвета», именно язык как основной этнодифференцирующий признак любого этнокультурного сообщества с помощью системы своих значений и ассоциаций создает этническую неповторимость языковой картины мира.

Литература

- Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М., 1993.
Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология / Под ред. Б.Ф. Поршнева и Л.И. Анциферова. – М.: Наука, 1971. С. 122-158.
Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект-пресс, 1977.

Студент Н.А.Жуплатова (Ульяновск)

НЕВЕРБАЛИКА ОКУЛЕСИКИ И ЕЁ ЗНАЧИМОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Невербальная коммуникация является стороной общения и состоит в обмене информацией между индивидами без помощи речевых и языковых средств, представленных в какой-либо знаковой форме. Такие средства невербального общения как: мимика, жесты, поза, интонация и др. выполняют функции дополнения и замещения речи, передают эмоциональные состояния парт-

нёров по общению. Также одним из невербальных способов передачи информации является взгляд, движение и выражение глаз, которые изучаются окулесикой. Окулесика играет важную роль во всей системе невербального общения, поскольку глаза, как известно, лгать не могут, и, зная невербальные сигналы глаз и их значение, можно лучше понять своего собеседника.

Окулесика является подкатегорией кинесики, которая занимается изучением движения глаз, типов взгляда и визуального поведения людей в процессе общения. Как социальная и поведенческая сфера знания, окулесика является формой невербальной коммуникации, которая фокусируется на выявлении значения движения глаз.

Зарубежные исследователи в области межличностной коммуникации выделяют следующие уровни окулесики: [Reis, Harry T.; Sprecher 2009: 32]

Уровень 1: Зрительный контакт

В этом уровне представлены три аспекта: [Sullivan, Larry E. 2009: 45]

- Прямой зрительный контакт
- Непрямой зрительный контакт
- Продолжительность зрительного контакта

Уровень 2: Движение глаз.

Уровень 3: Изменение размера зрачков

Уровень 4: Направление взгляда

Теоретики и учения в сфере окулесики:

Доктор Пол Экман известен как американский психолог, профессор Калифорнийского университета в Сан-Франциско, специалист в области психологии эмоций, межличностного общения, психологии и «распознавания лжи». Известен как вдохновитель и консультант популярного телесериала «Обмани меня» («Lie to me»). Экман является соавтором книги «Система кодирования лицевых движений» (1978). [Dr. Paul Ekman 2012: Paul Ekman.com.] В своих изучениях он искал взаимосвязь между окулесикой и мимикой. Также доктор Пол Экман занимался изучением так называемой «Улыбки Дюшена» [Gladwell, Malcolm 2002: 46], т. е. искренней улыбки радости, которая выражается совместном сокращении мышц *zygomaticus major* и *orbicularis oculi*. (Прим. Дюшен де Булон – невролог и основатель электротерапии)

Окулесика и передача эмоций:

В своей книге «Эмоции Человека» Кэрол Эллис Изард говорил, что "полное определение эмоции должно включать в себя все три аспекта или компонента: (а) ощущение эмоции, (b) процессы, которые происходят в мозговой и нервной системе и (с) эмоции, отражающиеся на лице". [Izard, Carroll E. 1977: 132-135] И именно в третьем компоненте окулесика играет свою роль, поскольку она является основной формой передачи эмоций. Во многих науках и сферах знания изучались способы определения эмоций, выражаемых через взгляд. Например, исследование Нейролингвистического программирования (NLP) устанавливает три главных типа мышления: кинестетический, визуальный и аудиальный. [Kurtus Ron 2004: 106] Согласно этому исследованию, окулесика может показать, какой тип мышления принадлежит тому, с кем мы общаемся.

Другим немаловажным моментом в окулесике является определение основных видов эмоций человека. Предпринималось множество попыток составить специфический список эмоций или структурировать эмоции. Две самые известные и широко применимые методологии приписываются уже упоминавшемуся Полу Экману и профессору Роберту Плучику.

Доктор Экман заявляет, что есть 15 основных эмоций, – развлечение, гнев, презрение, удовлетворенность, отвращение, затруднение, волнение, страх, вина, гордость, успех, облегчение, печаль/бедствие, удовлетворение, сенсорное удовольствие и позор [Ekman Paul 1999: 45–60].

Доктор Плучик говорит, что есть восемь основных эмоций, у которых есть восемь противоположных эмоций, все из которых создают человеческие чувства (у которых также есть противоположности). Он создал Колесо Эмоций, чтобы продемонстрировать эту теорию. [Plutchik, Robert 1999: 150-155]

В качестве примера можно привести некоторые движения или выражения глаз и описать эмоции, которые с этим связаны. Благодаря этим знаниям, мы всегда сможем лучше понять нашего собеседника и более успешно построить коммуникационный процесс:

Взгляд вверх – Разные люди смотрят вверх по разным причинам: одни могут поднимать глаза вверх, чтобы вспомнить что-то, другие же поднимут глаза, чтобы продемонстрировать скуку и незаинтересованность в теме разговора. Также в данном случае большую роль играет положение головы, например, опущенная голова и поднятые вверх глаза могут служить признаком скромности или стеснительности.

Взгляд вниз – Избегание зрительного контакта в случае, когда собеседник опускает глаза вниз, может являться признаком страха или подчинения. Также это может говорить о том, что человек, с которым мы общаемся, испытывает чувство вины. Однако, в зависимости от того, к какой культуре принадлежит человек, это может быть признаком демонстрации уважения к собеседнику.

Движение глаз из стороны в сторону – Когда человек отводит глаза в сторону во время разговора, это может говорить о том, что что-то иное привлекло его внимание больше, чем тема обсуждения, и собеседник отвлекся. В таком случае успешный коммуникатор добьётся того, чтобы снова привлечь к себе внимание собеседника. Кроме этого, движение глаз в разные стороны (в лево или в право) может говорить о разных вещах. Например, взгляд налево может означать, что человек пытается вспомнить звук, в то время как взгляд вправо может означать, что человек фактически представляет определённый звук. Также так называемый «бегающий взгляд», когда человек постоянно смотрит в разные стороны, может сообщить нам о том, что человек лжёт.

Пристальный взгляд – Пристальный взгляд несёт в себе информации больше, чем просто зрительный контакт. При пристальном взгляде глаза собеседника могут быть несколько шире, чем при обычном зрительном контакте, и это говорит о заинтересованности собеседника в теме разговора.

Сощуренные глаза могут говорить о том, что человек просто хочет рассмотреть какой-то заинтересовавший его объект более пристально. Это может также означать, что человек пытается понять, говорят ему правду или нет, то

есть, сощуренные глаза являются признаком подозрительности. Также человек может щуриться, когда говорит неправду, чтобы другие люди не смогли догадаться о том, что он врёт.

Подмигивание – Подмигивание может указать, что два человека понимают друг друга без слов. Это может означать "привет", или это также может быть признаком флирта.

Окулексика: культурный аспект

Латиноамериканская культура и англосаксонская культура

Есть много различий между англосаксонской культурой и латиноамериканской культурой. Кроме очевидных языковых различий, невербальная коммуникация – наиболее заметное различие между этими двумя группами. Определенно согласно невербальной коммуникации и окулесике, зрительный контакт может помочь дифференцировать, к какой из двух культур принадлежит человек, с которым мы общаемся, глядя только в его глаза.

Социологи утверждают, что англичане смотрят пристально в глаза человека, с которым они говорят. Латиноамериканцы посмотрят в глаза человека, с которым они говорят, но только мимолетно, и будут постоянно отводить глаза в сторону во время разговора. В традиционной англосаксонской культуре подобное отведение глаз в сторону обычно свидетельствует об отсутствии уверенности или правдивости. Однако в латиноамериканской культуре прямой или длительный зрительный контакт означает, что человек бросает вызов тому, с кем общается, или у него есть романтический интерес к собеседнику. [Cruz W. 2001: 51–54.]

Мусульманская культура

Большинство мусульман опускает головы и не смотрит на тело человека противоположного пола, за исключением рук и лица. Это - демонстрация уважения, но также и соблюдения культурных традиций. [Al-Musaymîrî, Riyâd Dr. 2011: 42]

Западные тихоокеанские страны

Много западных Тихоокеанских стран разделяют большую часть тех же культурных правил, что и большинство восточных культур. Детей в школах учат смотреть не на лицо преподавателя, а на его шею или галстук. Это правило соблюдается и в течение всей взрослой жизни человека, поэтому большинство представителей азиатской культуры опускает глаза в разговоре с начальником в знак своего уважения. [Moran, Robert T; Harris, Philip R. & Moran, Sarah Virgilia 2010: 64–65.]

Восточная Азия и северная Африка

Во многих восточноазиатских и североафриканских культурах, таких как Нигерия, так же не принято смотреть в глаза человеку, который стоит выше по статусу, социальному положению или занимает более высокую должность. Поиск постоянного зрительного контакта в таких культурах является признаком проявления властности или же недовольства. [Galanti, Geri-Ann 2008: 34–35.]

Соединенные Штаты

В Соединенных Штатах зрительный контакт может служить средством управления и, как правило, связан с проблемами уважения, внимательности и

честности в американской культуре. Американцы связывают прямой зрительный контакт с честностью и демонстрацией доверия. [Sadri Houman A.; Flammia Madelyn 2011: 67]

Как же нужно обращаться с этими культурными различиями? Как понять, к какой культуре относится человек, чтобы можно было правильно выбрать невербальные сигналы, связанные с той культурой? На этот довольно сложный вопрос можно дать простой ответ. Наблюдать, слушать и запоминать. Коммуникаторы и лидеры становятся успешными только тогда, когда наблюдают за действиями других. Окулесика – не автономная наука. Используя невербальную информацию, полученную из разных источников, можно составить полное представление о представителе той или иной культуры.

Социологи также утверждают, что в первую очередь необходимо знать об особенностях зрительного контакта в собственной культуре, чтобы правильно интерпретировать невербальные сигналы других культур.

Список литературы:

Al-Musaymîrî, Riyâd Dr. (2011). "Men & women speaking together without temptation". IslamToday - English.

Cruz, W (2001). "Differences in nonverbal communication styles between cultures: The Latino-Anglo perspective" 1 ((4)). Leadership & Management in Engineering. pp. 51–54.

Dr. Paul Ekman (home website) (2012). "About Ekman". Paul Ekman.com.

Ekman, Paul (1999). "Basic emotions". In Dalglish, T.; Power, T. (Eds.). The handbook of cognition and emotion. Sussex, U.K: John Wiley & Sons, Ltd. pp. 45–60.

Galanti, Geri-Ann (2008). Caring for patients from different cultures (4th ed.). Philadelphia: University of Pennsylvania Press. pp. 34–35.

Gladwell, Malcolm (2002). "The naked face." Annals of Psychology. The New Yorker.

González, Iris Grace (1973). Juan Luis Vives: His contributions to rhetoric and communication in the sixteenth century with an English translation of De consultatione. University of Indiana.

Izard, Carroll E (1977). Human emotions. New York: Plenum

Kurtus, Ron (2004). "Reading eye movement in communication".

Moran, Robert T; Harris, Philip R. & Moran, Sarah Virgilia (2010). Managing cultural differences: Global leadership strategies for cross-cultural business success. Amsterdam: Butterworth-Heinemann. pp. 64–65.

Plutchik, Robert (1999). "The nature of emotions".

Reis, Harry T.; Sprecher, Susan (Eds.) (2009). "Encyclopedia of human relationships: Volume 1". Sage Publications.

Sadri, Houman A.; Flammia, Madelyn (2011). Intercultural communication: A new approach to international relations and global challenges. New York: Continuum International Publishing Group.

Sullivan, Larry E. (Ed.) (2009). "The SAGE glossary of the social and behavioral sciences". Sage Publications.

Канд. психол. наук Р.Р.Зинурова (Ульяновск)

ИГРА КАК МИФ И МЫШЛЕНИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ

Проблема детской игры в психологии является одной из актуальных и достаточно хорошо исследованной в трудах Выготского Л.С., Эльконина Д.Б., Леонтьева А.Н.

Однако совершенно неизученным оказался взгляд на игру в мифологическом контексте. Мы считаем, что понимание игры как мифа позволит обратиться к игре дошкольника не только с психологических позиций, но и с позиций культурогенеза. Важность и необходимость изучения данного вопроса диктуется пониманием личности как части культуры, производящей культуру и пониманием того, что формирование личности ребенка осуществляется в игровой деятельности.

Миф в культуре определяется как модель мира. Но это не просто модель. Особенностью мифа является то, что, если отражаемая в нем реальность оказывается незавершенной, она достраивается субъектом до законченной модели. Несмотря на то, что эта модель частично состоит из воображаемого желаемого компонента, она способна полноценно выполнять основную функцию – быть образом мира. Собственно, миф и создается в тех случаях, когда имеется дефицит содержательной, когнитивной, мотивационной и другой реальности.

В этом смысле мы рассматриваем игру как миф, т.е. как модель реального мира, создаваемую ребенком. В силу своего возрастного статуса дошкольник не может реализовывать свою потребность быть субъектом взрослых реальных отношений. Поэтому, отражая в игре отношения людей во фрагментах социальной жизни, ребенок достраивает модель этих отношений воображаемыми компонентами. Предположительно, воображение играет свою главную роль в процессе поиска ребенком вариантов проживания нормативных отношений взрослых в жизни. Поэтому, несмотря на то, что тематика сюжетов игр дошкольников более бедна, чем «тематика» социальных фрагментов, нет ни одной пары схожих игр, так как каждый ребенок играет в свою игру, создает свой собственный контекст известной игры. В этом смысле интересен один любопытный факт. Все сюжетные игры строятся на одной принципиальной основе, которая характеризуется существованием полярных персонажей. Например, врач – пациент, шофёр – пассажир, пограничник – нарушитель, продавец – покупатель и т.д. Существование биполярных оппозиций – «действующих лиц» социального фрагмента, отношения между которыми и составляют содержание этих фрагментов – создают ситуацию «интриги». Такая ситуация встречи противоположных персонажей позволяет ребенку придумывать бесконечное множество вариантов возможных сценариев игры на одну и ту же тему. Например, через игру «дочки-матери» прошли практически все представительницы человечества. Но каждая девочка, играя, придумывает свою интерпретацию данного

сюжета и использует свой определенный набор выразительных и изобразительных средств.

Для мифов характерна особенность – оригинальность мифологической рефлексии. Дело в том, что она реализуется посредством нескольких кодов, каждый из которых извлекает из опыта скрытые, зачаточные качества. Благодаря этим кодам существует возможность сравнения сферы опыта с другими сферами и, не только сравнивать, но и производить перевод одной сферы в другую. В игре таких переводов, по меньшей мере, два. Первоначально осуществляется перевод внешней социальной сферы отношений в жизненный опыт дошкольника, переживание которого затем формирует определенные модели отношений в будущей взрослой жизни. В этом процессе особую позицию занимает та роль, которую берет на себя играющий ребенок.

Традиционно в теории детской игры роль рассматривается как главный компонент структуры игры. Рассматривая роль в игре в контексте мифа, мы предполагаем, что она выполняет знаковую функцию Роль, также как и маска в мифологическом пространстве, является носителем определенного сообщения. Роль в игре не существует сама по себе, она обязательно предполагает существование других ролей. Роль является не тем, что она изображает, а тем, что она трансформирует – определенный вектор социальных отношений. Кроме этого, роль сообщает определенные мотивы поведения. Реализованные в игре, эти мотивы поведения в будущем становятся мотивами поведения в системе реального социального взаимодействия. Например, вежливость продавца и покупателя в игре – вежливость продавца и покупателя в жизни.

Знаковой системе свойственна трансформируемость. Роль в игре обладает тем же свойством – переводимостью. Посредством замещений имеется возможность перехода на язык другой системы. Так же как в реальности человек, беря на себя какую-либо социальную роль, совершает поведение, являющееся атрибутом данной роли, выполняет действия, которые диктуют правила этой роли. В игре отмечаются аналогичные явления и, дети в ситуации, когда кто-то из игроков совершают действия, не соответствующие избранной роли, быстро реагируют и указывают на это несоответствие. В ходе игры дети делают открытие, что один и тот же игрок может одновременно играть несколько ролей: на работе – продавец, а дома – мама; дома – дочка и внучка, а в школе – ученица. Это открытие является важным и выводит игру на новый уровень. В этом случае одновременно разыгрывается несколько слоев отношений, и игра становится многомерной. Дети обычно в такие игры играют долго. Свойство переводимости роли как знака проявляется также в том, что благодаря роли у ребенка имеется возможность быть тем, кем он хочет быть. Для него ничего невозможного не существует. При этом он может свободно перемещаться в воображаемый мир, возвращаться в реальный, а самое главное, может одновременно существовать и действовать в двух пространствах. Именно роль является тем опосредующим звеном между «взаправду» и «понарошку». Ребенку оказывается доступным осознавать себя, например, мальчиком Витей и строгим милиционером. Игровое бытие и игровое пространство становится многомерным, что также характерно для мифа.

Знаковость роли предполагает наполнение образов широким спектром смыслов и значений. Это в свою очередь определяет конкретный субъективный смысл игры. Причем появление смысла является одним из важнейших результатов не только игры, но и личностного развития ребенка в игре. Порождение смыслов формирует у ребенка систему ценностей, сознание, мировоззрение, систему смыслов отношений между людьми.

Развитие личности ребенка в игре является одним из важнейших аспектов теории детской игры. Существование бинарных оппозиций в игре приводит не только к появлению противоречия, конфликта или интриги. Наличие противоречия неизбежно влечет за собой появления нового: линий в сюжете, выразительных и изобразительных средств, новых ролей и диалогов. Что именно нового появится в игре – не столь важно, важно то, что появление этого нового знаменует развитие не только игры, но и развитие личности ребенка. Главный результат игры – появление субъекта деятельности. Только личность такого уровня обладает возможностью не просто реализовывать содержание социальных отношений, заложенных в обществе и закрепленных в культуре, т.е. существующих как нормы (и поэтому определяющих изначально конкретный тип взаимодействия), но и обладает способностью продуцировать новые варианты отношений, новое содержание или новые контексты. В этом случае ребенок выходит за пределы существующих социальных стереотипов. Сюжетная игра является именно такой уникальной деятельностью, где имеются все благоприятные условия, в силу своей мифологичности, для такой трансформации личности ребенка.

Понимание игры как мифа предполагает существование особого типа мышления дошкольников. Проблеме мифологического мышления посвящено ряд работ, в которых отмечается специфика мифологического мышления. На наш взгляд основу мифологического мышления составляет диалектическое мышление. В своих исследованиях Веракса Н.Е. выделяет следующие мыслительные действия.

– Действие диалектического **превращения**, когда к суждению, объекту или явлению подбирается противоположное суждение, объект или явление.

– Действие диалектического **опосредствования**, когда находится объект или явление, в которых могут одновременно существовать две изначально заданные противоположности.

– Действие диалектического **объединения**, когда в целостном объекте обнаруживаются противоположности, которые как раз и являются его истинной сущностью.

– Действие диалектической **сериации**, когда производится упорядочивание этапов изменения какого-либо объекта или явления в направлении от начального состояния к конечному.

– Действие диалектического **замыкания**, когда в процессе изменений объект вначале превращается в противоположность, а затем опять возвращается в первоначальное состояние.

– Действие диалектического **обращения**, когда при изучении какого-либо процесса то, с чего начинался анализ, становится окончанием, а конец – началом анализа.

Диалектическое мышление, как и мышление вообще, представляет собой опосредованный процесс, имеет свою специфику, что определяет специфичность его средств. В исследованиях по диалектическому мышлению дошкольников, проведенных Вераксой Н.Е., выявлена главная принципиальная особенность средств диалектического мышления, которая состоит в отражении отношения противоположности. В качестве таких средств могут выступить диалектические наглядные схемы, наглядно передающие отношение противоположности.

В работах Л. С. Выготского мыслительные средства рассматриваются как материальные орудия, культурные образования, которые представляют собой внешние средства – знаки, схемы и др. Л. С. Выготский указывал на то, что, являясь средством психической деятельности, знак имеет внутреннюю и внешнюю направленность. Процесс овладения знаком предполагает изменение формы его употребления и структуры операций. Структура операций из внешне опосредованной становится внутренне опосредованной.

В исследованиях В. В. Давыдова установлено существование двух видов мыслительных средств: эмпирические и теоретические обобщения. Базу теоретического мышления составляет мысленный эксперимент, который оперирует не представлениями, а собственно понятиями. Теоретическое понятие выступает и как форма отражения материального объекта, и как средство его мысленного воспроизведения, т. е. как особое мыслительное действие. Сущность теоретических понятий как средств мышления определяется как образование социально детерминированное.

В качестве средств диалектического мышления может выступать схема, деятельности имеют внешний характер и культурную принадлежность. Она представляет собой структуру, позволяющую варьировать алгоритмы действий. Такая схема преобразуется из «внешнего стимула» в собственно мыслительное средство.

Структура, отражающая формальные отношения, стимулирует нормативный характер знаний, соответственно, диалектическая структура является основой для функционирования диалектического, преобразующего, творческого типа познания.

В качестве таких структур мы называем диалектические наглядные схемы, которые обладают высшей степенью обобщения, т. е. являются обобщением обобщения, способны выполнять функции средств разных уровней, являются средствами средств. Диалектические наглядные схемы обладают универсальностью, так как отражают диалектические отношения, не зависящие от конкретного содержания; отражают сущность целостной структуры объектов и отношений. В этом смысле они могут быть рассмотрены как средства, отражающие структуру мифа. Являясь средствами высшего порядка, диалектические наглядные схемы могут обеспечить выполнение функций средств высокого и низкого порядков, т. е. обладают свойством самопорождения.

Можно назвать диалектические наглядные схемы трех уровней. Диалектические наглядные схемы низшего уровня отражают единичные диалектические отношения и применяются как средства анализа конкретной структуры единичного содержания. Диалектические наглядные схемы среднего уровня отражают объекты и диалектические отношения одного класса содержания и применяются для анализа обобщенной структуры. Диалектические наглядные схемы высшего уровня отражают существенные отношения независимо от содержания и применяются для анализа целостной структуры также независимо от содержания. Все диалектические схемы, независимо от степени обобщения и порядка организации включают в свою структуру принципиальные компоненты: противоположные элементы и посреднический компонент, создающий противоречивую ситуацию и одновременно разрешающий противоречие.

Таким образом, диалектическое мышление предполагает, прежде всего, обнаружение противоречивых связей и отношений между объектами. Кроме этого, владея средствами диалектического мышления, ребенок оказывается способным не только понимать характер отношений, но и находить пути преодоления противоречивой ситуации.

Играя в сюжетную игру, ребенок, с одной стороны, воплощает в ней свое видение мира. С другой стороны, все то, что происходит в игре и по поводу игры накладывает отпечаток, преобразует и изменяет его взгляд на вещи и людей, а, главное, на отношения между ними. Мало того, что ребенок, играя, учится по-разному смотреть на окружающие явления, он еще и сам изменяется, становится субъектом этих социальных отношений. В этом смысле, наблюдая игры современных детей в «террористов», «мафию», «сериалы», «взломщиков», «Бэтменов» и т.п., стоит задуматься над тем, какие личностные качества формируются у детей, как они будут строить взаимодействия между собой, какие личности волеются в общество.

В нашей статье мы обозначили лишь несколько проблем, связанных с новым взглядом на игру как мифа: сущность игры, понимание роли в сюжетной игре, особенности мифологического мышления в игровом мифотворчестве, становления и развития личности играющего ребенка.

Литература

- Бандура А. Теория социального научения. – СПб, Евразия, 2000.
Веракса Н.Е. Личность и культура // Перемены, 2000.
Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. - Т. 4, М., 1982.
Пелипенко А.А., Яковенко И.С. Культура как система. – М., Языки русской культуры, 1998.
Леви-Строс К. Путь масок. – М., Республика, 2000.
Хейзинге Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1994.
Эльконин Д.Б. Психология игры. – М., 1999.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРА ПРОТЕКАНИЯ ДЕТСТВА И ОПТИМИЗМА/ПЕССИМИЗМА ЛИЧНОСТИ

Известный американский психолог Эрик Берн в своей книге «Люди, которые играют в игры» писал: «В раннем детстве каждый решает, как он будет жить и как умрёт, и этот план, всегда присутствующий в сознании человека, мы называем сценарием» [Э.Берн 2010: 186]. Именно этим самым «сценарием», заложенным в нас нашими родителями с детства и даже до нашего рождения, мы руководствуемся при принятии самых важных в нашей жизни решений, таких как выбор супруга, друзей, профессии и т.д.

Другой, не менее известный психолог Мартин Зелигман говорит о привычном способе объяснять жизненные неудачи (так называемом стиле объяснения), который влияет на нашу жизнь и определяет наше оптимистичное или пессимистичное мировоззрение: «Ваш привычный способ объяснять неприятности, ваш стиль объяснения, это нечто большее, чем просто слова, которые вы произносите при неудаче. Это – привычка мыслить, приобретенная в детстве и юности. Ваш стиль объяснения коренится непосредственно в вашем взгляде на ваше место в мире – считаете ли вы себя ценным и заслуженным либо бесполезным и безнадежным. Это как раз и является критерием, оптимист вы или пессимист» [М.Э.П.Зелигман 1997: 72].

В связи с вышесказанным можно предположить, что характер нашего детства, «сценарий» или «привычный способ мышления» и «стиль объяснения», запрограммированные внутри нас и определяющие, по сути, всю нашу дальнейшую судьбу, могут напрямую влиять не только на уровень нашей оптимистичности и пессимистичности, но также и на нашу *речь*. Мы решили рассмотреть конкретную проблему с лингвистической точки зрения и проверить данную гипотезу на примере текстов песен лидеров знаменитой «ливерпульской четвёрки» “The Beatles” Джона Леннона и Пола Маккартни.

В качестве материала исследования были взяты тексты песен, написанные и выпущенные Джоном Ленноном и Полом Маккартни в период их совместного участия в знаменитом коллективе с 1963 по 1968 гг. Всего было взято 59 песен (1767 строк), написанных Ленноном, и 53 песни (1571 строка), написанных Маккартни.

Автор	Количество песен	Общее количество строк	Количество оценочных строк	Количество высказываний самооценки
Леннон	59	1767	288	73
Маккартни	53	1571	271	74

В первую очередь из текстов песен были отобраны те высказывания и строки, в которых содержалась оценка (позитивная или негативная). Всего у Джона Леннона оказалось 288 оценочных строк. В свою очередь, у Пола Маккартни – 271. В целом количество оценочных строк обоих авторов находится в

пределах одной статистической вероятности, и они встречаются с одинаковой частотностью, что подтверждается результатами подсчётов χ^2 критерия ($\chi^2 = 0,4080 < 3,84$), который был предложен Б.Н.Головиным для статистического сравнения частот одного и того же явления в двух разных совокупностях [Б. Н. Головин, 1970: 33].

Наибольшее значение для нас имеют высказывания, в которых авторы песен говорят *о себе*, т.е. высказывания с самооценкой. Именно из таких высказываний мы и получаем наибольшее количество информации о характере и мировоззрении самих авторов. При общем подсчёте оказалось, что из общего количества оценочных строк у Леннона 73 высказывания с самооценкой, а у Маккартни – 74. При подсчёте χ^2 критерия было выявлено, что и Леннон, и Маккартни используют высказывания с самооценкой одинаково часто.

Следующим этапом исследования стало определение оптимистичного и пессимистичного характера высказываний с самооценкой. В процессе исследования мы опирались на критерии, предложенные М.Зелигманом, по которым и определяется характер высказывания. Этими критериями являются: параметр персонализации, постоянства и широты. Рассмотрим вкратце каждый из параметров.

Параметр *персонализация* (*personalization*) связан с ориентацией человека на внутренний или внешний мир. Когда происходят какие-либо неприятности, мы можем обвинять в них либо себя, либо других людей и обстоятельства. Т.е. с одной стороны, внутренний подход, с другой – внешний. В случае оптимистического стиля объяснения хороших событий объяснение носит скорее внутренний, чем внешний характер [М.Э.П.Зелигман 1997: 80-82]. В речи всё это выражается с помощью пассивных и активных конструкций. Если встречаются пассивные грамматические конструкции, страдательный залог, выраженный страдательным причастием или при помощи постфикса -ся (для русского языка), значит, говорящий не считает себя активным участником ситуации, следовательно, не несёт за неё ответственность. Если говорящий использует активную конструкцию (особое внимание при этом необходимо обратить на глаголы действия), значит, он, наоборот, признаёт свою ответственность [подробнее об используемой методике см.: Ю.В.Котова 2012: 93; Ю.В.Котова 2013: 6].

Параметр *постоянство* (*permanence*) напрямую связан с временным фактором. Есть люди, которые считают, что все неудачи и неприятности в их жизни носят постоянный характер. Это пессимисты. В свою очередь те, кто считает, что неприятности носят временный – оптимисты. Что касается положительных событий, то здесь всё с точностью наоборот. Если человек считает, что положительные события в его жизни регулярны, то он – оптимист, а если эти события являются случайностью, то он – пессимист [М.Э.П.Зелигман 1997: 72-74].

С лингвистической точки зрения параметр постоянства соотносится с понятием вида глагола. В русском языке мы говорим о совершенном и несовершенном видах глагола, а в английском – об общем (Common) и длительном / прогрессивном (Continuous / Progressive). Иногда сюда относят перфект.

Параметр постоянства связан с употреблением таких наречий и словосочетаний, как *сейчас* (*now*), *всегда / постоянно / вечно* (*always*), *никогда* (*never*), *редко*

(*rarely / seldom*), *часто (often)* и т.п. Использование сложноподчинённых конструкций, а именно, придаточных времени и условия также является ограничивающим длительность действия фактором [Ю.В.Котова 2012: 92].

Параметр *широта (pervasiveness)* связан с универсальностью и специфичностью (конкретностью) явления. Зелигман отмечает, что люди, которые дают универсальное объяснение своим неудачам, склонны «капитулировать по всем направлениям», хотя неудачи могут подстергать их только в какой-то конкретной области. Люди, считающие, что им не везёт только в конкретных областях, могут оказаться в них беспомощными, но при этом хорошо проявят себя в других. Что касается оптимистичного стиля объяснения хороших событий, то он прямо противоположен объяснениям для плохих. Оптимисты верят, что у плохих событий – конкретные причины, а пессимисты уверены, что плохие события имеют универсальные причины [М.Э.П.Зелигман 1997: 76-78].

Ярким лингвистическим показателем данного параметра является использование таких местоимений, как *все / всё (all, everybody, everything)*, *всякий / каждый (every)*, *никто / ничто (nobody, no one / nothing)* и т.п.

Для обозначения универсальности / специфичности также существует представление об обще- и частноутвердительных, а также обще- и частноотрицательных предложениях [подробнее см. Н.С.Валгина 2000].

Таким образом, мы имеем методику определения оптимистичности / пессимистичности высказывания, состоящую из нескольких этапов:

- 1) определение оценки (положительная / отрицательная);
- 2) определение параметра постоянства;
- 3) определение параметра широты;
- 4) определение параметра персонализации;
- 5) определение общей степени оптимизма / пессимизма.

Приведем пример использования данной методики.

Для анализа возьмём высказывание из песни Джона Леннона “You’ve got to hide your love away” – «Ты должен скрывать свои чувства».

“Hey, you’ve got to hide your love away!”

“Hey, you’ve got to hide your love away!”

How can I even try?

I can never win.

Hearing them, seeing them

In the state I’m in.

«Эй, ты должен скрывать свои чувства!»

«Эй, ты должен скрывать свои чувства!»

Но как я могу даже пытаться это сделать?

Я никогда ничего не добьюсь.

Слыша их, видя их

И находясь в том положении, в котором я оказался.

[Кознов 1997: 81]

Рассмотрим высказывание “I can never win”. Его можно перевести дословно как «Я никогда не могу выиграть». Определим его характер.

- 1) Данное высказывание носит отрицательную оценку («минус»).

2) В данном высказывании присутствует наречие *never* – никогда, следовательно, по постоянству данному высказыванию соответствует (-1).

3) По широте данному высказыванию также соответствует (-1), на что указывает общий смысл высказывания.

4) Автор несёт ответственность за негативное происходящее (-1), о чем свидетельствует активная конструкция.

Складывая все параметры и в итоге получаем, что отрицательное по оценке высказывание является абсолютно пессимистичным (-3).

Рассмотрим еще одно высказывание, взятое из текста песни Пола Маккартни “Every little thing” – «Каждый пустяк».

When I'm walking beside her, People tell me I'm lucky. <u>Yes, I know I'm a lucky guy.</u>	Когда я иду рядом с ней, Люди говорят мне, что я счастли- чик. <u>Да, я знаю, я счастливчик.</u>

[Кознов 1997: 72]

Рассмотрим высказывание “Yes, I know I'm a lucky guy” (дословно – «Да, я знаю, я – везунчик»).

1) Во-первых, оно явно имеет позитивную оценку.

2) По постоянству высказыванию соответствует оценка (+1).

3) Герой вообще считает себя везунчиком, следовательно, по параметру широты (+1).

4) По параметру персонализации высказыванию соответствует (-1), поскольку говорящий не несёт ответственности за ситуацию, ему просто везёт.

В целом позитивное высказывание носит умеренно оптимистичный характер (+1).

После анализа 73 высказываний у Леннона и 74 высказываний у Маккартни мы получили следующие результаты.

Автор	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
Леннон	1	0	50	0	21	0	1
Маккартни	0	0	38	0	30	3	3

Подсчёт среднего показателя оптимизма / пессимизма показал, что Маккартни в большей степени оптимист (средний уровень оптимизма равен +0,0945). Леннон, наоборот, оказался пессимистом (средний уровень пессимизма равен -0,3973).

Связаны ли оптимистичное мировоззрение П.Маккартни и пессимизм Дж.Леннона с их детством? Обратимся к биографическим материалам.

Джон Леннон родился 9 октября 1940 года. «Девяносто процентов жителей нашей планеты, особенно на Западе, родилось благодаря бутылке виски, выпитой субботним вечером; иметь таких детей никто не собирался. Девяносто процентов нас, людей появилось на свет случайно – я не знаю ни единого человека,

который планировал обзавестись ребенком. Все мы – порождения субботних вечеров» [Антология The Beatles 2002].

Когда Леннону было четыре года, его родители расстались, и он стал жить со своей тётёй, которая объяснила мальчику, что родители просто разлюбили друг друга. «Вскоре я забыл отца. Как будто он умер. Но маму я вспоминал постоянно, моя любовь к ней никогда не умрёт. Я часто думал о ней, но долгое время не понимал, что она живёт на расстоянии всего пяти или десяти миль от меня» [там же]. По словам Леннона, его матери жилось нелегко, она была младшей из пяти сестёр и не могла воспитывать сына сама. С детства Леннона окружали только женщины (сёстры матери), мужчин в семье не было: «Мужчины оставались невидимыми. Меня всегда окружали женщины. Я часто слушал их разговоры о мужчинах и жизни, они всегда были в курсе всех дел. А мужчины никогда ничего не знали. Так я получил свое первое, феминистское образование» [Антология The Beatles 2002]. Мальчик очень нуждался в родителях и чувствовал себя нежеланным: «Эта нехватка любви вливалась в мои глаза и в мой разум. По-настоящему я никогда и никому не был нужен» [там же].

Пол Маккартни в своих воспоминаниях о Джоне Ленноне отмечал такой факт: «Когда я разговаривал с Джоном о его детстве, я осознавал, насколько лучше мне жилось. Наверное, именно поэтому я вырос таким открытым и в особенности таким сентиментальным» [Антология The Beatles 2002]. И действительно, детство Пола Маккартни складывалось совершенно иначе...

Пол Маккартни родился 18 июня 1942 года. Его мать была медсестрой, отец торговал хлопком. Семья Маккартни нередко переезжала с одного места на другое, но это никогда не доставляло особых неудобств мальчику и его младшему брату: «... у меня было безоблачное детство» [Антология The Beatles 2002]. Пол Маккартни вспоминает о своём отце: «Папа был отличным человеком, движимым лучшими побуждениями, бодрым и энергичным. Сам он мало чего добился, но был честолюбив, как и мама. <...> В таком окружении я вырос» [там же]. Именно отец, который сам играл на нескольких музыкальных инструментах, и привил сыну любовь к музыке: «Любовь к музыке – это у нас семейное. Папа играл на трубе, пока у него не выпали зубы. <...> Дома он играл на пианино. У нас в доме всегда было пианино. <...> По сей день я сохранил глубокую привязанность к пианино, пожалуй, унаследованную от отца» [Антология The Beatles 2002].

В четырнадцать лет мальчик потерял мать, и это стало для него настоящим потрясением: «Позднее я узнал, что она умерла от рака. А в то время я не знал, что с ней случилось» [там же]. По словам Пола, они с Джоном были привязаны друг к другу, благодаря тому, что оба рано лишились материнского тепла: «Нам обоим знакома сумятица чувств, с которой нам пришлось справляться, но, поскольку в то время мы были подростками, это далось нам легко. Мы оба понимали, что случилось то, о чем невозможно говорить <...>. Джон прошел через настоящий ад, но молодым свойственно скрывать глубокие переживания. Позднее несколько раз до нас всё-таки доходил весь смысл произошедшего. И мы сидели рядом и плакали» [Антология The Beatles 2002].

Конечно, потеря матери в столь раннем возрасте не могла не повлиять на Пола Маккартни, но он, тем не менее, с теплотой вспоминает о своих родителях, считает своё детство счастливым. Джон Леннон с детства испытывал чувство вины за то, что ушёл его отец. Он сам называл себя агрессивным, бунтарём, задирой, склонным к чёрному юмору. Пол вспоминал: «Я знал историю Джона и с возрастом понял, что именно детство сделало Джона таким. Отец ушёл от них, когда Джону было четыре года. По-моему, Джон так и не простил его за это. Как-то мы разговорились, и Джон несколько раз спросил: "Может, он ушёл из-за меня?" Конечно, все было иначе, но, похоже, Джон так и не смог избавиться от чувства вины» [Антология The Beatles 2002].

На основе вышесказанного можно сделать выводы о том, что разный – благополучный у Маккартни и неблагополучный у Леннона – характер детства очень сильно повлиял на их будущую жизнь, на их мировоззрение и, как результат, на их творчество. Как показывает история детства Пола Маккартни и анализ текстов его песен, он в большей степени, нежели Джон Леннон, был оптимистом, и это проявилось в написанных им песнях. Джон Леннон, напротив, был с самого детства склонен к пессимизму, который проявился у него и во взрослой жизни, а он в результате тоже отразился в текстах песен, написанных Ленноном. Таким образом, анализ конкретного речевого материала подтверждает высказанное нами предположение о том, что характер протекания детства влияет на степень выраженности оптимизма/пессимизма личности.

Литература

Антология The Beatles. – М.: Росмэн, 2002. – 368 с.

Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн ; [пер. с англ. А. Грузберга]. – М.: Эксмо, 2010. – 576 с.

Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – М. : Агар, 2000. – 416 с.

Головин, Б. Н. Язык и статистика [Текст] / Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1970. – 190 с.

Зелигман, М.Э.П. Как научиться оптимизму: советы на каждый день / М.Э.П. Зелигман. – М.: Вече, 1997. – 432 с.

Кознов, С. В. Все песни BEATLES / С. В. Кознов. – М.: ТЕРРА; Саратов: Издательство С. В. Кознова, 1997. – 224 с.

Котова, Ю. В. Языковые аспекты классификации оптимистичных / пессимистичных высказываний / Ю. В. Котова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 70. – 2012. – № 28 (282). – С. 91-94.

Котова, Ю. В. Языковое выражение оптимизма/пессимизма в свете «локуса контроля» / Ю. В. Котова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2013. – № 6 (81). – С. 4-7.

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ В АСПЕКТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ ДЛЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Настоящая статья посвящена значению исследования пословиц в аспекте актуализации и манипуляции для общей теории языка. Но, прежде чем приступить к рассмотрению этого вопроса, дадим определение исходных понятий.

Под пословицами понимаются замкнутые структуры, предложения, имеющие только прямое, прямое и переносное или только переносное значение как обобщающего, так и частного характера. Это устойчиво воспроизводимые в речи афоризмы фольклорного происхождения, имеющие как образную, так и «безобразную» структуру значения, характеризующиеся эквивалентностью суждению, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста [Н.Ф.Алефиренко, Н.Н.Семенов 2009: 248].

Под актуализацией понимается влияние открытого характера, ставящее своей целью получение взаимовыгодного результата; отношение к другим людям как к личностям.

Под манипуляцией понимается скрытое влияние с целью получения одной-единственной (корыстной) выгоды; отношение к людям как к соперникам, у которых обязательно надо выиграть [Е.Л.Доценко 2003: 51; Э.Шостром 2004: 33].

Проведённое нами эмпирическое исследование пословиц в аспекте актуализации и манипуляции позволило сделать вывод, что пословицы являются многофункциональными единицами, в использовании которых могут быть выявлены различные тенденции (актуализация, манипуляция и позиция наблюдателя) [М.В.Маравина, А.В.Пузырёв 2009].

Вопрос о значении исследования пословиц в аспекте актуализации и манипуляции для теории языка до сих пор не рассматривался.

На наш взгляд, изучение пословиц в аспекте актуализации и манипуляции имеет определённое значение для такой проблемы общей теории языка, как *язык, речь, речевая деятельность*. Оппозиция язык – речь принимается практически всем лингвистическим сообществом. Однако, согласно используемой нами методологии, этой оппозиции недостаточно для нашего исследования. Полагаем, следует учитывать пентахотомию *мышление – язык – психофизиология – речь – общение* [А.В.Пузырёв, 1995; А.В.Пузырёв 2010]. Учёт этой пентахотомии в конкретном лингвистическом исследовании позволит внести своеобразный вклад в рассмотрение общеизвестной проблемы теории языка (*язык, речь, речевая деятельность*).

Изучение пословиц в аспекте выраженности в них актуализации и манипуляции имеет определённое значение и для такой проблемы общей теории языка, как *язык и мышление, их взаимодействие*. В зависимости от того, каким является языковое мышление говорящего: актуализационным или манипулятивным – вероятно, зависит и использование конкретных языковых единиц.

Сам факт, что пословицы являются квинтэссенцией народного сознания, не может не влиять на степень их выразительности, и, вероятнее всего, пословицы могут стать иллюстрацией огромного количества выразительных средств

языка. Тем самым их изучение может внести определённый вклад в изучение языковых способов и средств выражения прагматического компонента высказывания, в изучение специфики иллокутивного аспекта в функционировании пословиц (такая проблема общего языкознания, как *прагматический компонент, его иллокутивный и дейктический аспекты*, входящая в более общую проблему *семантика предложения-высказывания*).

При изучении пословиц в аспекте выраженности в них актуализации и манипуляции необходимо учитывать два подхода к языку: статический и динамический. Классификация средств выразительности пословиц представляет собой статический подход, а динамический подход представлен психолингвистическим экспериментом, где оценка пословицы варьируется в зависимости от того, кто является интерпретатором. Таким образом, в нашем исследовании конкретизируются *два подхода к языку: статический (off-line) и динамический (on-line)* (аспект такой проблемы общей теории языка, как *дискурс, введение в дискурсный анализ*).

Полагаем, что проведённое исследование имеет определённые перспективы. Одной из них может стать привлечение к анализу большего количества информантов и самих пословиц. Одним из возможных продолжений исследования может послужить соотнесённость его результатов с данными о степени узуальности проанализированных пословиц. В какой степени употребительны конкретные пословицы? Какие пословицы более предпочтительны в использовании – преимущественно актуализационные или манипулятивные? С указанным продолжением работы может быть увязано экспериментальное исследование восприятия пословиц носителями не только русского, но и других языков.

Наиболее интересным продолжением нашей работы является дополнение её использованием методики семантического дифференциала. С помощью данного метода можно исследовать качественный ореол восприятия человека манипулирующего и актуализирующего, т.е. можно оценивать языковую личность по используемым этой языковой личностью пословицам. Использование методики семантического дифференциала позволит приблизиться к решению проблем «языковое сознание и использование пословиц в целях актуализации и манипуляции», «языковое сознание личности в аспекте использования актуализационных или манипулятивных пословиц», что, в свою очередь, внесёт определённый вклад в развитие *психолингвистических исследований*.

Таким образом, исследование пословиц в аспекте актуализации и манипуляции по праву занимает своё место в проблематике теории языка и может внести интересные уточнения в изучение некоторых проблем общего языкознания.

Канд. филол. наук Е.С. Мезенцева, канд. филол. наук Д.А. Молдалиева
(Чимкент, Казахстан)

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ЭТНОСА В ПРИЗМЕ ПАРЕМИЙ-НАЗИДАНИЙ¹

Возрождение национальных традиций, базовых элементов культуры, переоценка духовных и ментальных ценностей становится закономерным и перспективным объектом научных исследований последних лет.

«Стремление к сохранению самобытности и уникальности своего языка и культуры определено диалектическими закономерностями развития общества и свидетельствует о его витальности и жизнеспособности. Любой этнос интуитивно или осознанно стремится сохранить тот стержень, ту языковую и культурную доминанту, которая и *объединяет* его представителей, и одновременно *отделяет* от инокультурного окружения» [Дмитрюк 2013:103].

Прочным фундаментом для широкого круга психолингвистических, социокультурных и морально-этических исследований становится этноментальная и лингвокультурная основа реконструкции этнической концептосферы любой культуры.

Наше исследование посвящено описанию языкового сознания современного казахстанского социума, отраженного в материалах массового свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). На основе экспериментального материала нами проводится описательный, статистический и этнокультурологический анализ ассоциативных реакций, которые систематизируются нами по разным тематическим и лексико-грамматическим группам; конечным результатом такой работы станет создание Казахско-русского ассоциативного словаря.

Содержанием предлагаемого доклада стало описание и анализ фрагмента паремиологической картины мира, извлеченного из материалов САЭ, представляющего собой слова и изречения назидательного характера. Мы намеренно выделили в отдельный фрагмент слова назидания, изречения поучительного характера, поскольку при обработке результатов экспериментов во всем корпусе ассоциативных ответов, кроме пословиц и поговорок, мы обнаружили весьма значительную по объему группу слов такого назидательного характера. Это изречения-запреты, изречения-наставления, благопожелания и поучения, которые условно выделены нами в отдельную группу по лексико-семантическим и грамматическим принципам: они отличаются от пословиц, во-первых, явно выраженным в них морально-нравственным содержанием с воспитательной целевой установкой и, во-вторых, грамматической выраженностью в форме инфинитива (например, *Адам болу; Аман болу*) или императива (*Досты тастап кетпе; Әлсіздерді қинама; Жамандық жасама*).

Продолжая работать над основным корпусом всего ассоциативного словаря, мы отобрали для аналитических исследований часть анкет методом произ-

¹ Работа осуществляется при финансовой поддержке МОН РК научного Проекта № 0771/ГФ «Межкультурная коммуникация: ментально маркированные концепты казахской культуры, социальная идентичность и толерантность».

вольной выборки – всего 200 анкет, заполненных 100 юношами и 100 девушками. В международной практике ассоциативных исследований считается, что такое количество информантов достаточно для получения определенных системных данных по структурированию языкового сознания (ЯС), определению стратегий ассоциативного поведения, сбору информации относительно общности и специфики, типичности и индивидуализированности направлений ассоциирования.

Занимаясь ассоциативными исследованиями с казахоязычной аудиторией много лет, мы давно обратили внимание на эту особенность ассоциативного реагирования информантов-казахов и не раз отмечали индивидуализированность стратегий «ассоциативного поведения» и широту спектра ассоциативных полей казахских стимулов, особенно в сопоставлении с русскими или английскими данными [см.: Дмитриук 2011 и др.].

Ограниченный объем тезисов не позволяет нам остановиться на содержательном анализе остальных изречений-назиданий, отмеченных в выбранном нами фрагменте ассоциативного корпуса экспериментального материала. Описание этого материала мы выносим на выступление и в отдельную статью.

Литература

Дмитриук Н.В. «Цивилизационный слом» как этнокультурный феномен в жизни социума // Материалы X Международного Конгресса по психолингвистике 'ISAPL-2013'. – М.: ИЯ РАН, МИЛ, РУДН, 2013. С. 103-104.

Дмитриук Н.В. Свободный ассоциативный эксперимент как способ доступа к исследованию языкового сознания. // Вестник Кокшетауского госуниверситета им. Ш.Уалиханова. Серия филологическая. № 3-4. – Кокшетау, 2011. С. 81-86.

Докт. филол. н. А.В.Пузырёв, студ. Т.В.Кондратьева (Ульяновск)

К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ О ЗДОРОВЬЕ И ЗАБОЛЕВАНИЯХ

Самым ярким проявлением языка является, несомненно, народное творчество, уходящее своими корнями в далекое прошлое и призванное характеризовать не только колорит самобытной культуры определённого народа, но и его многовековую историю и традиции.

Пословицы, как своеобразное выражение народной мудрости, как явление, распространённое во всех языках мира, уже давно привлекали и привлекают внимание лингвистов. Пословицы входят в сокровищницу любого языка, они стремятся отразить различные стороны действительности в результате обобщения жизненных наблюдений, исторического опыта. Язык пословиц является одним из способов познания мира и выражения взглядов на этот мир в художественной форме.

Поскольку тематика русских и английских пословиц весьма обширна, оговоримся, что основу нашей классификации составила специфика пословиц о здоровье и болезнях.

Для исследования методом сплошной выборки были отобраны 116 русских и 100 английских пословиц с концептами «здоровье» и «болезнь».

В качестве основного инструмента анализа пословичного фонда была избрана универсальная схема научного исследования, предложенная философом, профессором А.А. Гагаевым и конкретизированная – для лингвистических работ – профессором А.В. Пузырёвым.

В рамках использования названной методологии чрезвычайно важно учитывать не менее чем пять целевых подсистем, соответствующих генетическому, логическому, динамическому, функциональному и уникально-неповторимому аспектам (целевые подсистемы – далее ЦП – «Всеобщее», «Общее», «Конкретно-абстрактное», «Особенное», «Единичное»):

- *всеобщее* (где решаются вопросы генезиса, происхождения – вопросы «Почему? Откуда? По какой причине?»);
- *общее* (где решаются вопросы логики построения – вопросы «Какова модель? Каковы исходные понятия?»);
- *конкретно-абстрактное* (где рассматриваются динамические, процессуальные, деятельностные аспекты проблемы – вопросы «Как? Каким образом?»);
- *особенное* (где рассматриваются функциональные, целевые аспекты проблемы – вопросы «Зачем? С какой целью?»);
- *единичное* (где рассматриваются уникально-неповторимые аспекты проблемы – вопросы «Кто является исполнителем? Кто носитель?»).

Целью данного исследования является рассмотрение вопроса о соотношении логико-структурного, динамического, функционального и генетического аспектов в русских и английских пословицах о здоровье и болезнях.

Наше исследование позволяет сформулировать вывод, что наиболее частыми в материале оказываются пословицы, связанные с функциональным аспектом здоровья и болезней. Этот вывод справедлив как для русских, так и английских пословиц.

Как показало исследование, наибольшее число английских и русских пословиц, посвящённых **функциональным** аспектам здоровья и болезней – вопросам оценки, функций и меры в здоровье, распределяется по следующим темам:

1) Здоровье – высшая ценность:

Русские: *Здоровье всего дороже* (В.И.Даль 1989: 346); *Здоровье дороже богатства* (В.И.Даль 1989: 346); *Здоровью цены нет* (В.И.Даль 1989: 346); *Здоровья не купишь* (В.И.Даль 1989: 346); *Здоровье лучше (краше, дороже) богатства (богатырства)* (В.И.Даль 1989: 350). Английские: *Health and gaiety foster beauty* (R.Fergusson 2001: 131) (*Здоровье и радость способствуют красоте*); *Health is great riches* (R.Fergusson 2001: 131) (*Здоровье – величайшее сокровище*); *A good wife and health are a man's best wealth* (*Лучшее богатство мужчины – хорошая жена и доброе здоровье*) (R.Fergusson 2001: 131); *Good health is above wealth* (*Доброе здоровье дороже богатства*) (Л.В.Васильева 2004: 123); *Poverty is the mother of health* (R.Fergusson 2001: 131) (*Бедность – мать здоровья*); *Wealth is nothing without health* (*Богатство – ничто без здоровья. Здоровье дороже денег. Не рад больной и золотой кровати*) (Л.В.Васильева 2004: 295); *He who has health has hope, and he who has hope, has*

everything (У кого есть здоровье – у того есть надежда, у кого есть надежда – у того есть всё) (<http://mlm-to4ka.ru/>); *The greatest wealth is health* (Величайшее богатство – это здоровье) (<http://mlm-to4ka.ru/>); *The first wealth is health* (Здоровье – главное богатство) (<http://mlm-to4ka.ru/>); *He who has not health has nothing* (У кого нет здоровья – нет ничего) (<http://health.proverbs.tel/>); *There are no riches like health* (Нет большего богатства, чем здоровье) (<http://health.proverbs.tel/>).

2) Доктора далеко не всесильны:

Русские: *Больному и золотая кровать не поможет* (В.И.Даль 1989: 348); *Брюхо больного умнее лекарской головы* (В.И.Даль 1989: 349); *Где много врачей, там много и больных (и недугов)* (В.И.Даль 1989: 350); *Та душа не жива, что по врачам пошла* (В.И.Даль 1989: 350). Английские: *A deadly disease neither physician nor physic can ease* (R.Fergusson 2001: 132) (Смертельное заболевание не может облегчить ни врач, ни медицина); *The remedy is worse than the disease* (Лекарство хуже болезни. Лекарство не лечит, а калечит) (Л.В.Васильева 2004: 247); *Fond of doctors, little health. Fond of lawyers, little wealth* (Любовь к докторам – мало здоровья, любовь к юристам – мало денег) (<http://mlm-to4ka.ru/>); *Medicine sometimes snatches away health, sometimes gives it* (Иногда медицина крадёт здоровье, иногда даёт его) (<http://mlm-to4ka.ru/>); *Medicine and war depopulate the earth* (Медицина и война уничтожают население земли) (<http://beauty-in-health.net/mudrye-mysli/anglijskie-poslovitsy-o-zdorovje/>).

3) Здоровье нужно беречь:

Русские: *Болячка мала, да болезнь велика* (ru.wikiquote.org/wiki/Русские_пословицы); *Застарелую болезнь лечить трудно* (<http://posloviz.ru/>). Английские: *Eat well, drink in moderation, and sleep sound, in these three good health abound* (Ешь хорошо, пей умеренно и крепко спи. В этих трёх вещах всё здоровье) (<http://mlm-to4ka.ru/>); *Prevention is better than cure* (Профилактика лучше лечения) (<http://mlm-to4ka.ru/>); *An apple a day keeps the doctor away* (Дословный перевод: Ешь по яблоку в день, и врачу не будет работы. Кто яблоко в день съедает, у того доктор не бывает. Русский аналог: Лук от семи недугов) (ru.wikiquote.org/wiki/Английские_пословицы); *An ounce of prevention is worth a pound of cure.* (Дословный перевод: Щепотка загодя стоит пуда после. Русский аналог: Предотвратить легче, чем лечить) (ru.wikiquote.org/wiki/Английские_пословицы); *Diet cures more than lancet.* (Дословный перевод: Диета лечит лучше скальпеля. Правильное питание заменяет докторов. Русский эквивалент: Добрый повар стоит доктора) (<http://health.proverbs.tel/>); *Precaution is better than cure.* (Предупредить легче, чем лечить. Предупреждение – то же бережение) (<http://health.proverbs.tel/>); *Temperance is the best physic.* (Умеренность – лучшее лекарство. Умеренность – мать здоровья) (<http://health.proverbs.tel/>); *Better pay the butcher than the doctor.* (Дословный перевод: Лучше платить мяснику, чем доктору. Ради здоровья не стоит экономить на еде. Русский эквивалент: Добрый повар стоит доктора) (<http://letter.com.ua/>); *Gluttony kills more than sword.* (Дословный перевод: Обжорство убивает чаще, чем меч. Русский эквивалент: Ешь поменьше, прожи-

вѣшь подольше) (<http://letter.com.ua/>); *Study sickness while you are well* (Изучай болезнь, пока здоров) (<http://health.proverbs.tel/>); *Taking care of your health at least somewhat will save you from much misfortune later on* (Забота о своём здоровье, по крайней мере, спасёт вас от бед (несчастий) в будущем) (M.Pollan 2001: 22).

При описании пословиц, посвящённых **динамическим** аспектам здоровья и болезней, наибольшее их число попадает под следующие категории:

1) Для сохранения здоровья необходимо прилагать трудовые усилия:

Русская: Если хочешь быть здоров – закаляйся (ru.wikiquote.org/wiki/Русские_пословицы). Английская: *A little labour, much health* (Немного труда, много здоровья) (R.Fergusson 2001: 131); *Care is no cure* (Беспокойство (забота) – не лечение) (<http://www.cssforum.com.pk/>).

2) От болезни спрятаться невозможно:

Русская: *Болезнь не по лесу ходит, а по людям* (В.И.Даль 1989: 350); *Болезнь нас не спрашивает* (http://ladoved.narod.ru/poslovizi_o_zdorovie.htm). Английская: *What can't be cured must be endured* (То, что нельзя вылечить, нужно вынести. Что о том тужить, чего нельзя воротить. Чему быть – того не миновать) (<http://www.cssforum.com.pk/>).

3) Здоровье связано со здоровым образом жизни:

Русская: *Здоровье близко: ищи его в миске* (<http://posloviz.ru/>). Английские: *He that goes to bed thirsty rises healthy* (Тот, кто ложится спать, испытывая жажду, просыпается здоровым) (<http://health.proverbs.tel/>); *Dry feet, warm head bring safe to bed.* (Держи голову в холоде, а ноги в тепле) (<http://letter.com.ua/>).

При описании пословиц, посвящённых **сущностным** характеристикам здоровья и болезней, наибольшее их число попадает под следующие категории:

1) Болезнь носит внутренний характер, раскрывает сущность человека:

Русская: *Болезнь от слабости, а слабость от болезни* (ru.wikiquote.org/wiki/Русские_пословицы). Главной идеей этой пословицы является обозначение взаимосвязи между слабостью, испытываемой человеком, и состоянием болезни. Английские: *Sickness shows us what we are* (Болезнь показывает нам, какие мы есть) (R.Fergusson 2001: 131); *Every patient carries her or his own doctor inside* (Доктор – внутри каждого пациента) (<http://mlm-to4ka.ru/>). И в английских пословицах обозначается сущностная связь между здоровьем человека и его внутренним миром.

2) Здоровье и болезни – результат отношения к жизни:

Русские: *Здоровье не купишь – его разум дарит* (<http://posloviz.ru/>); *Кто не курит и не пьёт, тот здоровье бережёт* (<http://posloviz.ru/>); *Курить – здоровью вредит* (<http://posloviz.ru/>). Английские: *Diseases are the interests of pleasures* (Болезни – это проценты за полученные удовольствия.) (Л.В.Васильева 2004: 77); *To lengthen thy (=your) life, lessen thy (=your) meals* (Умеренность – мать здоровья. Ешь поменьше, проживешь подольше) (<http://health.proverbs.tel/>); *Spare diet and no trouble keep a man in good health* (Умеренная диета и отсутствие тревог позволяет человеку пребывать в доб-

ром здравии) (<http://health.proverbs.tel/>); *Healthy mind in a healthy body* (В здоровом теле – здоровый дух) (<http://health.proverbs.tel/>).

При описании пословиц, посвящённых **генетическим** характеристикам здоровья и болезней, была выявлена лишь одна общая тема. Она сводится к тому, что:

Здоровье даруется человеку с рождения, и никакой врач не в состоянии изменить то, что заложено на генетическом уровне:

Русские: *Не дал Бог здоровья – не даст и лекарь* (В.И.Даль 1989: 350); *Горбатого могила исправит* (С.И.Ожегов 2001: 138); *Упрямого исправит дубина, а горбатого могила* (В.И.Даль 1989: 157); Английская: *He who is born a fool is never cured*» (*Дураком рождённый – от дурачества не излечится. Горбатого могила исправит. Дураком родился – дураком помрешь*) (<http://www.sky-net-eye.com/rus/english/proverbs>).

Наблюдения над русскими и английскими пословицами о здоровье и болезни представляется возможным обобщить в итоговой таблице 1.

Наблюдение над русскими и английскими пословицами в анализируемой выборке позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, у русских и английских пословиц наблюдаются общие свойства. Так, наиболее популярной темой в них является обсуждение **функциональных** аспектов здоровья и болезней: вопросам оценки, функции и меры в здоровье посвящено 67,2% русского исследованного материала и 60% английского (всего 63,9% пословиц).

Во-вторых, в русских и английских пословицах чрезвычайно редко обсуждается **генетический** аспект здоровья и болезни – их начала.

Наиболее общие темы пословиц о здоровье и болезни. *Таблица 1*

Пословицы	Всего		Генетический аспект		Сущностные характеристики здоровья и болезни		Динамические аспекты здоровья и болезни		Оценка, функции, мера в здоровье, болезни	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Русские	116	100	1	0,9	6	5,2	31	26,7	78	67,2
Английские	100	100	1	1	14	14	25	25	60	60
Всего	216	100	2	0,9	20	9,3	56	25,9	138	63,9

В целом, по степени популярности различных аспектов пословицы расположились в следующем порядке (в порядке убывания):

- функциональный (оценка, функции, мера в здоровье, болезни – 63,9%);
- динамический – 25,9%;
- логико-структурный (сущностные характеристики здоровья и болезни – 9,3%);

– генетический аспект здоровья и болезни – 0,9%.

Нет сомнений, что продолжение исследований в этой области может привести к чрезвычайно интересным наблюдениям.

Цитируемая литература

Буковская М. В., Вяльцева С.И., Дубянская З. И. Словарь употребительных английских пословиц. М.: Рус. яз., 1990. 240 с.

Васильева Л.В. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 350 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2-х томах. Т.1./Вступ. слово М.Шолохова; Худож. Г.Клодт. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.

Ожегов С.И., Шведова М.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Пузырёв А.В. Прологомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 123 с.

Fergusson R., Law J. Dictionary of Proverbs / Second edition. – Chatham: Penguin Books, 2000. 365 с.

Pollan, Michael. The Botany of Desire. – Random House, 2001. 304 p.

Proverbs in English. URL: <http://health.proverbs.tel/>

Английские пословицы и поговорки о здоровье. Дата обновления: 17.04.2011. URL: <http://mlm-to4ka.ru/zdorove/anglijskie-poslovitsy-o-zdorovje.html>

Английские пословицы и поговорки о здоровье. Дата обновления: 21.04.2013. URL: <http://beauty-in-health.net/mudrye-mysli/anglijskie-poslovitsy-o-zdorovje/>

Афоризмы. Пословицы и поговорки разных народов мира. URL: <http://letter.com.ua/>

Пословицы и поговорки о здоровье человека. URL: http://ladoved.narod.ru/poslovizi_o_zdorovie.htm

Русские пословицы. Дата обновления: 04.10.2013. URL: ru.wikiquote.org/wiki/Русские_пословицы

Канд. филол. наук Н.А.Сандыбаева (Чимкент, Казахстан)

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНО МАРКИРОВАННЫХ КОНЦЕПТОВ КУЛЬТУРЫ¹

Исследование проблемы национального сознания, национального характера невозможно без учета взаимоотношений между языком, культурой и мышлением, что заставляет ученых обратиться к истокам рассмотрения этих катего-

¹ Работа осуществляется при финансовой поддержке МОН РК научного Проекта № 0771/ГФ «Межкультурная коммуникация: ментально маркированные концепты казахской культуры, социальная идентичность и толерантность».

рий в трудах немецких лингвистов В. Штейнталя, И.Г. Гердера и В. Гумбольдта, положивших начало психологическому направлению в лингвистике. Обсуждая проблемы взаимосвязи языка и сознания, И. Гердер утверждал, что теория познания должна исходить из исследования специфики разных языков: «...особенности национальных языков оформляются в соответствии с нравами и характером мышления народов» [Гердер 1977: 86].

Понятие «языковое сознание», возникшее сравнительно недавно в русле московской психолингвистической школы, по мнению А.А. Леонтьева, можно сопоставить с понятием «образ мира», поскольку «образ мира» представляет собой «отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами» [А.А. Леонтьев 1988: 105]. Языковое же сознание понимается как совокупность структур сознания, в формировании которых выделяют четыре «образующих» сознания: чувственную ткань восприятия, биодинамическая ткань движения и действия, значение и личностный смысл. При этом значение и личностный смысл образуют рефлексивный слой сознания, а чувственная ткань восприятия и биодинамическая ткань движения и действия составляют бытийный слой сознания. Позже в эту модель был введен третий слой сознания – духовный, что способствовало объединению материальной культуры (бытия), духовной культуры и языка – «промежуточного мира», по М.Хайдеггеру, который отводил языку роль «дома бытия».

Язык, ориентированный на описание ментальных процессов, является одним из основных механизмов интерпретации этнического сознания и самосознания личности и этноса в целом. Понятие «этнического сознания» необходимо дополняется понятием *этнического самосознания*, трактуемого как осмысленное восприятие людьми отличительного положения своей этнической общности в системе отношений с другими этносами, осознание своей принадлежности к данному этносу и пониманию его интересов. «Этническое самосознание, безусловно, связано с процессом выделения этноспецифических элементов духовной и социальной культуры, и, фиксируя этнопсихологические характеристики, оно определяет психологическое противопоставление одной этнической общности другой» [Фесенко 1999: 49].

Потребность ощутить себя в некотором «своем» пространстве, физическом и социальном, есть потребность самоидентификации с социумом, где жизнь любого индивида регулируется одними и теми же нормами, теми же привычками и условностями. Такая потребность может носить и надэтнический характер (ощущение принадлежности к определенной макроструктуре общества – государству), но коренится такая потребность в природе *архаического этнического сообщества*, в глубинах истории развития человеческого общества и сохраняется на разных этапах его развития.

Этническому сознанию свойственна «универсальность отражения этнического бытия, охватывающего все формы его осознания и отражения. Сознание представителя определенной этнической общности воспринимает окружающий мир соответственно сложившимся в этой общности правилам и нормам» [Дмитрюк 2008: 191].

С помощью языка расширяются сферы познания человека; язык – инструмент порождения, хранения и трансляции нового знания; одна из его главных функций и заключается в трансляции смысла, представляющего собой «основное измерение человеческого бытия и сознания»

Таким образом, язык служит основным отправным моментом движения мысли и способом ее выражения; язык опосредует также контроль за процессами самосознания и самоощущения. Следовательно, язык не только соотносится с мыслительными процессами, но и обуславливает субъективные состояния языкового сознания и самосознания.

Литература

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977.

Дмитрюк Н.В. Этническая природа языкового сознания. // ММНК «Ахановские чтения», Алматы, КазНУ им. аль-Фараби, 2008, с. 187-193.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988.

Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. – Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1999.

И.И.Тукаева (Ульяновск)

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИОТИПИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ ДЛЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Соционические исследования становятся актуальной проблемой для психологии личности. По этой проблематике уже имеются диссертационные исследования, но главным образом в русле психологической проблематики [Т.А.Головина 2008, Е.М. Залогина 2004, Т.В. Погребкова 2004, Е.А. Пахотина 2011, О.В. Ариничева 2006]. Лингвистические исследования в области речевого выражения социотипических характеристик, тем не менее, нам неизвестны. Тем более не рассматривались речевые формы выражения социотипических характеристик персонажей в народных сказках о животных (этому вопросы посвящены некоторые наши публикации, см. в списке литературы). И совсем не освещённым оказывается вопрос о значении исследования речевого выражения социотипических характеристик персонажей народных сказок о животных для теории языка, чему и посвящена данная статья.

Во-первых, исследование речевого выражения социотипических характеристик может уточнить решение таких общих лингвистических проблем, как соотношение языка и речи, языка и мышления.

Что касается проблемы соотношения языка и речи, то для нас важно помнить о том, что язык в отличие от речи является идеальным образованием: язык непосредственно не наблюдается, его нельзя «потрогать и пощупать», нельзя записать на электронные носители информации. Речь, в отличие от языка, ма-

териальна: она проявляется в конкретных высказываниях и текстах (подробнее о языке, речи и речевой деятельности см.: Ф. де Соссюр, Л.В. Щерба, Л.С. Выготский, А.А.Леонтьев, В.Б.Касевич и др.). В нашем исследовании *язык* и *речь* рассматриваются как два элемента из пяти в рамках пентахотомии «мышление – язык – психофизиология – речь – общение» [А.В. Пузырёв 2008]. Язык и речь, в этом плане, соотносятся друг с другом как «общее» и «особенное», как сущность и явление. Насколько нам известно, такой подход к решению проблемы соотношения языка и речи хотя и постепенно утверждается [Ю.А. Дидык 2008], всё-таки доминирующим в современной лингвистике не является, что и позволяет говорить о некотором вкладе исследования речевого выражения социотипических характеристик персонажей народных сказок о животных в общую теорию языка.

Если говорить о следующем аспекте – о взаимоотношении языка и мышления, то следует отметить, что в области влияния мышления на речь и язык человека уже проведено множество исследований. Также принимается во внимание и факт влияния языка на мышление. Данный факт используется и на практике. Так, например, в нейролингвистическом программировании (НЛП), рекламе и PR намеренно используются особые языковые конструкции и речевые стратегии для создания необходимого мнения и решения аудитории [Р. Дилтс 2008, Г. Олдер 2000, Б. Хэзер 2000 и др.]. Установление закономерных связей между типом информационного метаболизма и речью конкретного субъекта, проведённое на материале народных сказок о животных, может внести некоторые уточнения в решение названной проблемы общей теории языка (взаимоотношение языка и мышления).

Особую значимость проблема речевого выражения социотипических характеристик персонажей народных сказок о животных может приобрести и для психолингвистики, поскольку она, как известно, занимается изучением поведения человека и его речевых форм [Л.С. Выготский 1982]. Как правило, народные сказки излагаются разговорной речью, а не литературным языком. В народных сказках о животных подобные компоненты встречаются достаточно часто и могут сообщать о настроении, оценке ситуации, эмоциональном состоянии персонажа, поэтому исследование речевого выражения социотипических характеристик персонажей народных сказок о животных может приобрести особый смысл в рамках психолингвистики, особенно в свете учения физиолога А.А. Ухтомского о доминанте как факторе поведения. Названная концепция доминанты в гуманитарном аспекте представляет собой учение, согласно которому сознание людей направлено на поступки определенного характера: «доминанта сопряжена с постоянной готовностью человека к действиям, она определяется, прежде всего, духовной волей человека, приобщенного к культурной традиции» [В.Е. Ухтомский, 1998]. «Наши доминанты и наше поведение стоят между нашими мыслями и действительностью» [В.П. Белянин, с. 55]. Из этого следует, что любой текст, художественный или сказочный, представляет собой личностную интерпретацию действительности. Тщательное исследование текста, его языковых и речевых особенностей может дать возможность многое узнать о его создателе.

Изучение проблемы речевого выражения социотипических характеристик персонажей сказок о животных способствует сбору интересного социолингвистического материала, так как в рамках данной темы обязательно изучаются представления о мире далёких предков русского народа, в частности русского крестьянства, т.к. именно оно является основной средой бытования сказок о животных, их создателем [А.А. Гагаев 2013], а это значит, что речевые характеристики персонажей отражают взгляды русского народа, что, в свою очередь, не может не представлять большого интереса для социолингвистов.

В некоторых случаях исследователь не может быть уверен в отнесении персонажа к какому-либо социотипу, а потому должен опираться на множество разных критериев. В подобных случаях исследователю приходится учитывать и экстралингвистические характеристики персонажа – здесь можно говорить о вербальном и невербальном, а также о текстовом и контекстуальном выражении особенностей психотипа того или иного персонажа.

Таким образом, проблема речевого выражения социотипических характеристик персонажей народных сказок о животных может принести значительный вклад в вопрос связи лингвистики и других гуманитарных наук, таких как психология, социология, история, философия, соционика и другие.

Изучение проблемы речевого выражения социотипических характеристик персонажей народных сказок о животных может принести результаты в области межъязыкового сравнения, сравнения не только различных языков, речи носителей, но и языковой картины мира и представлений о мире далёких предков разных народов, а также сохранности этих представлений о мире у современных поколений.

Подводя итоги сказанному, отметим следующее. Общая теория языка включает в себя широкий спектр лингвистических вопросов. Проблема речевого выражения социотипических характеристик персонажей народных сказок о животных имеет лингвистическую и психолингвистическую природу и может внести свой вклад в развитие таких направлений теории языка, как лингвистический анализ текста, компаративистика, психолингвистика, сравнительная культурология, социолингвистика, соотношение языка и речи, языка и мышления. Таким образом, представленная на рассмотрение в данной статье тема является многоаспектной, общетеоретической по своему характеру, а также интересной и весьма актуальной для общей теории языка.

Цитируемая литература

Ариничева, О.В. Соционические подходы к комплектованию коллективов авиационных специалистов на воздушном транспорте кандидат технических наук: Дисс. ...канд.филол.наук. – СПб., 2006. – 256 с.

Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) / В. П. Белянин. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.

Выготский, Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. – М., 1982. – 361 с.

Гагаев, А.А. Язык и мышление поэта и писателя: Психологические и лингвистические аспекты // Философия русской сказки. Русский дух. Москва-Ульяновск, 2013. – С.4–20.

Головина, Т.А. Лингвоперсонологическое функционирование частей речи: статистический аспект: на материале художественных текстов: Дис...канд.филол.наук. – Барнаул, 2008. – 203 с.

Гарри Олдер, Берил Хэзер. NLP. Полное практическое руководство Перевод: К. Семенов Редакция: М. Добровольский, М. Неволин Пер. с англ. – К.: "София", 2000. – 224 с.

Дидык, Ю.А. Методологические основы изучения речевой манипуляции в оригинале и переводе (на материале пьес Б. Шоу) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008. – С.95–100.

Дилтс Роберт, Фокусы языка - изменение убеждений с помощью НЛП, Питер, 2008. – 157 с.

Залогина, Е.М. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты :На материале романа "Бесы" и "Дневника писателя" Ф.М. Достоевского: Дис...канд.филол.наук. – СПб., 2004. – 180 с.

Касевич, В.Б. Элементы общей лингвистики /В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1977. – 177 с.

Пахотина, Е.А. Соционическая культура личности: Дис...канд.фил.наук. – Тюмень, 2011. – 148 с.

Погребкова, Т.В. Семантика восприятия в речевом опыте младшего школьника: Дис...канд.филол.наук. – Великий Новгород, 2004. – 286 с.

Пузырёв, А.В. Теоретические проблемы психолингвистики №7 // Элементы и единицы психолингвистического анализа в пяти ступенях сущности. Москва, 2008. – С. 43-46.

Соссюр, Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Пер. с французского А.М. Сухотина, под редакцией и с примечаниями Р.И. Шор. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Хализев, В. Е. Ухтомский [Электронный ресурс] / В. Е. Хализев // Культурология. XX век. Энциклопедия. – 1998. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/707/%D0%A3%D0%A5%D0%A2%D0%9E%D0%9C%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99 (Дата доступа 30.03.2013).

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. –256с.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

Канд. филол. наук А.Ф. Калинин (Балашов)

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ)

В статье рассматриваются русские фразеологизированные безличные предложения структурного типа *Чего только не было!* Лингвистическая сущность данных фразеологизированных предложений не исследована, не определены их типология и место в системе простого предложения в русском языке, что представляется актуальным.

Но сначала подчеркнем, что в системе простого предложения в русском языке, как и в других индоевропейских языках, наличествуют различные оппозиции. Центральными из них являются противопоставления свободные/фразеологизированные предложения и односоставные/двусоставные предложения.

Фразеологизированные предложения – это предложения фразеологизированной структуры с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой [Русская грамматика 1980: 383].

Свободные предложения строятся по свободным структурным схемам и имеют живые грамматические связи между компонентами.

Что касается проблемы односоставности/двусоставности предложения, то в современной лингвистике существуют два противоположных взгляда: наличие в русском языке односоставных и двусоставных предложений [А.А.Шахматов 2001; Современный русский язык 1981:431-435; В.В. Виноградов 1975: 254-294] и функционирование в языке только двусоставных предложений [Г.А. Золотова 1989]. Следовательно, проблема типологии простого предложения в отечественной науке является очень актуальной.

Считаем, что в языке функционируют и двусоставные, и односоставные предложения. Двусоставное предложение категоризирует отношения «предмет и приписываемый ему признак». Односоставное предложение категоризирует предмет или признак как существующий независимо, не сочлененный предикативно с другим предметом или признаком [Современный русский язык 1987; П.А. Лекант 2004].

В статье фразеологизированные предложения типа *Чего только не было!* исследованы в трех основных аспектах: структурно-грамматическом, логико-семантическом и коммуникативном.

Рассматривая данные фразеологизированные предложения в структурно-грамматическом аспекте, мы принимаем во внимание их формальную организацию, грамматические значения предложения и отношения между образующими его словоформами.

Предложения типа *Чего только не было!* являются фразеологизированными, они открываются местоименным словом *чего*, далее следуют факультативная ограничительная частица *только*, отрицательная частица *не* и лексически свободный безличный глагол или личный глагол в безличном употреблении: *Чего только не бывает!*; *Чего только не хочется!*; *Чего только не случилось!*

Фразеологизированные предложения типа *Чего только не было!* в структурно-грамматическом аспекте – это односоставные глагольные безличные предложения, предикативная основа которых представлена одним главным членом – независимым безличным глаголом или личным глаголом в безличном значении с частицей *не*.

Такие предложения нередко употребляются в разговорном стиле и в стиле художественной литературы и выражают утверждение, отрицательными они являются только по форме, отличаются экспрессивностью и означают положительную или отрицательную оценку либо удивление.

Лингвистическая сущность данных фразеологизированных предложений в структурно-грамматическом аспекте может быть раскрыта путем исследования в них синтаксических категорий модальности, времени и лица, создающих предикативность [В.В. Виноградов 1975: 288], категории синтаксического, или грамматического субъекта и семантической категории агенса (деятеля).

Сложная синтаксическая категория модальности исследована недостаточно, обычно в ней выделяют объективную модальность и субъективную модальность, вместе с тем обнаруживают и другие модальные значения: внутрисинтаксические, частные модальные значения и т.д. [Г.А. Золотова 2008: 16-20].

Объективная модальность выявляется в любом предложении и может быть выражена четырьмя способами: морфолого-синтаксическим, интонационно-синтаксическим, конструктивно-синтаксическим и лексико-синтаксическим, каждому из которых свойственны свои средства выражения [Г.А. Золотова 1973: 143-145].

Во фразеологизированных предложениях типа *Чего только не было!* выявляется объективная модальность реальности/ирреальности, способы ее выражения – морфолого-синтаксический, интонационно-синтаксический и лексико-синтаксический.

В данных фразеологизированных предложениях, в функциональном аспекте являющихся повествовательными, с главным членом – безличным глаголом или личным глаголом в безличной значении с частицей *не* в форме настоящего, прошедшего или будущего времени индикатива проявляется объективная модальность реальности: *Чего только на войне не происходило!*; *Чего только у них не случается!*; *Чего только нам порой не снится!*

В исследуемых фразеологизированных предложениях выявляется объективная модальность ирреальности с главным членом – безличным глаголом или личным глаголом в безличном употреблении в формах синтаксических ирреальных наклонений: сослагательного – *Чего только там не случилось бы!*; условного – *Чего только там бы не случилось!*; желательного – *Не случилось бы там только чего!*

В данных фразеологизированных предложениях на фоне объективной модальности реальности/ирреальности посредством вводно-модальных слов и модальных частиц *конечно, несомненно, возможно, по-видимому, вероятно, пожалуй* и др. проявляется субъективная модальность со значением достоверности/вероятности: *Чего только в жизни, конечно, не бывает!*; *Чего только, пожалуй, нам и в кошмарном сне не приснилось бы!*

Вместе с тем исследование показало, что субъективная модальность ограниченно проявляется в таких фразеологизированных предложениях, что, по-видимому, обусловлено их структурой и семантикой.

Теперь рассмотрим синтаксическую категорию времени и ее проявление в исследуемых фразеологизированных предложениях. Данная категория выражает отнесенность высказывания к моменту речи.

Синтаксическое время – это категория уровня предложения и имеет свои средства выражения – структурную схему предложения как исходный член оппозиции, означающий синтаксическое настоящее время, и глагольное слово (знаменательное и служебное) с его средствами словоизменения, поставленными на службу синтаксису [Грамматика современного русского литературного языка 1970: 543].

Синтаксическая категория времени находит осуществление или в системе временных форм предложения, образующих парадигму, или во вневременности – одной из ее форм.

Исследуемые фразеологизированные предложения могут иметь полную или неполную временную парадигму: формы настоящего, прошедшего и будущего времени или только формы прошедшего и будущего времени, а также обладать вневременностью, что определяется категорией вида и семантикой глагола – главного члена данных предложений: *Чего только ей не снится (не снилось, не будет сниться)!*; *Чего только в жизни не бывает!*

Детерминанты с временным значением в их составе уточняют, конкретизируют в них значение времени. Так, во фразеологизированном предложении *Чего только в этой семье потом не случилось!* значение будущего времени выражено лексемой с временным значением *потом*.

Центральными в теории простого предложения являются синтаксические категории лица и субъекта и семантическая категория агенса, определяющие тип предложения.

Фразеологизированные предложения типа *Чего только не было!* в структурно-грамматическом аспекте – это, как определено, односоставные глагольные бесличные предложения.

Если же речь идет о реализации в них синтаксической категории лица, то в бесличных предложениях, как свободных, так и фразеологизированных, главный член – глагол в независимой позиции своими формами не указывает на отношение признака к лицу.

Однако в составе анализируемых фразеологизированных предложений могут быть второстепенные члены, указывающие на отношение признака к первому, второму или третьему лицу: *Чего только в жизни со мной (с тобой, с*

ним) не случилось! Следовательно, данные фразеологизированные предложения могут иметь полную личную парадигму.

«Субъект грамматический», или синтаксический, - это «словоформа с предметным значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, которая называет признак предмета» [Краткий справочник по современному русскому языку 1995: 353].

Фразеологизированные безличные предложения типа *Чего только не было!*, как и другие типы свободных и фразеологизированных односоставных глагольных безличных предложений, в принципе являются бессубъектными. В них отсутствуют словоформы с предметным значением, при которых имелись бы словоформы, обозначающие их признак.

Агенс, или деятель – это производитель глагольного действия. В исследуемых фразеологизированных безличных предложениях при главном члене – глаголе со значением действия может наличествовать словоформа в творительном падеже – название лица или предмет, который с точки зрения говорящего является деятелем по отношению к действию, обозначенному главным членом: *Чего только ими не делалось!*; *Чего только тогда мной не предпринималось!*

Подобные фразеологизированные безличные предложения с главным членом – глаголом со значением состояния являются безагенсными: *Чего только ему не мерещилось!*; *Чего только мне тогда не снилось!*

Итак, исследование предложений типа *Чего только не было!* в структурно-грамматическом аспекте показало, что они являются фразеологизированными односоставными глагольными безличными предложениями в системе простого предложения в русском языке, бессубъектными, агенсными предложениями с главным членом – глаголом со значением действия и словоформой при нем в творительном падеже и безагенсными с главным членом - глаголом со значением состояния, и характеризуются спецификой выражения категорий модальности, времени и лица.

Рассматривая фразеологизированные безличные предложения типа *Чего только не было!* в логико-семантическом аспекте, мы исходим из того, что в современной лингвистике существует ряд концепций в исследовании общей семантики предложения. Широкое распространение получила денотативная, или референтная, концепция значения предложения, базирующаяся на выявлении отношений между высказыванием и обозначаемой им ситуацией или событием [Т.П. Ломтев 1988; О.И. Москальская 1977: 45-56]. Другое направление представляет исследования, авторы которых идут к смыслу предложения от его формальной устроенности [Н.Н. Арват 1976; Н.Ю. Шведова 1973: 478-483].

Семантическая структура предложения определяется нами на основе его формальной организации. «Семантическая структура предложения – это известное обобщение ... соответствующих лексических значений, осуществляемое и направляемое моделью предложения... [Daneš Fr. 1968].

Исходя из концепции «Русской грамматики», полагаем, что существуют элементарные, простейшие семантические структуры, в состав которых включаются элементарные семантические категории или семантические компонен-

ты: семантический предикат (семантический предикативный признак), семантический субъект и семантический объект, и неэлементарные, расширенные семантические структуры, в состав которых входят неэлементарные семантические компоненты с различными определительными и обстоятельственно-определительными значениями [Русская грамматика 1980: 124-125].

В логико-семантическом аспекте фразеологизированные предложения типа *Чего только не было!* являются двусоставными (двучленными) предложениями из-за наличия в их семантической структуре как минимум семантического субъекта и семантического предиката.

Проведенный компонентный анализ данных фразеологизированных предложений показал, что их семантические структуры могут быть двух-, трех- и четырехкомпонентными.

Двухкомпонентные элементарные семантические структуры таких фразеологизированных предложений состоят из семантического субъекта, выраженного местоименным словом *чего*, и семантического предиката, выраженного безличным глаголом или личным глаголом в безличном употреблении с отрицательной частицей *не*: *Чего только не бывало!*; *Чего только не случается!*

Семантика схемы – наличие отнесенного к субъекту действия или состояния. В семантической структуре предложения значение субъекта конкретизируется: *Чего только не происходило!* значит «что-то происходило»; *Чего только не снилось!* значит «что-то снилось».

Трехкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Чего только не было!* делятся на две группы.

1) Элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, выраженного местоименным словом *чего*, семантического предиката, обозначающего действие или состояние, и семантического объекта, на который направлено действие или состояние и выраженного именем существительным или местоимением в косвенном падеже без предлога или с предлогом: *Чего только с ней не обсуждалось!*; *Чего только сыну не дарилось!*

В случаях субъектной детерминации распространяющая форма сосредоточивает в себе субъектное значение, а во всей остальной части предложения происходит перераспределение семантических функций: семантическая структура предложения преобразуется в такое значение, которое соотносится с субъектным распространителем уже как некая целостная смысловая единица [Русская грамматика 1980:128].

В исследованных фразеологизированных предложениях при субъектной детерминации субъектом становится детерминант в форме родит. падежа с предлогом *у*, а объектом – местоименное слово *чего*: *Чего только у него не имелось!*

2) Неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката, обозначающего действие или состояние, и семантического конкретизатора, который указывает на время, место, способ проявления состояния или совершения действия, причину, цель и выражен наречием или именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом: *Чего только там не было!*; *Чего только тогда не случилось!*

Чего только специально не распространялось!; Чего только случайно не происходило!

Четырехкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Чего только не было!* делятся на три группы.

1. Элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката, обозначающего действие или состояние, и двух семантических объектов, выраженных местоимением или именами существительными в косвенных падежах без предлогов или с предлогами; на данные семантические объекты направлено действие или состояние субъекта: *Чего только детям о животных не рассказывается!; Чего только о нем родственникам не передавалось!*

2. Неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката, обозначающего действие или состояние, семантического объекта, на который направлено действие или состояние, выраженного местоимением или именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом (кроме формы род. падежа с предлогом *с*), и семантического конкретизатора, который указывает на время, место, способ проявления состояния или совершения действия, причину, цель и выражен наречием или именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом: *Чего только тогда о войне не публиковалось!; Чего только нам на новом месте не снится!; Чего только родственникам из-за границы не привозилось!*

3. Неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката и двух семантических конкретизаторов, которые указывают на время, место, способ проявления состояния или совершения действия, причину, цель и выражены наречиями или именами существительными в косвенных падежах без предлогов или с предлогами: *Чего только тогда там не происходило!; Чего только здесь из-за непогоды не случилось!; Чего только теперь случайно не бывает!*

Приведенный перечень семантических структур фразеологизированных предложений типа *Чего только не было!* не является законченным и может быть продолжен. Наиболее частотными в современном русском языке являются двухкомпонентные семантические структуры.

Компонентный анализ фразеологизированных предложений типа *Чего только не было!*, нацеленный на выявление семантических компонентов в их семантической структуре, показывает, что они являются двусоставными (двучленными) предложениями.

В коммуникативном аспекте рассматриваются закономерности употребления предложения в качестве единицы сообщения. В предложении, или высказывании выявляется актуальное, или коммуникативное членение, или членение на тему и рему, «данное» и «новое» и т.д.

Ряд ученых, как и В.Г. Адмони, определяют предикативность только в коммуникативном соотнесении «нового» с «данным» [В.Г. Адмони 1960]. Нами разделяется такая интерпретация предикативности, как и имеющая большее

признание трактовка предикативности как отнесенность высказывания к действительности [В.В. Виноградов 1975: 217].

При изучении фразеологизированных безличных предложений типа *Чего только не было!* в коммуникативном аспекте мы опираемся на классификацию типов высказываний, разработанную чешским исследователем П. Адамцем [П. Адамец 1966: 26]. Исходя из характера заключенной в высказывании актуальной информации, он выделяет четыре типа высказываний: 1) общеинформативный; 2) частноинформативный; 3) общеверификативный; 4) частноверификативный – в соответствии с типами вопросов, предложенных Ш. Балли: а) полный диктальный вопрос; б) частичный диктальный вопрос; в) полный модальный вопрос; г) частичный модальный вопрос [Ш.Балли 1955].

Исследование фразеологизированных безличных предложений типа *Чего только не было!* в коммуникативном аспекте показало, что они могут быть и нерасчлененными высказываниями, состоящими из комплексной ремы, и расчлененными, имеющими тема/рематическое членение. Такие нерасчлененные фразеологизированные безличные предложения отвечают на полный диктальный вопрос и являются общеинформативными высказываниями: *Чего только не случилось!*; *Чего только не планируется!*; *Чего только не обсуждалось!* Данные безличные предложения следует определять как односоставные предложения.

Расчлененные фразеологизированные безличные предложения имеют различные актуально-синтаксические типы. Например, фразеологизированные безличные предложения *Чего только не было// там!*; *Чего только не случается// на войне!*; *Чего только не снится// на новом месте!* отвечают на частичный диктальный вопрос и являются частноинформативными высказываниями. Фразеологизированные безличные предложения *Чего только у них// не происходило!*; *Чего только тогда в газетах// не публиковалось;* *Чего только на Кавказе// не случается!* отвечают на полный диктальный вопрос и являются общеинформативными высказываниями.

Следовательно, фразеологизированные безличные предложения типа *Чего только не было!*, рассматриваемые в коммуникативном аспекте, являются или нерасчлененными, состоящими из ремы – о д н о с о с т а в н ы м и, или расчлененными, имеющими тема – рематическое членение, - д в у с о с т а в н ы м и предложениями.

Итак, изучение фразеологизированных безличных предложений типа *Чего только не было!* в трех основных аспектах: структурно-грамматическом, логико-семантическом и коммуникативном показало различие в их типологии.

Данные предложения являются фразеологизированными о д н о с о с т а в н ы м и глагольными предложениями в структурно-грамматическом аспекте, однако их следует трактовать как д в у с о с т а в н ы е предложения в логико-семантическом аспекте и определять как о д н о с о с т а в н ы е или д в у с о с т а в н ы е предложения (высказывания) в коммуникативном аспекте, исходя из их актуального членения.

Такое разноаспектное исследование данных фразеологизированных безличных предложений предоставляет возможность предложить их структурно-грамматическую, семантическую и коммуникативную классификации и дает основание к построению общей типологии, что, по-видимому, будет учитываться при изучении синтаксиса простого предложения.

Цитируемая литература

Адамец, П. Порядок слов в современном русском языке [Текст].-Praha, 1966.-96с.

Адмони, В.Г. Двухчленные фразы в трактовке Л.В. Щербы и проблемы предикативности [Текст]/В.Г. Адмони// Филологические науки.1960.№1.

Арват, Н.Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения (Текст лекций)/Н.Н. Арват.-Черновцы: Изд-во Черновиц. гос. ун-та, 1976.-68с.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст].М.;1955.

Виноградов, В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения [Текст]/В.В. Виноградов// Избранные труды. Исследования по русской грамматике.-М.: Наука. 1973.-С.254-294.

Грамматика современного русского литературного языка [Текст]. М.:Наука, 1970.-768с.

Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст]/Г.А. Золотова. М.: Наука,1973.-352с.

Золотова, Г.А. Об основаниях классификации предложений [Текст]/ Г.А. Золотова// Русский язык за рубежом.- 1989.-№5.

Золотова, Г.А. О категории модальности [Текст]/Г.А. Золотова// Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению.- Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта,2008.-С.16-20.

Краткий справочник по современному русскому языку/под ред. П.А. Леканта.-М.:Высш. шк.,1995.-382с.

Лекант, П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке [Текст]/П.А. Лекант.М.:Высш. шк.,2004.-247с.

Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматические категории [Текст]/Т.П. Ломтев.-М.: Высш. шк.,1988.-126с.

Москальская, О.И. Вопросы синтаксической семантики [Текст]/О.И. Москальская// Вопросы языкознания.1977.№2.-С.45-56.

Русская грамматика. В 2т. Т.2. Синтаксис.[Текст].- М.: Наука, 1980.-710с.

Современный русский язык: Учебник [Текст]/Белошапкина В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В. Под ред. В.А. Белошапкиной.-М.: Высш. шк., 1981.-560с.

Современный русский язык. В 3ч.Ч.3. Синтаксис. Пунктуация [Текст]/В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов.-2-е изд., переб.-М.:Просвещение, 1987.-256с.

Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка [Текст]/А.А. Шахматов.-3-е изд.-М.:Эдиториал УРСС, 2001.-624с.

Шведова, Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения [Текст]/Н.Ю. Шведова// Славянское языкознание.-М.: Наука,1973.-С.478-483.

Daneš Fr. Semantická struktura větného vzorce// Otázky slovanské syntaxe, II. Brno,1968.

Аспирант Е.С. Пимкина (Волгоград)

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ: АСПЕКТЫ И ПАРАМЕТРЫ ИЗУЧЕНИЯ

В связи с возрастающим интересом лингвистов к человеку говорящему во всех его модусах и отношениях в конце XX века произошло образование нового направления в антропологии – лингвоперсонологии, одной из задач которого является создание типологии языковых личностей и их всестороннее описание с учетом междисциплинарного подхода. Огромное количество лингвистических работ посвящено изучению особенностей коммуникативного поведения человека говорящего как типичного представителя той или иной социальной / этнической группы. Для нас представляет интерес специфика коммуникативного поведения человека сомневающегося, однако, прежде всего, обратимся к рассмотрению понятия коммуникативной личности и различных подходов к её классификации.

Известно, что ключевым понятием антропологической лингвистики выступает языковая личность, под которой традиционно принято понимать «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов)» (Караулов, 2010: 245). Сегодня бесспорным является тезис, что языковая личность является носителем языкового сознания, субъектом, проявляющим себя в коммуникативном взаимодействии, в стереотипах поведения, в обширном дискурсивном пространстве. Языковая личность в понимании лингвистов предстает как сложноорганизованная система, имеющая определенную структуру. Небезынтересным представляется нам целостно-системный подход, предложенный А. В. Пузыревым, в рамках которого выделяются четыре плана рассмотрения языковой личности (мышление, язык, речь и коммуникация), где в каждом из представленных планов выделяются пять аспектов (онто- и филогенетический, логический, динамический, функциональный и идиостилевой) (Пузырев, 2002: 383).

С точки зрения Г.И. Богина, языковая личность представляет собой параметрическую модель в форме куба, состоящую из 60 компонентов, полученных в результате перемножения трех параметров (ось А – аспекты языка-субстрата языковой личности (фонетика, грамматика, лексика)); ось Б – основные виды речевой деятельности (слушание, говорение, чтение, письмо); ось В – оценочные суждения (уровни качества). Согласно данной модели выделяются пять уровней языковой личности, отражающих этапы ее развития (уровень правиль-

ности, интериоризации, насыщенности, адекватного выбора и адекватного синтеза) (Богин, 2001).

Как известно, наиболее распространенной в области изучения языковой личности является структура, предложенная Ю. Н. Карауловым, которая состоит из трех уровней: 1) вербально-семантического; 2) когнитивного; 3) прагматического (Караулов, 2010). Данные идеи получили свое развитие в исследовании «функциональной модели языковой личности (т.е. ее речевого портрета)», имеющей три составляющие (лексикон языковой личности, тезаурус и прагматикон) (Романов, Белоус, 2010). Привлекательность данной модели, на наш взгляд, состоит в том, что позволяет провести многоаспектное рассмотрение языковой личности и предусматривает более детальное изучение трех основных позиций субстратной модели.

Кроме того, к сегодняшнему дню известно огромное количество подходов к изучению языковой личности. В связи с этим нам представляется необходимым рассмотреть соотношение терминов «языковая личность», «речевая личность», «коммуникативная личность». Данное разделение понятий предложено В.В. Красных и заключается в том, что языковая личность, в отличие от речевой и коммуникативной, проявляет себя в речевой деятельности и обладает определенной совокупностью знаний и представлений. Речевая личность, в свою очередь, реализует себя в коммуникации, выбирая стратегию и тактику общения и используя определенный репертуар средств (Красных, 2003: 51). Что касается коммуникативной личности, то она представляет собой «конкретного участника конкретного коммуникативного акта, реально действующего в реальной коммуникации» (Там же). Данные три категории, по мнению В.В. Красных, являются составляющими «человека говорящего» и реализуются одновременно. Другими словами, речь идет о дискурсивно-ориентированном подходе к моделированию языковой личности, рассматривающим языковую личность как человека говорящего, производящего тексты.

Один из подходов, разработанный А.Г. Барановым (1993), построен на синтезе трех аспектов этой личности (вербально-семантического, когнитивного и мотивационного). Суть этого подхода состоит в том, что комплекс знаний о чем-либо (когниотип), существующий в определенном языковом обществе и вытекающий из потребностно-мотивационных характеристик деятельности (потребность, мотив, цель), реализуется через индивидуальные когнитивные системы в текстовой динамике. В конкретной ситуации общения человек использует как лингвистические, так и экстралингвистические знания, которые содержат весь опыт индивида, приобретенный в течение жизни.

Следует подчеркнуть, что наибольшую важность для нашего исследования представляет подход, основанный на выделении релевантных признаков модельной личности, т.е. типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации (Карасик, 2002: 13). Мы предполагаем, что интересующего нас человека сомневающегося можно представить как коммуникативный типаж, выделяемый по особенностям ком-

муникативного поведения и узнаваемый по определенным маркерам вербального и невербального поведения.

В процессе исследования коммуникативной личности многие ученые выделяют классификации типов коммуникативной личности в соответствии с определенными исследовательскими целями. Мы перечислим некоторые из них, представляющие интерес для изучения человека сомневающегося. Так, типология Н.В. Орловой базируется на выделении коммуникативных особенностей, уровней, форм и ситуаций, коммуникативных ролей и предпочтений участников общения, их коммуникативных и психологических установок и намерений. Обычно выделяют три типа языковых личностей: фатический, рационально-аналитический и эстетический (приводится по: Романов, Белоус, 2010). Заметим, что данная классификация представляется нам интересной, но она не охватывает все многообразие коммуникативных личностей. Анализируя представленную типологию, смеем предположить, что человек сомневающийся представляет собой рационально-аналитический тип, так как нам представляется, что он склонен к объективной манере речи и аргументативному стилю общения.

Привлекает наше внимание также типология, предлагающая разграничивать типы коммуникативной личности согласно уровню коммуникативного потенциала: 1) доминантный коммуникант старается овладеть инициативой, резок, говорит громче остальных, не любит, когда перебивают; 2) мобильный коммуникант легко вступает в общение, свободно переходит от темы к теме, говорит много, увлечен разговором; 3) ригидный коммуникант испытывает трудности в начальной стадии разговора, затем четок и логичен в изложении; 4) интровертный коммуникант старается переложить инициативу, скромнен и застенчив, испытывает скованность в нестандартных ситуациях (Кашкин, 2000). Представленная типология учитывает, в первую очередь, психологические типы личности и сходна с теми классификациями, которые строятся на противопоставлении доминантного / недоминантного; мобильного / ригидного; экстравертивного / интровертивного типов личности.

Существует еще одна классификация, которая, на наш взгляд, позволит представить более подробную, с одной стороны, и психолингвистическую, с другой, характеристику интересующего нас коммуникативного типажа. В основе типологии, предложенной К.Ф. Седовым, лежит способность к кооперации в повседневном речевом поведении, другими словами, признаком данной классификации является коммуникативная установка по отношению к участникам общения (Седов, 2004: 86). Согласно данной типологии выделяют три типа языковых личностей – конфликтный, центрированный и кооперативный, каждый из которых может быть далее конкретизирован в зависимости от ряда факторов.

Завершая далеко не полный обзор классификаций коммуникативных личностей, мы можем предположить, что, на наш взгляд, человек сомневающийся / скептическая коммуникативная личность представляет собой, доминантную ригидную языковую личность, с одной стороны, с другой стороны, сочетает в себе черты конфликтно-манипуляторского подтипа личности и центрированно-

го типа, так как в коммуникативном взаимодействии может демонстрировать неуважение к собеседнику и считать его по интеллектуальным и этическим качествам существом, стоящим на более низкой ступени развития. Однако наиболее точно определить тип интересующей нас коммуникативной личности возможно только после всестороннего анализа особенностей его коммуникативного поведения и описания речевого портрета человека сомневающегося.

Литература

Баранов, А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста [Текст]. – Ростов-на-Дону : Изд. Рост. ун-та, 1993. – 182 с.

Богин, Г.И. Обретение способности понимать [Электронный ресурс] : Введение в герменевтику, 2001 URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/bogin_obretenie/default.aspx (дата обращения: 06.01.2014).

Карасик, В.И. Языковой круг : личность, концепт, дискурс [Текст]. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст]. Изд. 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации : уч. пособие. – Воронеж : Воронеж. гос. техн. ун-т, 2000. – 175 с.

Красных, В.В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? [Текст]. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

Пузырев, А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности : сб. статей. – Пенза : ПГПУ имени В.Г.Белинского, 2002. – 164 с.

Романов А.А., Белоус Н.А. Языковая личность в коммуникативном пространстве дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал [Текст]. – 2010. – Т. 1. – № 21. – С. 107-125.

Седов, К.Ф. Дискурс и личность : эволюция коммуникативной компетенции [Текст]. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Канд. психол. наук Т.А.Гребенщикова, И.А.Зачесова (Москва)
ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ПОВСЕДНЕВНОМ ДИАЛОГЕ¹

Цель настоящей статьи – охарактеризовать интенциональные основания оказания дискурсивного воздействия в разных коммуникативных ситуациях повседневного общения. Под дискурсивным воздействием в настоящей работе будем понимать стремление одного коммуниканта сформировать мнение, отношение, установку другого или побудить его к определенному действию (прекращению действия) в определенном коммуникативном контексте. В настоящем исследовании в фокусе внимания находились образцы повседневного диалога, записанные между незнакомыми людьми. В связи с этим для определения дискурсивного воздействия необходимо описать круг задач, решаемых коммуникантами во взаимодействии.

Были поставлены следующие задачи:

1. Описать контекст речевого воздействия.
2. Описать интенциональную структуру диалогов, выделить ведущие интенциональные направленности коммуникантов (ВИН), определяющие воздействие коммуникантов, и частные интенции в составе ВИН;
3. Сопоставить интенциональные структуры, связанные с реализацией воздействия, в диалогах из разных коммуникативных контекстов.

Основной метод работы – интент-анализ (Слово в действии..., 2000; Павлова, 2003). Диалоги, записанные в условиях повседневного общения, расшифровывались, все озвученные имена изменялись для соблюдения анонимности. Транскрипты записывались с учетом особенностей устной речи, интонационных выделений, пауз, хезитаций и пр. Интенции субъектов общения, проявляющиеся в их высказываниях, квалифицировались группой экспертов на основе согласования оценок. С целью выявления интенциональных оснований тактик речевого воздействия проводился интент-анализ.

Были получены следующие результаты. В ситуации неофициального общения выделялись две формы взаимодействия. Первая – короткое информационное, при котором согласованные ведущие интенциональные направленности (ВИН) запросить информацию – предоставить информацию выполняют двойную функцию. Это и «побуждение – поддержание диалога», и «просьба – оказание помощи» (предоставление информации). В контексте просьб, осуществляемых по типу замечаний, имеют место иницирующие интенции, направленные на защиту своих интересов в виде побуждения к действию или его упреждения (интенции: привлечь внимание, сообщить и др.). Ответные реакции вы-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ: грант №13-06-00551.

ражают согласие адресата или содержат самоохранительные интенции (выразить недовольство коммуникантом, оправдаться).

Вторая форма неофициального общения была выделена в ситуациях «вынужденного» совместного времяпрепровождения: на первый план в организации диалога выходят фатические интенции «поговорить», «сообщить», «поделиться», при этом интересы собеседников не сталкиваются. Интенции «выразить мнение», «привлечь внимание», «сообщить» направлены на вовлечение незнакомого собеседника в диалог. Воздействие в разворачивающейся беседе связано с осуществлением самопрезентации, направленной на формирование образа компетентного, опытного, знающего собеседника. В этом случае особое место в разговоре приобретает выделяемая отдельно ВИН осуществить самопрезентацию, которая направлена на изменения мнения собеседника, а не защиту интересов, как в указанных выше диалогах-замечаниях.

В ситуации формального общения ведущие интенциональные направленности собеседников различаются у представителей разных ролей: для «клиента» характерны ВИН обозначить проблему/ привлечь организацию к ее решению (интенции: сообщить, критиковать, привлечь внимание, просить), ВИН выразить претензию (интенции: выразить недовольство, удивление, пожаловаться). Речевое воздействие со стороны представителей организации («менеджеров») организуется в диалоге вокруг ВИН привлечь/удержать клиента (предложить решение, уточнить, принести извинения), ВИН изменить мнение (информировать, пояснить, оправдаться, убедить). Нейтральные интенции в ВИН поддержать диалог выражают попытки конструктивного решения обозначенной проблемы, с одной стороны, направлены на координацию действий, с другой – на выяснение и получение информации. Отдельные коммуникативные ходы содержат частные интенции, направленные не на изменение модели мира коммуниканта через его убеждение, но на поддержание определенного образа, выражения недовольства и защиты своих интересов.

Канд. филол. н. С.О. Гуляйкина, С.В. Извекова (Пенза)

ИНТОНАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Обращаясь к теме литературного творчества писателя, хотелось бы отметить, что исследователи в первую очередь направляют своё внимание на изучение языка и речи, характеризующих автора. Существует огромное количество работ, подробно описывающих авторский стиль того или иного писателя; в них предлагается детальный анализ используемой лексики, особенности употребления морфологических видов и форм, порядок построения и функционирования синтаксических единиц и особый выбор фигур и тропов. Гораздо меньше представлено работ, изучающих авторский «почерк» с точки зрения фонетики. Однако в отдельных случаях фонетический уровень языка видится не менее значимым, а скорее наоборот – наиболее эффективным и экспрессивным в создании писателем определённого образа или ситуации.

Не требует доказательств тот факт, что писатель «общается» с нами посредством своих героев: одним он явно симпатизирует, других – высмеивает и т. д. Именно в словах и выражениях, вложенных автором в уста своих героев, кроется поведенческий стиль той или иной языковой личности. Любой человек, вовлечённый в процесс общения, так или иначе оказывает определённое психологическое воздействие на собеседника и, в свою очередь, также подвергается этому воздействию. В том случае, если собеседником предполагалось и удалось извлечь материальную или психологическую выгоду в процессе межличностной коммуникации, можно говорить о состоявшемся акте межличностной манипуляции. Интонационная составляющая в таких ситуациях играет немало важную, а порой даже определяющую роль.

По словам Ж. Годфруа, «только 7% содержания сообщений передаётся с помощью слов, в то время как 38% информации определяется тем, как эти слова произносятся, и 55% – выражением лица». Интонационное поведение, следовательно, гораздо более значимо в манипулятивном акте, чем собственно языковое (словесное). Интонация, как отмечается в лингвистическом энциклопедическом словаре, «является важным средством формирования высказывания и выявления его смысла». К одной из её функций относят выявление (вскрытие) подтекста высказывания. Указанные особенности свидетельствуют об эффективности интонации как средства психологического воздействия.

Проиллюстрируем на примере одновременное взаимодействие отмеченных средств языка (отрывок приводится из рассказа А.П.Чехова «Депутат, или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»). Описываемый ниже разговор происходит между чиновником и его подчинённым, Дездемоновым, делегированным своими сослуживцами требовать улучшения условий труда. Избранный депутат при виде грозного начальника попросту струсил и, спасаясь от его гнева, решил перевести разговор в другое русло:

« – Я слышал, что ее-ство разыгрывают в лотерею карету... Билетик, ваше-ство... Кзм... ваше-ство...

– Билетик? Хорошо... У меня пять билетов осталось, только... Все пять возьмишь?

– Не... не... нет, ваше-ство... Один билетик... достаточно.

– Все пять возьмишь, я тебя спрашиваю?

– Очень хорошо-с, ваше-ство!

– По шести рублей. Но с тебя можно по пяти... Распишись... От души желаю тебе выиграть...».

Начальник Дездемонова, пользуясь своим положением и зная о страхе подчинённых перед ним, легко заставил своего работника принять нужное ему решение, т. е. купить оставшиеся пять лотерейных билетов. Ключевой фразой начальника является вопросительное предложение, первая часть которого повторяет уже прозвучавший ранее вопрос: *Все пять возьмишь, я тебя спрашиваю?* Данная реплика содержит ярко выраженную интонационную «атаку», давящую на сознание Дездемонова и определяющую последующие действия. Кому в данной ситуации симпатизирует писатель А.П. Чехов? Возможно, ни тому, ни другому. Однако, судя по названию рассказа, полагаем, что вызывающий

жалость и одновременно улыбку «депутат» Дездемонов заслуживает меньшего уважения, с точки зрения автора, чем чиновник, сумевший ловко обернуть ситуацию в свою пользу.

Подводя итог, хотим подчеркнуть, что не столько лексическое наполнение и синтаксическое оформление нашего повседневного общения, сколько его интонационная составляющая в большей степени ответственна за принимаемые нами или нашими собеседниками решения.

Канд. филол. наук Р.А.Даминова (Уфа)

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ

С целью изучения взаимосвязи слова и его ассоциативного окружения на фонетическом уровне было проведено исследование, пространство которого заключалось в рамки фоносемантической шкалы «хороший-плохой». Анализировались вербальные результаты функционирования ассоциативной системы человека, проявленные в виде коллективных и индивидуальных ассоциативных полей.

Материал, взятый из Русского ассоциативного словаря (РАС), и материал, полученный после проведения цепного ассоциативного эксперимента, был исследован методом фоносемантического анализа. В первом случае изучалось взаимодействие фоносемантических признаков стимулов (75 единиц ядра ментального лексикона с максимальной ассоциативной силой) и их ассоциативных полей, а во втором специфика взаимодействия 19 единиц ядра с интенсивными положительными фоносемантическими признаками с их индивидуальными ассоциативными полями, полученными от 100 испытуемых. В ходе цепного ассоциативного эксперимента испытуемым предлагалось записать все ассоциативные реакции, которые приходят в голову в связи с данным словом стимулом («до пустоты в голове»). Всего было зарегистрировано 1900 индивидуальных фрагментов ассоциативных полей, которые представляют собой индивидуальные цепочки реакций. Ассоциативный корпус анализировался по горизонтали (индивидуальные поля от одного испытуемого на 19 стимулов – индивидуальный профиль) и совокупные индивидуальные поля единиц ядра от 100 испытуемых (коллективный профиль). Фактически были сопоставлены индивидуальные и совокупные индивидуальные ассоциативные поля. Сопоставительный анализ на фоносемантическом уровне позволил говорить о тенденции взаимодействия по принципу несоответствия фоносемантических оценок единиц ядра с ассоциативными полями, как по коллективному, так и индивидуальному профилям.

Материалы имеющихся ассоциативных словарей активно исследуются и уже накоплен опыт работы с ними. При этом необходимо отметить, что материал, состоящий из индивидуальных ассоциативных полей редко являлся базой для исследований. В настоящее время мы имеем возможность изучать формальные и содержательные показатели индивидуальных ассоциативных полей. С точки зрения их формальных характеристик представляет интерес структура

ассоциативного ряда – количество реакций и их состав, а в плане их содержательной стороны – фоносемантические характеристики слов-реакций внутри ассоциативной цепочки.

Канд. филол. наук Н.В.Ефименко (Уфа)

ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ЦВЕТОВОГО ЗНАЧЕНИЯ: АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА И ТЕКСТА

Изучение речевых возможностей человека и проблемы организации языкового сознания занимают центральное место в лингвистических и психолингвистических исследованиях. Развитие идеи содержательности звуковой формы языкового знака нашло свое место в рассмотрении психолингвистического феномена символики звуков речи. Любая форма содержит в себе некоторую информацию, следовательно, бессодержательных форм не существует. Установление соответствия между формой и содержанием является основной закономерностью существования и развития явлений.

Анализируя ассоциативную (психологическую) структуру цветового значения звукобукв русского языка и исследуя взаимосвязь звука и его ассоциативного цветового окружения, мы установили динамическую природу ассоциативного «колористического наполнения» ряда звукобукв русского языка при проведении диахронического анализа и зарегистрировали статичность этих связей в синхроническом срезе. Мы провели сопоставительный анализ экспериментальных результатов, полученных разными авторами за период с 1966 по 2005 год, с материалами собственных экспериментов, проведенных с ноября 2010 по май 2011 года, что позволило нам выделить 7 звукобукв, которые имеют частичные или полные несовпадения в цветовом значении. Результаты верифицирующих экспериментов по уточнению цветности выделенных единиц и расчет процента повторных совпадений цветовой окраски звукобукв показали валидность результатов. Таким образом, была выявлена тенденция осветления цветового наполнения (ассоциативного осветления) семи звукобукв.

Осветление цветности русских звукобукв возможно объяснить через обращение к анализу различных модальностей восприятия человеком окружающего мира. В попытках построить модель окружающей действительности и «нарисовать» языковую картину в частности, индивид опирается на различные доминантные репрезентативные системы: визуальную, аудиальную, кинестетическую, дигитальную. Первые три признаются исследователями врожденными образованиями, последняя приобретается в течение жизнедеятельности индивида. Исследования последних лет обнаружили значительные изменения, произошедшие в доминировании той или иной репрезентативной системы (см.: (Рогожникова, Навалихина 2011: 469-473)). В последние годы значительно возросло количество людей, чьей доминантной репрезентативной системой является дигитальная. Возможно, именно с этим и связаны изменения цветности звукобукв.

По результатам наших экспериментов мы построили и описали цветовую матрицу звукобукв русского языка. При составлении цветовой матрицы ан-

глийского языка использовались результаты исследований звуко-цветовой ассоциативности зарубежных авторов (R. Cytowic, S. Day, E. M. Hubbard, V. S. Ramachandran), а также материалы эксперимента с носителями английского языка, проведенного Л.П. Прокофьевой (см.: (Прокофьева 2007)).

Проведенный анализ теоретических и экспериментальных данных позволил коллективу авторов под руководством профессора Т.М.Рогожниковой (руководитель проекта Т.М.Рогожников, С. А. Воронков, Н.В.Ефименко, Р. В. Яковлева) разработать программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте (Свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ №2011618299 «БАРИН» (Автоматизированный анализ слова и текста).

С помощью данного программного продукта можно рассчитывать частотность звукобукв русского и английского текстов; определять цветовое наполнение текста на основании рассчитанной частотности звукобукв; представлять результаты в виде графиков и диаграмм; выполнять художественную интерпретацию звуко-цветовых соответствий в тексте с сохранением в файл. Автоматизированный анализ звуко-цветовой составляющей возможен как на уровне слова, так и на уровне текста любого типа (русский и английский языки).

Исследование взаимосвязи звука и его ассоциативного цветового окружения, изучение семантической составляющей данной проблемы позволяет выявлять универсальные и специфические особенности процесса развития цветового значения с целью определения латентной информативности и экспрессивности вербальной модели (слово, словосочетание, высказывание, текст), что делает возможным усовершенствование вербальной модели и повышения ее информативности на фоносемантическом уровне.

Канд. психол. наук А.Ф. Корниенко (Казань)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ

Известно, что ментальные репрезентации, облачаясь в языковую форму, выражаются в речи и различного рода текстах посредством определенных грамматических категорий, основными из которых являются существительные, глаголы, прилагательные, местоимения, наречия, союзы и предлоги. Согласно данным, приведенным в частотном словаре русского языка под редакцией Л.Н. Засориной, в текстах различного жанра соотношение указанных грамматических категорий имеет определенную специфику. Своеобразие частотного распределения грамматических категорий наблюдается и в литературных произведениях отдельных авторов. В работе Б.Н. Головина [Б.Н.Головин 1970], например, приводятся данные о распределении соответствующих грамматических категорий в произведениях К.М. Симонова и М.А. Шолохова. Аналогичные распределения были получены нами в результате лексико-грамматического анализа поэтических текстов А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова (см. табл. 1).

Таблица 1

*Частотное распределение грамматических категорий в произведениях
К.М. Симонова, М.А. Шолохова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова*

Грамматическая категория	Симонов	Шолохов	Пушкин	Лермонтов
Существительное	31,6	44,2	34,2	29,8
Глагол	20,5	15,7	20,5	23,5
Прилагательное	9,1	15,7	16,3	13,5
Наречие	11,2	8,5	8,4	7,3
Местоимение	13,5	7,5	12,3	18,1
Союз	14,1	8,3	8,4	7,8

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что произведения разных авторов отличаются по частотным распределениям грамматических категорий. Использование метода кластерного анализа позволило определить степень этих отличий и представить их в удобной наглядной форме (см. рис. 1).

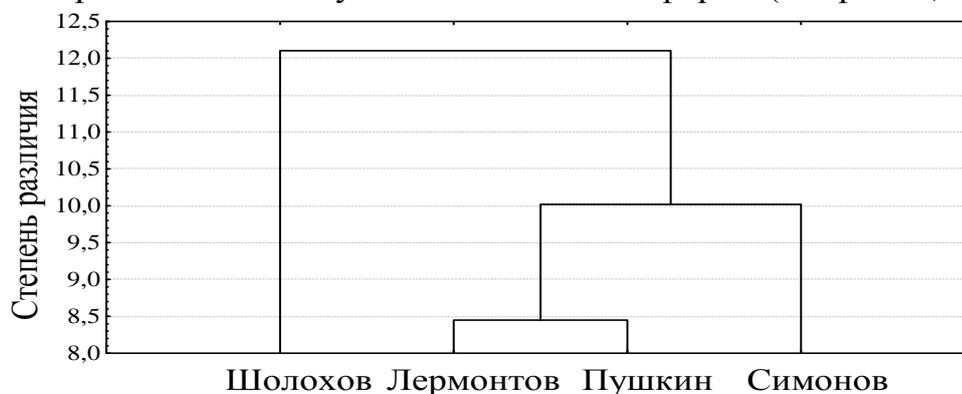

Рис. 1. Степень различия произведений разных авторов по соотношению грамматических категорий.

Из рис. 1 видно, что минимальные различия наблюдаются между произведениями А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Далее идут произведения К.М. Симонова. Произведения М.А. Шолохова в максимальной степени отличаются от произведений других авторов.

С помощью метода корреляционного анализа удастся определить, как меняются распределения одних грамматических категорий в зависимости от изменения других (см. табл. 2).

Таблица 2

*Взаимосвязь в изменениях частотных распределений
грамматических категорий*

	Существ.	Глагол	Прилагат.	Наречие	Местоим.	Союз
Существительное		-0,96	0,52	-0,08	-0,93	-0,29
Глагол	-0,96		-0,33	-0,18	0,98	0,03
Прилагательное	0,52	-0,33		-0,76	-0,38	-0,89
Наречие	-0,08	-0,18	-0,76		-0,22	0,97
Местоимение	-0,93	0,98	-0,38	-0,22		0,02
Союз	-0,29	0,03	-0,89	0,97	0,02	

Из таблицы видно, что при увеличении доли существительных увеличивается и доля прилагательных ($r=0,52$), однако значительно уменьшаются доли глаголов ($r=-0,96$) и местоимений ($r=-0,93$). Сильная положительная связь наблюдается в соотношениях глаголов и местоимений ($r=0,98$), а также наречий и союзов ($r=0,97$).

Указанные соотношения и взаимосвязи частотных распределений грамматических категорий представляют собой результаты лингвистического анализа текстов. Однако наибольший интерес для нас представляет возможность психолингвистического анализа соответствующих соотношений и взаимосвязей грамматических категорий. Возможность такого анализа обуславливается наличием взаимосвязи между содержанием ментального (психического) образа и его языковым оформлением, которое осуществляется в текстах посредством той или иной грамматической категории [А.Ф.Корниенко 2012].

Наиболее часто используемой грамматической категорией является существительное. Наличие в текстах существительных можно соотнести с наличием в психике человека ментальных образов, в которых отражается совокупность предметов объективной действительности. В связи с этим долю существительных в тексте можно рассматривать как показатель "предметности" субъективного отражения действительности, характерного для автора текста. Это наиболее простая форма отражения, связанная с развитием познавательных психических процессов восприятия.

Другой часто используемой грамматической категорией является глагол. С помощью глаголов обозначаются отражаемые в психике взаимосвязи и взаимодействия между предметами действительности. Поскольку взаимосвязи между предметами проявляются в действительности в форме определенных действий или процессов, долю глаголов в текстах можно рассматривать в качестве показателя "событийности" субъективного отражения, характерного для автора текста. Это более сложная форма субъективного отражения действительности, связанная с развитием процессов мышления.

Для обозначения свойств и качеств предметов действительности обычно используются прилагательные. Учитывая, что в предложениях прилагательные выполняют функцию определения, в качестве еще одного показателя специфичности субъективного отражения действительности можно рассматривать долю прилагательных и обозначить его как показатель "определенности".

Долю наречий, выполняющих в предложениях функцию обстоятельств, можно рассматривать в качестве показателя "обстоятельности", а долю местоимений, в которых выражаются те или иные представления автора текста о себе и других людях, – в качестве показателя "социальности".

Учет сформулированных показателей специфичности субъективного отражения действительности позволяет перейти от чисто лингвистического анализа литературных текстов к психолингвистическому изучению особенностей ментальных репрезентаций, присущих авторам этих текстов (см. рис. 2).

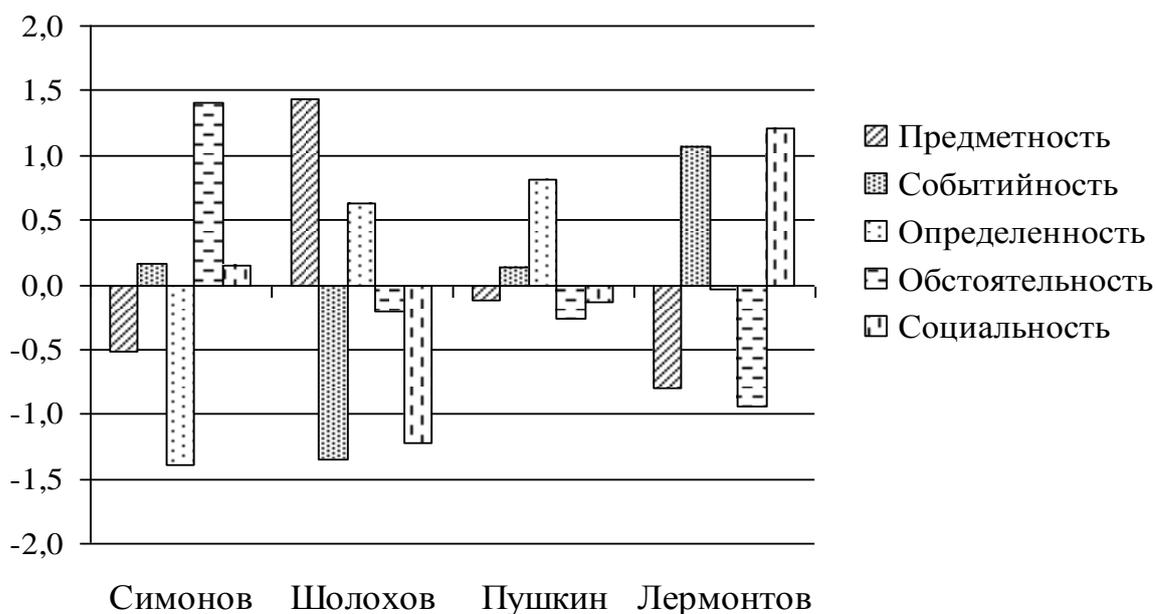

Рис. 2. Результаты сравнительного анализа особенностей ментальных репрезентаций, присущих авторам литературных текстов.

Как видно из рис.1, характер ментальных репрезентаций у авторов литературных текстов различен. Ментальные репрезентации К.М. Симонова более обстоятельные, но менее определенные. Для М.А. Шолохова характерна высокая предметность ментальных репрезентаций, но более низкая событийность и социальность. Высокая определенность является отличительной особенностью ментальных репрезентаций А.С. Пушкина. Своеобразие ментальных репрезентаций М.Ю. Лермонтова выражается в высокой степени их событийности и социальности, и низкой степени предметности и обстоятельности.

Литература

Головин Б.Н. Язык и статистика. – М.: Просвещение, 1970. – 190 с.

Корниенко А.Ф. Взаимосвязь языка, мышления и сознания //Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 16-19 мая 2012 г.). – М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2012. – С. 40-42.

Канд. психол. наук Т.А. Кубрак (Москва)

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КИНОДИСКУРСА

В настоящее время к изучению кинодискурса, по-разному, его понимая, обращаются специалисты разных областей знаний: искусствоведы, культурологи, философы, семиотики, лингвисты. В психологических исследованиях кино обращение к анализу кинодискурса расширяет представления о кино, прежде всего как коммуникативном событии.

Можно выделить два основных подхода к изучению кино, делающих акцент на разных его аспектах. Первый рассматривает кино в его отнесенности к средствам массовой коммуникации, второй – к искусству. В зависимости от подхода на первый план выходит и соответствующая специфика. Подход к анализу кино как средству массовой коммуникации дает представление о его характеристиках и механизмах функционирования и позволяет наиболее глубоко исследовать такие значимые вопросы, как психологическое воздействие кино. Изучение кино как искусства раскрывает его специфику (сопереживание и идентификация с героями, включенность в действие, иллюзия реальности и др.) и выявляет важные особенности его восприятия и воздействия, связанные, прежде всего, с возможностями киноязыка.

Третий подход – дискурсивный, перекрываясь с первыми двумя, также имеет свою специфику и свои акценты. Как и анализ любого другого дискурса, такой подход предусматривает исследование кино с учетом влияющих на его производство и понимание ситуационных, прагматических, личностных, социокультурных и др. факторов (Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, R. Harre, P. Stearns, Н.Д. Павлова). Кино понимается как коммуникативное событие, центральным моментом которого является диалог со зрителем, т.е. сложный, развернутый во времени процесс осмысления, приписывания человеком значений фильму, во многом обусловленный личностными, контекстными, социальными и др. переменными; составляющими кинодискурса выступают сам кинофильм, в котором реализуется замысел создателей с использованием определенного киноязыка, зритель со своими предпочтениями и установками по отношению к фильмам, мотивационными и личностными особенностями.

Проведенное исследование, относящееся к изучению психологических характеристик восприятия кино, осуществлялось в рамках начавшейся работы по изучению кинодискурса. Предполагалось, что полученные данные будут способствовать пониманию коммуникативного процесса, включающего фильм, его создателей и зрителей. С одной стороны, результаты анализа должны были показать, какие элементы фильма, являясь для конкретного зрителя наиболее привлекательными и запоминающимися, влияют на восприятие фильма, формирование оценки и отношения к нему и, тем самым, расширяют возможности его воздействия. С другой стороны, рисунки рассматривались как ответная реплика в диалоге зрителя с автором фильма, и их анализ мог способствовать обнаружению специальной системы значений, характерных для респондентов; степень обобщенности рисунка киноафиши демонстрировала степень целостности восприятия фильма, понимание его общего замысла.

Методики исследования: модифицированный вариант проективной методики «Проект киноафиши»; оригинальная анкета зрительских предпочтений и целевой направленности.

Респонденты: 55 студентов в возрасте 17-24 лет.

Выводы:

1. Выявленные типы киноафиш («Сюжет», «Идея», «Эмоции») отражают особенности восприятия кинофильмов, в том числе по их жанровой отнесенности. Существует статистически значимая связь между целями просмотра филь-

мов (познавательные, рекреационные) и типом киноафиш («Сюжет», «Идея»). Понимание его общего замысла («киномысли») в большей степени определяется познавательной направленностью зрителя.

2. Привлекательность фильма преимущественно определяется его сюжетом и занятыми актерами, что, вероятно, отражает господствующий в настоящее время кинодискурс, в котором представления о «хорошем» фильме связаны, прежде всего, с его захватывающим сюжетом, хорошими актерами, а также интересной идеей, спецэффектами и общим позитивом. Значимых различий в оценке привлекательности фильмов у зрителей с разной целевой направленностью не выявлено.

3. Молодежная студенческая аудитория демонстрирует представления о влиянии кино, связанные как с эмоциональными, так и когнитивными последствиями, вне зависимости от целей его просмотра. Вероятно, зрители испытывают одновременно оба типа эффектов: могут не только узнавать что-то новое, но и получать эмоциональную разрядку, а, реализуя стремления в развлечении, менять свои взгляды и установки.

Докт. филол. наук Т.М. Рогожникова (Уфа)

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ ПОЭТА: ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В докладе обсуждаются результаты анализа, полученные в ходе работы над разными переводами одного стихотворения Артюра Рембо «Пьяный корабль». Мы работали с переводами Л. Мартынова, Д. Бродского, Д. Самойлова, Б. Лившица, П. Антокольского, Е. Витковского, Н. Стрижевской, М. Кудинова, А. Гилярова, В. Эльснера.

Алгоритм анализа включал в себя рассмотрение комбинаций возникающих при восприятии перевода ритмов мозга; ранжирование доминантных признаков текста; изучение психологической (ассоциативной) цветности авторской вербальной модели; определение степени и качества суггестивного воздействия переводов разных авторов.

Были использованы разные программные продукты, позволяющие анализировать отдельные аспекты изучаемого материала: компьютерная программа ВААЛ (В.И. Шалак, М.Н. Дымшиц), аналитическая программа DIATONE, разработанная в лаборатории И.Ю. Черепановой, программа ЗВУКОЦВЕТ (Л.П. Прокофьева, Т.В. Миронова, И.Л. Пластун), компьютерная программа автоматизированного анализа текста БАРИН (Т.М. Рогожникова, С.А. Воронков, Н.В. Ефименко, Р.В. Яковлева).

Ориентируясь на возможности компьютерных инструментов, мы выделили те опоры, которые позволяют нам проводить сопоставительный анализ материала, и остановились на трёх. Первой опорой стало качество воздействия (определялось через установление доминирующего при восприятии перевода ритма мозга). В новой версии программы, созданной И.Ю.Черепановой, встроена дополнительная функция анализа – влияние текста на ритмы мозга. Технически с

помощью названного инструмента возможен анализ 11 основных состояний ритмов мозга и связанных с ним эмоций. Каждому типу мозговых волн приписываются знаки «+» или «-», в зависимости от избыточности или недостаточности проявлений того или иного ритма, фиксируется нейтральная позиция, позиция полной синхронизации потенциалов со знаком «+» и позиция жесткого воздействия со знаком «-». Преобладание определенного ритма, выявленное при работе со стимулом, означает, что восприятие данного стимула способствует возникновению того или иного эмоционального состояния, связанного с данным явно выраженным ритмом. Таким образом, анализируя варианты переводов сквозь призму возникающих при их восприятии мозговых волн, мы приписываем им определённое качество воздействия на человека.

Второй опорой явились наборы характеризующих и определительных признаков, которые описывают фоническую оболочку слова. Носители языка не осознают и не анализируют её как содержательно значимую, однако, как установлено в многочисленных экспериментах, именно она устанавливает вектор процесса понимания, превращая неосознанно воспринимаемые звуки и их комплексы в содержательные.

Третьей опорой послужила информация о цветовой ассоциативности слова. Ассоциативная структура цветового значения позволяет нам размышлять над проблемой воздействия психологического (ассоциативного) цвета на эмоциональное состояние человека. С помощью компьютерной программы БАРИН возможно выполнять интерпретацию звуко-цветовых соответствий в тексте, создавать статический и динамический образы текста, устанавливать динамику цветового наполнения слова и текста, регистрировать ведущий цвет текста, ранжировать монохромную ядерную зону и многоцветную периферию цветового значения вербальной модели. В итоге мы получаем цветовой образ слова и текста, который легко интерпретировать, используя таблицы цветовых сублиматов. Корректируя значение, заложенное на уровне звуко-цветовой ассоциативности, исследователь может прогнозировать появление определённой эмоциональной реакции на текст.

В результате проведённого анализа стали явными происходящие при переводе трансформации поэтической реальности автора. Эмоциональные ассоциативные образы текстов переводов значительно отличаются друг от друга по своему суггестивному потенциалу. Одно и то же содержание, представленное разными вербальными моделями, вызывает различные эмоции и по-разному воспринимается. В психологическом плане одна модель не может заменять другую без серьёзных изменений в коммуникативном пространстве. Предлагаемые для обсуждения результаты можно повторить и перепроверить, поскольку они основываются не на интуиции и «языковом чутье», а на данных, полученных с помощью четырёх компьютерных программ, созданных разными авторами, которые работают независимо друг от друга.

РУССКИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ КАК ИНДИКАТОР ЭПОХИ

Современная лингвистика характеризуется интенсивным изучением языкового сознания в условиях би- и полилингвальных социумов. В современном российском обществе, где доля пожилых людей постоянно увеличивается, выявление меняющихся представлений о старости и пожилых людях входит в сферу вопросов, решаемых современной лингвокультурологией, психолингвистикой и социолингвистикой. Вместе с тем комплексное изучение лингвокультурного типажа *«пожилой человек»* как узнаваемого образа в современном поликультурном обществе до сих пор не предпринималась. В настоящей статье на материале данных ассоциативного эксперимента раскрывается общее и национально-специфическое содержание лингвокультурного типажа *«пожилой человек»* в языковом сознании различных половозрастных групп русских, проживающих на территории Республики Северная Осетия-Алания (РСО-А), и выявляются типажные (гендерно и национально маркированные) разновидности пожилого человека.

Образно-перцептивные характеристики описываемого лингвокультурного типажа акцентируют стереотипные представления испытуемых о внешности пожилых людей, их здоровье, времяпрепровождении и занятиях. К числу типичных представлений о внешности пожилых людей относятся седые волосы, морщинистое лицо, палочка в руках. Характеристика состояния здоровья сводится к описанию болезней и физической слабости людей пожилого возраста, времяпрепровождение ограничивается просмотром телевизора, а занятия – домашними делами.

Аксиологические характеристики рассматриваемого лингвокультурного типажа бинарны – они включают как положительную, так и отрицательную оценку испытуемыми внешности, характера, эмоционально-психологического состояния, интеллектуальных способностей пожилых людей.

Ассоциативное поле лингвокультурного типажа *«пожилой человек»* по данным свободного и направленного ассоциативных экспериментов, поведенного с русскими испытуемыми всех возрастных групп, представлено следующими признаками, формирующими ядерную зону (2027 реакций – 50,53%): «внешность», «возраст», «здоровье», «физическое состояние», «социальный статус», «времяпрепровождение», «отношение к пожилым людям со стороны общества», «интеллектуальные способности», «характер».

По результатам двухступенчатого ассоциативного эксперимента, проведенного с русскими испытуемыми, были выявлены наиболее частотные признаки, описывающие лингвокультурный типаж *«пожилой человек»*: «характер» (103), «эмоционально-психологическое состояние» (100), «здоровье» (88), «времяпрепровождение» (69), «внешность» (63), «физическое состояние» (61), «занятие» (53), «внутрисемейные отношения» (53).

В возрастной группе 7-14 лет доминантным признаком лингвокультурного типажа *«пожилой человек»* является признак «физическое состояние», поскольку испытуемые данного возраста воспринимают пожилого человека

прежде всего на основе его физического облика (*медленно ходит, хилый, слабый, еле ходит, не может работать*).

В возрастной группе 15-25 лет доминантным является признак «внешность», что свидетельствует о том, что испытуемые данного возраста воспринимают пожилых людей по их внешним характеристикам (*морщинистое лицо, седые волосы, очки*).

В возрастной группе 26-40 лет доминантным признаком является признак «характер», акцентирующий негативный сдвиг в характере пожилых (*сварливый, вредный, скупой, злой, нудный*).

В возрастной группе 41-50 лет доминантным является признак «здоровье», актуализирующий значимость состояния здоровья пожилых, в первую очередь родственников (*занимается своим здоровьем, болячки, лечится*).

В возрастной группе 51-70 лет объективируется доминантный признак «эмоционально-психологическое состояние», подчеркивающий значимость переживаний испытуемых данного возраста, связанных с переходом на пенсию (*чувствует свою ненужность, не хочет стареть, тяжело уходит на пенсию, переменчивое настроение, боится одиночества, ощущает себя моложе своих лет*).

Для возрастной группы 71-90 лет доминантным является признак «внутри-семейные отношения», подчеркивающий важность семьи для испытуемых данного возраста (*радуют внуки, переживает за детей и внуков, гордится внуками*).

На основе выявленных признаков были установлены дифференциальные характеристики, описывающие пожилого человека в русской лингвокультуре: «внешность» (*седые волосы/лысый; морщинистое лицо; дурной; не имеет зубов/молодо выглядит; ухаживает за собой*); «возраст» (*старый; древний; жизни осталось мало/молодой*); «здоровье» (*здоровый/больной; заботится о своем здоровье*); «физическое состояние» (*сильный/слабый; уставший от работы; умирающий*); «интеллектуальные способности» (*умный; мудрый; грамотный/ухудшение умственных способностей; не разбирается в технике; марз-матик*); «эмоционально-психологическое состояние» (*ничего не интересно; уставший от жизни; боится одиночества; депрессивный/радуется пенсии; появляются новые интересы; сохраняет молодость души; не хочет стареть*); «характер» (*добрый; ласковый; оптимист/капризный; раздражительный; злой; вредный; нудный*); «социальный статус» (*работает/не работает*); «социальное положение» (*социально необеспеченный/социально обеспеченный*); «семейное положение» (*семейный пожилой человек; женится/одинокий*); «внимание противоположного пола» (*женщины (мужчины) обращают внимание*); «времяпрепровождение» (*отдыхает; гуляет; увлекается чтением; ездит на дачу; смотрит телевизор; имеет увлечения и хобби; встречается с друзьями; путешествует; ищет новых друзей*); «занятие» (*занимается домашними делами; заботится о внуках; рисует картины*); «отношение к пожилым людям со стороны родственников» (*помощь и внимание со стороны близких людей*); «отношение к пожилым людям со стороны общества» (*уважение/ненужный*); «отношения с социумом» (*помогает людям; ругает моло-*

дежь); «оценка своей жизни» (*сложная жизнь*); «религиозность» (*ходит в церковь; молится*); «биография» (*воевал; воспоминания о прошедшей жизни; много работал; прожил тяжелую жизнь*).

Пожилой мужчина по представлениям русских испытуемых 7-13 лет – это дедушка, который отличается крепким здоровьем (*сильный*) и большую часть времени посвящает своим внукам (*играют с внуками, читают внукам сказки, учат внуков алфавиту*), а также домашним делам (*делает ремонт*) и своему хобби (*ходит на рыбалку*). Пожилой мужчина в представлениях русских испытуемых 16-25 лет – это дедушка, страдающий хроническими болезнями, ведущий, в основном, пассивный образ жизни (*читают газеты, смотрят телевизор, смотрят сериалы*). Пожилой мужчина в представлениях русских испытуемых 25-40 лет – это старый, больной человек, который постоянно говорит о своих болезнях; в то же время он социально активен, продолжает работать по мере возможности. Гендерно маркированный тип пожилого человека (*в папаче*) в языковом сознании русских испытуемых отражает представления о внешности кавказского пожилого человека, в первую очередь, осетина, что соотносится с концепцией поликультурного мира, отраженного в сознании населения смешанных в национальном отношении регионов.

Для русских испытуемых 40-55 лет пожилой мужчина – это молодо выглядящий пенсионер; физически здоровый; он не только присматривает за своими внуками, но и работает, помогает другим людям; он не понимает современную молодежь; у него есть свои увлечения; он ощущает внимание противоположного пола (*женщины обращают внимание*) и устраивает свою личную жизнь (*женится на молодых*). В представлениях испытуемых 55-70 лет пожилой мужчина – это «молодой пенсионер»; физически здоровый; он продолжает работать (*работает охранником*), чтобы материально помогать своим детям; поддерживает общение с детьми и внуками, проживающими отдельно; имеет увлечения и хобби. Пожилой мужчина в представлениях русских испытуемых 70-90 лет – это пенсионер; старый интеллигент; посвятивший всю свою жизнь работе; он осознает, что больше не может быть полезен обществу в силу своего возраста и состояния здоровья; свободное время посвящает своим увлечениям и путешествует (*ездит отдыхать за границу*); имеет семью, которая ему помогает.

Пожилая женщина в представлениях русских испытуемых 7-13 лет – это любимая бабушка, которая часто болеет, но посвящает внукам все свое время; помогает и защищает их; она очень активная, но ее деятельность ограничена домашними заботами (*вяжет, шьет, убирает*). Для 16-25 летних русских испытуемых пожилая женщина – это бабушка, которая следит за своей внешностью (*красит губы*); имеет активный досуг (*гуляет с собакой*) и увлечения (*вяжет носки*). Для русских испытуемых 25-40 лет пожилая женщина – это любимая бабушка, страдающая хроническими заболеваниями; ее деятельность ограничена заботой о внуках и домашними делами; она очень набожна и часто ходит в церковь.

Пожилая женщина в представлениях русских испытуемых 40-55 лет – это молодо выглядящая пенсионерка; свое свободное время она посвящает уходу за

своей внешностью (*пользуется косметикой*); пользуется вниманием противоположного пола (*мужчины обращают внимание*). Для испытуемых 55-70 лет пожилая женщина – это «молодая» пенсионерка; энергичная женщина; она хорошо выглядит, так как следит за своей внешностью; несмотря на заботу о семье и домашних делах (*печет пироги*), большую часть своего времени она проводит со своими друзьями и посвящает увлечениям. Пожилая женщина в представлениях русских испытуемых 70-90 лет – это больная женщина; она больше не в состоянии работать; занимаясь домашними делами, пытается помочь своим детям и внукам; временами чувствует апатию, но старается сохранять бодрость духа; боится одиночества; единственная ее отдушина – общение с родными; социально необеспеченна, но ей помогают дети.

Моделирование ассоциативного поля лингвокультурного типажа **«пожилый человек»** в языковом сознании русских испытуемых позволило выявить сложную, многопризнаковую структуру данного концепта:

бинарные гендерно нейтральные типажные разновидности: 1) «тип физически полноценного, здорового пожилого человека» – «тип физически слабого, измученного болезнями пожилого человека»; 2) «тип социально активного, работающего пожилого человека» – «тип социально пассивного, неработающего пожилого человека»; 3) «тип саморазвивающегося пожилого человека, посвящающего свое время новым интересам и хобби» – «тип потерявшего интерес к жизни пожилого человека»; 4) «тип оптимистичного, радующегося пенсии пожилого человека» – «тип депрессивного, переживающего свой выход на пенсию пожилого человека»; 5) «тип довольного своим положением пожилого человека» – «тип всем недовольного, ворчащего пожилого человека»; 6) «тип социально обеспеченного» – «тип социально необеспеченного пожилого человека»; 7) «тип семейного пожилого человека, живущего отдельно от детей» – «тип одинокого пожилого человека, живущего в доме для престарелых»;

однопризнаковые гендерно нейтральные разновидности (*пожилый мужчина*): 1) тип пожилого человека, пользующийся успехом у противоположного пола; 2) тип молодящегося пожилого человека;

гендерно маркированные однопризнаковые разновидности (*пожилый мужчина*): 1) тип пожилого интеллигента; 2) тип пожилого жениха; (*пожилая женщина*): 1) тип набожной пожилой женщины; 2) тип пожилой женщины – домохозяйки.

В русском языковом сознании были выявлены как мужские, так и женские маркированные подвиды лингвокультурного типажа **«пожилый человек»**: тип пожилого интеллигента; тип пожилого жениха; тип набожной пожилой женщины; тип пожилой женщины – домохозяйки.

Итак, результаты эксперимента позволяют заключить, что архитектоника ядра лингвокультурного типажа **«пожилый человек»** представляет собой бинарную признаковую структуру. Структура лингвокультурного типажа **«пожилый человек»** формируется семью базовыми бинарными признаками, характеризующими здоровье, социальное положение, эмоционально-психологическое состояние, характер, материальное положение, семейное положение, времяпрепровождение.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Аспирант Е.В. Аксенова (Москва)

СОВРЕМЕННАЯ АГИОГРАФИЯ: ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

Практика современного лингвистического анализа текста не может обойтись без его рассмотрения в аспекте познавательной деятельности человека. Язык открывается как не столько средство передачи информации, сколько средство формирования мысли, инструмент упорядочения и систематизации опыта – отдельной личности и этнокультурного коллектива в определённое время и в конкретной речевой ситуации. В этой связи важнейшей характеристикой текста как акта познания оказывается представление отношения описываемой реальности к **метафизическому миру**, к области **Абсолютного**. Специальным инструментарием речевого познания этих отношений становится **язык религии** – как в его базовых речевых жанрах, так и в его спорадических проявлениях, в дискурсивной практике человека в целом [Г.В. Векшин 2002.].

Язык – воплощённое сознание той или иной эпохи, и отношение человека и Абсолюта, в его конкретных речевых формах, претерпевает системные трансформации со сменой базовых социокультурных форм сознания и общения, при переходе от одной культурно-исторической эпохи к другой. Так, в Средневековье человек осознавал себя в качестве частной проекции Бога, а основные ценности культуры мыслил как проявления эманации Абсолюта в области земной жизни – такой принцип был главным, регулятивным, в частности определяющим коммуникативную организацию культуры и соответствующие ей формы общения [Т.И. Вендина 2002].

Мышление современного человека, личности эпохи модернизма и постмодернизма, устроено иначе. Оно принципиально нацелено на изоляцию человека от Абсолюта, а связь физического и метафизического представлена в этой культуре (в её системообразующих формах и категориях) как связь ценностно неупорядоченная, случайная, незакономерная (впрочем, и сама категория закона для этого типа сознания оказывается категорией архаической). Человек XX–XXI веков – личность в метафизическом отношении не только потерянная, но и всячески утверждающая своё право на потерянность, неизбежность одиночества, торжество хаоса, девальвацию ценностей человеческой личности, превосходство временного над вневременным, нравственный релятивизм, который в значительной степени связан с кризисом веры – с ощущением принципиального отсутствия полноценной связи человека и Абсолюта, мгновения и Вечности. Вместе с тем современный человек, в какой бы степени он ни находился под влиянием семиотики модернизма и постмодернизма, не способен удерживать свою творческую и языковую деятельность в рамках этого типа мышления уже потому, что, очевидно, по своей природе человек не способен верить исключительно в «ничто», жить «ничем», быть «ником». Поэтому сознание современного человека неизбежно живёт ретроспекцией и в поисках источников жизнен-

ных сил постоянно обращается к формам и смыслам, обретенным и зафиксированным языком предшествующих культурных эпох – эпохи реализма (с его жаждой отыскания закона, истинной связи единичного и всеобщего, человека и универсума), эпохи романтизма (с его жаждой идеала, воплощенного в отдельном человеке и его внутреннем мире), а также других эпох коммуникативной истории европейской цивилизации, каждая из которых выражается, в частности, как особая форма выстраивания отношений человека с Богом.

В коммуникативном и познавательном пространстве современной культуры религиозное измерение играет, таким образом, совершенно особую роль: вера проявляется на фоне всеобщего неверия как нормы жизни в качестве подвига «самостоянья» – отыскания незыблемых жизненных опор – и подвига утверждения ценностей, которые значимы вовсе не только традиционно и профессионально, но являются мощным источником творческого диалога человека с современностью, источником поиска выхода из цивилизационного тупика. Каждый субъект культуры и носитель её языка привязан к реальному моменту и конкретным формам общения, но мы не способны однозначно принять такую действительность, которая представляет пустоту как венец развития и, соответственно, его предел.

Здесь мы подходим к тем актуальным феноменам коммуникативной деятельности человека, которые, знаменуя собой принципиальные отступления от господствующих норм и приоритетных форм современного общения, фокусируют в себе наибольший драматизм человеческой жизни, социокультурного бытия и сознания эпохи. Это напряжение борьбы культурного поиска и отчаяния, безусловно, прослеживается в современных религиозных текстах, и прежде всего – обращенных к повседневной жизни человека. Отражая земную жизнь в соответствии со своей аксиологией и литературной традицией, такие тексты нацелены на восстановление, поиск и утверждение незыблемой связи человека и Бога, как бы реализуя в современных условиях формулу Гаврилы Державина: *Ты есть — и я уж не ничто!* (ода «Бог»). Современные религиозные коммуникативные практики и тексты в этом контексте приобретают существенно новую социокультурную значимость. Эта напряжённость в принципе характерна для современного бытования религиозных речевых жанров. Однако в первую очередь и наиболее ярко она проявляется в жанре, который по своей природе призван соотносить обыденную жизнь человека, его земной путь с его путём в вечности, с жизнью в её Абсолютном измерении. Таким жанром является жанр **жития**.

Речевые свойства современной агиографии в контексте социокультурном, в контексте изменений литературного языка отражают динамику современного речевого сознания и мышления, которую определяет стремление не только соединить традицию и речевые инновации, но и в целом насытить обыденную жизнь человека религиозным смыслом, а представление о Боге – мыслью о повседневном существовании, повседневном испытании человека Вечностью. В этом отношении, наиболее плодотворным и уникальным религиозным мировоззрением, очевидно, является именно мировоззрение христианское – с его пониманием, с одной стороны, Богочеловеческого воплощения Абсолюта, а с другой

– фундаментальной значимости категории человеческой свободы, свободы выбора, которая находится в постоянном диалектическом противостоянии идее вседозволенности. Именно христианское житие, в частности – православное, даёт картину напряжённого и очень личного отношения, личной связи Бога и человека в его испытании свободой – свободой как высшего дара и личной ответственности.

Принято считать, что агиография – это самостоятельный вид церковной литературы, который посвящён рассказам о жизни святых людей; второе определение агиографии трактуется непосредственно как само *изучение* жития святых, богословских и историко-церковных аспектов святости [Ю.М.Лотман 1993].

Канон структуры жития окончательно сложился в Византии в VIII – X вв. В Европе такой жанр имеет богатую предысторию. В числе непосредственных дохристианских источников, которые во многом определили его формальные черты, – такие жанры античной литературы, как: панегирик и трен (*греч.* threnos – надгробное слово), греческие и римские жизнеописания (сочинения Плутарха, Светония и др.), эллинистические романы-биографии, сборники суеверных историй о чудесах (парадоксография) и о языческих богах (аретология). В начале нашей эры сложились книги Нового Завета: евангелия, которые повествуют преимущественно о земном пути Иисуса, и деяния (*старослав.* – «дела») апостолов, излагающие историю жизни учеников Христа после Вознесения. Позже образцом для агиографов стали церковные хроники – календари (*лат.* – Calendarium) с указанием дней поминовения мучеников, мучирии (*греч.* martyros – «свидетель, мученик») и иногда апокрифы (*греч.* apokryphos – «тайный») [О.И.Валентинова, А.В.Кореньков 2000]. Отсюда характерные особенности их поэтики: с одной стороны, *документализм* и *историзм*, и с другой – *дидактический* характер, который проявляется как стремление все частные случаи свести к типу, обобщённому жизненному правилу, увидеть неизменное и вечное [Ю.В.Коренева 2012]. В житии читающему и слушающему интересен не колорит эпохи, «патина времени», а суть святого.

Современное житие отражает динамику культурно-языкового сознания, воплощённого в тексте. Далекое не случайны "дежурные" упрёки, адресованные современной агиографии, – прежде всего, в шаблонности, в клишированности житийных рассказов как с точки зрения сюжета, так в определённой мере и языка, в повторяемости основных биографических данных разных святых, в неизменном воспроизведении главных ситуаций и положений, в которых протекает (и описывается) жизнь святого и его подвиги. Но нельзя забывать, что агиографический канон хранит иконичность жития, его способность быть словесной иконой святого, а не его биографией [В.В.Лехахин 2002].

Большой пласт современной агиографической литературы представляют жития новомучеников. Совершая канонизацию новомучеников и исповедников российских, во-первых, Русская Православная Церковь опирается так или иначе на примеры почитания мучеников в первые века христианской истории (т.е. уже существуют «критерии святости», например: мученическая за Христа смерть или истязание за веру Христову, чудотворения, совершаемые святым по

его молитвам, или от мощей, высокое церковное первосвятительское и святительское служение и т.д., а это означает, что существуют определённые традиции в изложении материала, в том числе и в житиях), во-вторых, созданию жития способствует живой процесс в сфере языкового мышления и жанрообразования – околожитийная литература: воспоминания о святом, его поучения, проповеди, письма. Часто именно это служит основанием для жития.

Принципиальная разница между традиционной агиографией и околожитийной литературой постоянна и обязательна. Обычно автор художественного повествования, пускай и о святом, стремится изобразить его психологию, мир души в первую очередь как «обычного среднего человека», внутренне похожего на самих читателей, которые в итоге часто подсознательно отождествляют себя с персонажем произведения. А собственно агиография не только описывает всегда идеальный (и даже идеализированный, что нехарактерно для героев романа) образ совершенного человека, но и раскрывает ту Божественную силу, которая постоянно присутствует и проявляется в подвигах святого, а также призывает следовать его примеру. Здесь читатель уже явственно ощущает нравственную дистанцию, отделяющую святого от окружающих его людей (среди которых читатель обнаруживает и самого себя).

Язык современной агиографии использует предпочтительные описательные языковые средства, позволяющие создать образ святого, т.е. использует некий категориальный аппарат агиографического представления личности. Такой аппарат является продолжением того образа мира, который реализован в тексте.

В случае, когда речь идёт о религиозной картине мира, образ святого определяется универсальными механизмами языка религии как семиотической системы, принципиально осуществляющей объективное познание вечности. В этом проявляется его отличие от языка словесного искусства, где отношение личности и Абсолюта опирается на субъективное начало.

В свою очередь, жанрообразование в сфере агиографии диктуется речевыми традициями и канонами – религиозным стилем. Религиозный стиль языка не является собственно средством познания, а лишь обеспечивает индикацию религиозной среды, религиозного жанра и воплощение типичной речевой роли говорящего: «я – верующий» [Г.В.Векшин 2002: 46].

Сакрализовать личность позволяют элементы религиозного жанра, а стиль помогает обеспечить внешнюю поверхность текста как средства индикации религиозного контекста и соответствующей речевой роли.

...Грузия – жребий Пресвятой Богородицы. Дева Мария избирает апостолом Иверии деву – святую Нину, почти ребёнка. И та побеждает в бою язычество крестом, как мечом, и озаряет страну светом Евангелия. Она пленяет сердца людей огнём любви, который Христос принёс с неба на землю. Она обращает народы ко Христу не искусством слова, а силой благодати. Избранничество Нины было запечатлено даром чудес и исцелений. Но обращение страны через юную деву было самым великим чудом...(Архимандрит Рафаил (Карелин) «Дева-апостол»)

Архимандрит Рафаил пишет житийный рассказ о святой равноап. Нине в наши дни, используя церковную лексику, скорее всего с целью показать среду,

глубокую и духовную, подчеркнуть христианское начало. Так создаётся образ святости, пример непоколебимости веры и промысла Божия.

Но подобную агиографическую функцию выполняет, например, и эпизод и из воспоминаний, который, может быть, и не выдержан в традициях религиозного стиля и не является житием, но реализует ту цель, которую традиционно преследует житие. И, более того, такой эпизод способен произвести более глубокое впечатление на читателя. Это позволяет обнаруживать активные жанровые взаимодействия и наблюдать тенденцию к симбиозу индивидуализированного личного, интимного повествования о жизни человека с житийным смыслом. Стилистический симбиоз – ведущая тенденция современной агиографии, для которой характерно активное соединение стилистики обиходно-бытового и художественного с традиционными канонами жития, в его подчинённости задачам религиозного познания.

«...Одна из современниц Великой Княгини писала о святой Елисавете: «Она обладала замечательным качеством – видеть хорошее и настоящее в людях, и старалась это выявлять. Она также совсем не имела высокого мнения о своих качествах... У неё никогда не было слова «не могу», и никогда ничего не было унылого в жизни Марфо-Мариинской обители. Все было там совершенно, как внутри, так и снаружи. И кто бывал там, уносил прекрасное чувство...» (из жития святой преподобномученицы Великой княгини Елисаветы).

Современная агиография представляет значительный интерес для лингвиста, филолога, культуролога. Изучение активных процессов, происходящих в современной агиографии, может существенно обогатить наши знания о языке и мышлении современного человека.

Цитируемая литература

Валентинова О.И., Кореньков А.В. Стиль «плетение словес» в контексте истории русского литературного языка и литературы Древней Руси. Елифаний Премудрый. «Житие Стефана Пермского». – М., 2000.

Векшин Г.В. Языки общения и функциональные стили. Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н.С.Валгиной. – Москва: МГУП, 2002.

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М., 2002.

Коренева Ю.В. Концепт святости // Вестник МГОУ, серия «Русская филология». 2012. № 2.

Лепяхин В.В. Икона и иконичность. – СПб, 2002.

Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. I. Таллин, 1993.

Л.Х. Аширова (Ульяновск)

ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОГО ЭТИКЕТА РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Вступление общества в новую информационную эпоху своего развития определило возникновение и новых способов общения, прежде всего речь идет

о деловом этикете. Деловой этикет – это сложная коммуникативная структура, востребованная условиями формирования и развития современной цивилизации. Его содержание, специфические особенности, смысловое значение и социальная роль все в большей степени привлекает внимание ученых. Особую значимость проблема делового этикета приобретает в условиях реформирующейся России. Потребность в новых формах общения обусловлена как необходимостью решения внутренних задач российского общества, так и условиями постоянно расширяющегося делового сотрудничества на международном уровне [А.К.Байбурин, с. 11-12].

Исходя из общих характеристик делового этикета в России, целью практического исследования является краткий обзор изменений делового этикета во временном пространстве. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена, с одной стороны, происходящими экономическими, политическими и социальными изменениями в сфере делового этикета, с другой – необходимостью выявления общей стратегии изменения делового этикета русской лингвокультуры. В последнее время наиболее актуальными являются проблемы, связанные с процессами формирования общепризнанных норм делового этикета. Исследование проводилось на примере порядка 50 новостных выпусков, характеризующих особенности делового этикета во временном пространстве России. На первом этапе анализировались новостные выпуски, характеризующие особенности делового этикета Союза Советских Социалистических Республик и современной России. Становление Российского делового или дипломатического этикета можно разделить на три этапа – это советское время, постсоветское и современный деловой этикет. Советский период становления делового этикета характеризуется непостоянством правил этикета, частым нарушением протокольных норм, нестандартным поведением и манерой вести себя навязчиво. Вообще советский период делового этикета характеризуется несоблюдением протокольных норм, раскрепощенным поведением представителей власти СССР и наличием многих дипломатических ошибок. На следующем этапе развития и становления делового этикета в постсоветское время ситуация постепенно меняется. Главы государств так же ведут себя раскрепощено, но при этом протокольный этикет был блестяще поставлен. Внешний вид отвечает нормам этикета, речь логически выстроена. Конечно не всё было идеально в дипломатическом протоколе того времени, однако следует отметить изменения к более стандартному деловому этикету, строгому выполнению этикетных норм. Деловой этикет современной России характеризуется стабилизацией протокольных норм. Как ведение переговоров, так и официальные встречи, интервью глав государств на данном этапе развития отличаются строгим выполнением протокола, речь представителей власти отвечает не только соблюдением норм политической корректности, воспитанности, но и характеризуется яркостью, специфичностью. На официальных и деловых встречах представители власти РФ чётко следуют нормам дипломатического протокола.

Итак, в ходе практического исследования определялись особенности культуры деловой речи, выявлялась специфика ведения деловых переговоров, официальных встреч и ведения деловой этики во временном пространстве совре-

менной России, начиная с советского периода. Российский деловой этикет имеет динамичный характер, он видоизменяется под влиянием контактов с различными лингвокультурами. На современном этапе развития российский деловой этикет стандартизируется, совершается меньше протокольных и дипломатических ошибок.

Цитируемая литература

Байбурин, А.К. У истоков этикета [Текст] / А. К.Байбурин, А. Л. Топорков. – М. : Наука, 1990. – 166 с.

Официальный сайт первого канала [Электронный ресурс]. – <http://www.1tv.ru>

Докт. филол. наук Г.В.Векшин (Москва)

ЯЗЫК ИДЕОЛОГИИ: ПРАГМАТИКА, СРЕДСТВА И ДЕТЕРМИНАНТЫ

Основу идеологического языкового мышления составляет стратегия отбора и комбинирования языковых единиц, обеспечивающая максимальную независимость знака от денотата, т.е. конкретного обозначаемого знаком фрагмента реальности. Идеология должна убеждать так, чтобы подчинять сознание не действительности, а воле (и произволу) говорящего. Для этого слово должно быть принципиально свободным от конкретно-номинативного употребления, в пределе – не означать во внеязыковом пространстве ничто. Ничто – и есть означаемое такого знака: «семантика знака в языке идеологии исчерпывается его прагматикой» (Гусейнов 2004, с. 28). Такой знак «функционирует при полном безразличии к собственному содержанию» (Бодрийяр 2000).

Идеология – «миф сегодня» (Р.Барт)¹.

Область паразитарно-манипулятивного мифотворчества, которую представляет собой сфера идеологии, – важнейший элемент современной коммуникативной действительности, один из универсальных типических социокультурных контекстов. Эта область локализуется в среде решения проблем социально-политического устройства и переустройства жизни людей и образует субъективный полюс реализации отношения к власти в единой рамке *социального* (социума, социально-коммуникативной практики), по отношению к которому другой полюс – объективный – представляет собой практика и среда служебно-правовых, официально-деловых отношений, рассматривающая социально-

¹ Ср.: «Рассматриваемая как момент в глобальном генеративном процессе, идеологическая организация представляет ценности, которыми она оперирует, в их абстрактной, или тематической, форме. Однако идеологический дискурс в любой момент способен приобрести большую или меньшую степень фигуративизации и превратиться таким образом в дискурс мифологический» (Греймас, Курте 1983)

политическую действительность не как подлежащую изменению, а как данность, предполагающую заведомое согласие и подчинение. В соответствии с этим, область политики и идеологии выступает в качестве сферы деятельности человека и коллектива, определяемой *субъективным* отношением к существующей системе власти и общественного устройства.

Когда текст называют политическим или идеологическим, за этим могут стоять по крайней мере 4 смысла:

- 1) текст употреблен в сфере политики и идеологии;
- 2) его элементы обозначают политические реалии и сообщают о них;
- 3) текст решает политические и идеологические задачи, служит орудием политики и идеологии и
- 4) его отдельные элементы несут на себе следы употребления в политико-идеологической сфере, политиками и идеологами.

Понятно, что все пункты, кроме 3-го, содержат указания, не строго детерминирующие текст как орудие коммуникации: в сфере политики могут употребляться, например, деловые тексты (а значит, первое положение относительно); политический текст может не говорить непосредственно о политике (под сомнение ставится второй пункт); политический текст может обходиться без языковых средств, напоминающих о сфере политики и о речи политика (быть «стилистически нейтральным»). Однако политический текст не может не быть нацелен на решение политических задач.

Предельной целью любого сообщения является влияние на сознание (идеи, понятия, ценностные ориентации) и поведение адресата, которое позволяет говорящему адаптироваться, утвердиться (строго говоря, выжить) в той или иной ситуации и среде. Эта стратегическая сверхцель, таким образом, двояка: изменить другого (внешнее) ради себя и измениться самому ради другого (внешнего).

Эта сверхцель должна учитываться, но, по сути своей, она малоинтересна, потому что неподвижна, постоянна. Поэтому для коммуникативных и лингвопрагматических исследований наиболее важно то, каким *путем* движется говорящий в достижении конечной сверхцели, что на конкретном шаге *опосредует* переход от средств к целям, т.е. от простейших средств к простейшим функциям и простейшим тактическим целям, достижение которых выступает средством по отношению к целям более принципиальным, достижение которых далее позволяет решить некие конкретные стратегические задачи, что уже в конечном итоге позволяет достичь известной нам сверхцели.

В процессе освоения человеком жизни (утверждения его в жизни) специфику этого *освоения* и *самоутверждения* определяет конкретная ситуация и, шире, среда жизни и общения. Среда социума, его административно-хозяйственного и организационно-политического устройства, – область, которая в составе современной культуры представляется едва ли не основной, отодвигающей на задний план бытовые и семейно-родовые отношения, с одной стороны, и прагматику «выживания в вечности» (религию и искусство) – с другой. Но это происходит потому, что физически современный человек прежде всего выживает благодаря обществу, и потому, что власть имущие заинтересо-

ваны в том, чтобы зависимость человека от социума, его политического устройства была максимальной.

Все это позволяет утверждать, что важнейшей функционально-прагматической характеристикой общения является та типическая (универсальная или специальная) *среда* общения и познания, в которой *укоренены стратегические цели* данного сообщения (т.е. цели, непосредственно обеспечивающие достижение сверхцели). Т.е., проще говоря, то, где и в чем человек пытается с помощью данного сообщения утвердиться, реализоваться, – и подсказывает выбор **основного предмета** функционального исследования речевой коммуникации и его направление в целом.

Теперь, если обратиться к проблеме: что же следует иметь в виду в первую очередь, когда мы употребляем условный и примерный термин «язык СМИ», – возникнет необходимость определить, как каждое из понятий: *язык, дискурс, жанр, стиль, текст* – соотносится со **стратегическим планированием коммуникативного процесса** в сфере политики и идеологии.

Текст окажется в этом ряду самым конкретным, но и самым «лукавым» предметом, поскольку реальное коммуникативное событие, воплощенное в тексте, может быть основано на взаимоподчинении разных тактик, в том числе и тактик языковой репрезентации типических социокультурных контекстов и речевых ролей. Иными словами, идеологический по своей целеустановке текст может говорить об искусстве, «прикидываться» научным и т.д.; целью научной диссертации может быть вовсе не научное познание, а повышение автора в должности; а целью стихотворения – достижение успеха в любовных отношениях. Любой ученый знает, что книга, на которой написано «научная монография», может вовсе не решать собственно научных проблем, а хороший писатель и внимательный читатель скоро разглядят за автором поэмы графомана, мечтающего о славе и общественном положении литератора.

Известно, что пропагандистский плакат очень любит говорить на языке «простого народа» или использовать элементы стиха – художественной речи:

Рис. 1. Е. Кругликова. *Женщина! Учись грамоте!* Плакат. Пг., 1923.

Рис. 2. Н. Валерианов. *Работницы и крестьянки, все на выборы.* Плакат. М., 1925.

Так, плакат на рис. 1 использует разговорно-просторечные формы (*маманя* вместо *мама*; в придаточном условном *была бы ты* вместо *если бы ты была*), но это не делает фразу репликой в разговорной речи, не вплетает данный текст в разговорно-бытовой дискурс. Важным сигналом в этом отношении является надпись вверху плаката, построенная по правилам пропагандистского лозунга (обобщенно-личное наименование в позиции обращения; императив во 2 л. ед.ч.), – воспринимаемая как центр сообщения, она указывает в нем и на подчиненность разговорно-бытового начала политико-идеологическому.

Плакат на рис. 2 построен примерно по тому же композиционному принципу: вверху его синтаксически двучастный пропагандистский лозунг-призыв, внизу – стилистически контрастирующая с ним надпись, но уже с использованием художественных средств – метризации ямбом, графической разбивки на стихи и полустихия, синекдохи *под красный стяг* (особенно заметной потому, что флагов на плакате много) и *в ряды с мужчиной* (притом что мужчин в рядах нет, а есть лишь теснимый ими буржуй, что выглядит несколько комично), поэтизма *стяг* вместо *флаг*, метонимии *буржуазии страх несем*. Эти художественные средства также не воспринимаются как указание на художественную стратегию данного текста, но подчинены общей установке вербально-визуального текста на политическую агитацию.

Таким образом, текст можно назвать **политическим** и **идеологическим**, если он, привлекая любые средства, прямо или косвенно подчиняет их решению политико-идеологических задач. Вопрос идеологии (и, в конечном итоге, всего, что за ней стоит, – языка СМИ, жанров публицистики, политического дискурса и т.п.) – это всегда вопрос власти.

Литература

Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1994. – С. 72-130.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Перевод Л.Любарской, Е.Марковской. – М.: Добросвет, 2000.

Векшин Г.В. Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое (о некоторых двусмысленностях в функциональной стилистике) // Жанры речи: Сб. научн. статей. – Саратов, 2009. – Вып. 6: Жанр и язык. – С.40-59.

Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика: Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983.

Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. – М.: Три квадрата, 2004. – 269 с.

ПРОДЛЁННЫЕ ЗВУКИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ НЕКАНОНИЧНОЙ ФОНЕТИКИ

Понятие неканоничной фонетики было предложено известным советским языковедом А.А.Реформатским [А.А. Реформатский 1966]. А.А. Реформатский, в свою очередь, во многом использовал незавершённую рукопись Н.В.Юшманова «Экстранормальная фонетика» [А.А. Реформатский 1966: 96].

По замыслу А.А. Реформатского, факты неканоничной фонетики могут быть распределены в следующие рубрики:

- 1) звуковые жесты (напр., *тьфу!*, *пфуй!* и т.д.);
- 2) междометия ([*дубо*] и др.);
- 3) звукоподражания¹;
- 4) звуки привлечения животных (*кыс-кыс!*);
- 5) звуки отвлечения животных (*брысь!*);
- 6) команды животным (*тпру!*);
- 7) сигналы, обращённые к людям (*цыц!*);
- 8) собственные имена с необычными звуковыми сочетаниями (*Кэт, Кынюшка, Мисюсь*);
- 9) «детские слова» в языке взрослых в обращении к детям (*пис-пис, а-а*);
- 10) элементы чужезычной фонетики (*Гётэ*);
- 11) *allegro*-вые остатки разговорной речи (*здрасьте!*);
- 12) заумь (игровая у детей или культовая в заговорах);
- 13) «фонации», т.е. сознательное использование звуковой материи языка в литературе;
- 14) любая звукопись, где бы она и для чего бы она ни использовалась [А.А. Реформатский 1966: 99-100].

Напомним, что продление звуков – это такое материально выраженное сегментное фоносемантическое средство, сущность которого заключается в увеличении – сверх обычного – длительности произнесения какого-либо звука. Например:

«С лица-то? Желтая. Глаза тусменныи, – небось не сладко на чужой сторонеушке. А ишо, бабоньки, ходит-то она... в Прокофьевых шароварах. – Ну-у?... – ахали бабы испуганно и дружно» [М.А.Шолохов 1981: 6].

Какие у нас есть основания считать, что продления звуков репрезентируют собой неканоничную фонетику? Таких оснований у нас несколько.

Как указывает А.А. Реформатский, круг неканоничной фонетики контролируется следующими параметрами: «1) имеет ли данный факт знаковое качество, 2) выступает ли он в коммуникативной, номинативной, семасиологиче-

¹ Цитируем А.А.Реформатского: «Интересное соображение приводит Н.В.Юшманов: "Русский и француз привыкли слышать [ku'ku] – ку-ку, соус; немец и англичанин привыкли к ['kuku] – kuckkuck, cuckoo, а кукушка кукует одинаково во всех странах и для всех народов, но не ['kuku] и не [ku'ku]"» [А.А. Реформатский 1966: 99].

ской, апеллятивной или экспрессивной функции и 3) обладает ли он фонетическими свойствами, т.е. производится ли он звукообразующими органами и доступен ли он слуховому восприятию» [А.А. Реформатский 1966: 96].

1) Обладают ли продлённые звуки знаковыми качествами? Поскольку продлённые звуки относятся к фоносемантическим средствам языка [А.В. Пузырёв 1995: 262, 268], а все фоносемантические средства обладают определёнными знаковыми качествами (об этом пишут: [А.П.Журавлёв 1974: 32; М.В.Никитин 1988: 7; В.П.Григорьев 1977: 202; Пузырёв 1995: 277]), постольку продлённые звуки тоже обладают определёнными знаковыми качествами.

Здесь необходимо уточнение следующего характера. Дело в том, что фоносемантические средства языка обладают размытой и нечёткой семантикой. А.П. Журавлёв, в частности, пишет, что «фонетическое значение не осознаётся носителем языка», оно «имеет признаковый характер». Тем не менее семантика у фоносемантических средств есть и может быть выявлена в специально поставленном эксперименте (что и было сделано, например, в известном исследовании А.П. Журавлёва).

2) Выступают ли продления звуков в коммуникативной, номинативной, семасиологической, апеллятивной или экспрессивной функции? Имеющийся материал позволяет ответить на этот вопрос положительно [Пузырёв 1995: 277, А.Д. Гимаева 2013].

3) Обладают ли продления звуков фонетическими свойствами? Бесспорно, да, поскольку продления звуков по своему характеру относятся к материально выраженным фоносемантическим средствам языка (к материально не выраженным фоносемантическим средствам языка, как известно, относится пауза).

Таким образом, у нас есть все основания относить продления звуков к одному из видов неканоничной фонетики.

Цитируемая литература

Гимаева А.Д. Прагматика продления звуков в художественном тексте // Материалы X Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике (Москва, 26-29 июня 2013 г.). М.: РУДН; Ин-т языкознания РАН, 2013. С. 259-260.

Журавлёв А.П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 160 с.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с. – (Б-ка филолога).

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Реформатский А.А. Неканоничная фонетика // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 96-109.

Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман в четырёх книгах. Книги первая и вторая. – Л.: Лениздат, 1981. – 672 с. – («Библиотека Лениздата»).

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНАФОНИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ ДЛЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

На протяжении нескольких десятилетий в лингвистике все чаще затрагивается проблема анафонических феноменов. Ученые обращают внимание на такие аспекты данного языкового явления, как виды анафонии, критерии доказательств факта существования различных типов подобных структур, возможность передачи анафонических феноменов с одного языка на другой и т.д. [см.: Фоносемантические исследования 1990, Фоносемантика и прагматика 1993, Проблемы изучения анаграмм 1995, Вяч.Вс.Иванов 1977, В.С.Баевский и А.Д.Кошелев 1979, В.Н.Топоров 1987, Л.Н.Кучерова 1993, А.В.Пузырёв 1995, Л.Н.Живаева 2001, М.Г.Луннова 2004, Ю.В.Рубайло 2008, 2012]. Однако, из поля зрения лингвистов выпал вопрос значения исследования анафонических структур для теории языка. Рассмотрению этого вопроса и посвящена настоящая статья.

Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что изучение анафонических структур может дать богатый материал тем, кто занимается вопросами соотношения языка и речи, языка и мышления. Данные проблемы рассматривались в рамках многих наук, включая философию, лингвистику, психологию и психолингвистику. Если говорить о соотношении языка и речи, важно учитывать, что, в отличие от речи, язык идеален, абстрактен. Его невозможно наблюдать непосредственно. Что же касается речи, то она материальна и существует в виде конкретных текстов и высказываний. Так, в ходе нашей работы в качестве материала исследования используются стихотворные тексты французских авторов XIX-XX веков. В процессе подробного анализа отобранных произведений на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях появляется возможность выйти с уровня речи на более высокую ступень – уровень языка. В своем исследовании мы отталкиваемся от того, что язык и речь соотносятся как общее и особенное, сущность и явление [А.В.Пузырёв 2010: 21-23]. Данный подход позволяет выявить языковые характеристики анафонических феноменов на конкретном текстовом материале.

Рассматривая второй аспект – соотношение языка и мышления, стоит затрагивать два момента. Первый – влияние мышления на язык и речь человека. Тут важно рассмотреть психологические предпосылки тех или иных языковых явлений, в нашем случае – звуковых повторов, связь данных явлений с деятельностными аспектами художественного мышления и др. Второй момент – влияние языка на мышление. В случае анафонических структур к данному кругу вопросов относится прагматика звуковых повторов, их влияние на мыслительный процесс и пр. Таким образом, становится очевидным, что изучение анафонии открывает перед нами новые грани важных лингвистических вопросов и позволяет получить более детализированные знания и представления о таких проблемах, как соотношение языка и речи, языка и мышления.

Анафонические феномены представляют научный интерес для лингвистов, к чьей области исследования относятся вопросы функций языка, поскольку на

примере анафонии становится возможным более подробно рассмотреть основные языковые функции – эмотивную, воздействующую (экспрессивную), гносеологическую, эстетическую, а также функции специфические – выделительную, организующую и защитную.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что исследование заявленной проблемы может внести существенный вклад в развитие общей (синтагматической) фонетики, потому что анафонические структуры в широком смысле представляют собой не что иное, как звуковые повторы к определенному слову-теме. Наличие данного языкового явления в тексте подтверждается, во-первых, присутствием опорного либо ключевого слова/элемента, а во-вторых, тем фактом, что звуки этого слова/элемента превышают речевой фон, то есть обычную частотность звуков. Вполне естественно, что значительная часть нашей работы в сфере анафонических феноменов строится на применении принципов фонетической транскрипции. В результате, наблюдения за анаграммами и анафоническими структурами, выявление обычной частотности звуков в стихотворной речи разных языков предоставляют огромный и очень интересный материал, способный сделать новые наблюдения как в сфере общей фонетики, так и во всей теории языка.

Новые, разноплановые данные могут дать исследования в области анафонических структур для семантики. Согласно Ю.Д.Апресяну, семантика на современном этапе развития лингвистики занимает особое место, поскольку язык является средством общения, кодирования, декодирования определённой информации [см. Ю.Д.Апресян 1995]. Более подробно остановимся на соотношении семантики с традиционными лингвистическими дисциплинами, в частности фонологией, так как общеизвестно, что анафонические структуры представляют собой важнейшее фоносемантическое средство языка. Ввиду того, что наше исследование проводится на материале стихотворной речи, большую роль играет вопрос означающего и означаемого, ведь в поэзии содержание и форма, под которой подразумевается звукопись, рифма и ритм, взаимосвязаны. Они выражают разные, но неразрывно связанные аспекты одного и того же предмета. Именно благодаря взаимосвязи значения и звука достигается прагматическая насыщенность стихотворных текстов, ср.: «Связь между означающим и означаемым, существующая на всех уровнях языка, приобретает особенное значение в стихотворном тексте...», в результате образуется «сложное и неделимое единство, где всё значимо, взаимосвязано, обратимо, пронизано соответствиями» [Р.О.Якобсон 1987: 81].

Соотношение семантики и прагматики – это еще один важный аспект изучения анафонических феноменов, которые называют и фоносемантическими, и фонопрагматическими структурами [см. А.В.Пузырев 1995: 276-290]. Безусловно, проблема такого языкового явления, как анафония, тесно связана с вопросом смысла высказывания, его компонентов. Лингвисты выделяют не только эксплицитную и имплицитную информацию, но и прагматическую, то есть связанную с образными, эмоциональными и прочими элементами информации, а также неязыковую информацию – ситуативную, которая имеет отношение к конкретной речевой ситуации и опыту говорящего, адресата [Н.А.Трофимова

2009]. Очевидно, что на примере анафонии в стихотворных текстах можно рассмотреть связь всех этих компонентов.

Ввиду всего вышесказанного, мы не без основания полагаем, что проблемы анафонии становятся принципиально важными с точки зрения перевода стихотворных текстов с одного языка на другой. Поскольку анафонические феномены имеют большой прагматический потенциал и оказывают непосредственное влияние на интерпретацию семантики текста, то в процессе перевода этому языковому явлению следует уделять особое внимание. Более того, недооценка формы чревата потерей средств выразительности и эмоционально-психологического воздействия на читателя.

Рассмотрение анафонии может сделать существенный вклад в изучение синтаксиса. Так, основные синтаксические единицы – слово, словосочетание, предложение и сверхфразовое единство, выступая в качестве ключевых элементов, представляют собой обязательное условие наличия анафонии в тексте. Интересным нам представляется вопрос предложения как максимальной синтаксической единицы, поскольку согласно результатам проведенного нами исследования, именно ключевой элемент, выраженный предложением, озвучивается в стихотворных произведениях чаще всего. Вполне естественно, что рассмотрение затронутой проблемы на более широком языковом материале может быть полезным для лингвистов, занимающихся вопросами синтаксиса.

Пристальное внимание к анаграммам и анафонии имеет непосредственное значение для психолингвистики. При рассмотрении любых языковых и неязыковых феноменов ученый обращается к их возможным предпосылкам, поскольку чтобы понять какое-либо явление, нужно, прежде всего, определить, каковы причины его возникновения. У анафонических структур имеются психофизиологические и психологические предпосылки, к каковым относят: объем оперативной памяти, функциональную асимметрию мозга, особенности раздражительного и тормозного процессов, синестезию, доминанту А.А. Ухтомского, «ловушки возбуждения» Р. Лоренте де Но, разные виды мышления, установку как основание для конструирования реальности художественной литературы, сознательное/ бессознательное психическое, фундаментальную человеческую потребность извлекать смысл из окружающего мира, бисексуальность и др. [см. А.В.Пузырев 1995: 48-68].

Если детально присмотреться к представленной проблеме, то нетрудно убедиться, что ее анализ может дать новый материал по вопросу учения о доминанте А.А.Ухтомского: «наши доминанты и наше поведение стоят между нашими мыслями и действительностью» [В.П. Белянин 2000: 55]. Таким образом, любой текст, в том числе стихотворный, представляет собой личностную интерпретацию действительности. Следовательно, поэт посредством различных языковых элементов, наполненных для него «личностным смыслом» «описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны». Ввиду этого в поле зрения ученых попадают идиостилевые аспекты анафонии, в том числе факторы, которые предрасполагают того или иного поэта к использованию в своих произведениях звуковых повторов, а также ассоциативных доминант. Выдвигаемые в ходе

изучения анаграмм и анафонии гипотезы, включая предположение о том, что стихотворные произведения, построенные по анафоническому принципу, обладают бóльшей выразительностью и бóльшим прагматическим потенциалом, в сравнении со стихами, не содержащими ярко выраженных анафонических структур, могут быть проверены посредством психолингвистического эксперимента. Все это подтверждает особое значение изучения анафонических феноменов для психолингвистики как научной дисциплины.

Такое многогранное языковое явление, как анафония, способно обогатить представления ученых о современной социолингвистике. Рассуждая об анафонических структурах в свете основных социолингвистических понятий, проблем вариативности языка и ее связи с социальной вариативностью, мы говорим о том, что художественный текст, особенно стихотворный, принципиально открыт для множественной интерпретации, в нём тот или иной персонаж либо событие может оцениваться разными читателями «несходным, а иногда и прямо противоположным образом» [Н.В.Перцов 2000: 55]. Объяснением этому, помимо индивидуальных психологических особенностей реципиентов, уровня их образованности и фоновых знаний [см. А.А.Брудный 1975; Н.А.Рубакин 1977; З.Я.Тураева 1986; В.П.Белянин 1988], может служить национально-историческая система культурных ценностей носителей, другими словами, социально-исторические предпосылки [см. И.Ю.Марковина 1982; С.С.Гусев, Г.Л.Тулчинский 1985; Ю.А.Сорокин 1985; Данилова Е.В. 2001; Н.А.Шехтман 2002; И.А.Стернин, З.Д.Попова, М.А.Стернина 2004; Тер-Минасова С.Г. 2004, 2007; Э. Геннекен 2011].

В ходе анализа анафонии на уровне общения рассматриваются социокультурные факторы данного языкового феномена. И исследователи приходят к выводу, что, безусловно, общественные явления оказывают влияние на фоносемантические средства языка и на их использование в обществе. [А.В.Пузырёв 1995: 297-303]. Ввиду этого мы имеем все основания утверждать, что накопление новых данных об анафонических структурах может дать ученым интересный социолингвистический материал.

Думается, что сказанного здесь вполне достаточно, чтобы понять, что рассмотрение анафонических структур является одним из интереснейших направлений теоретической лингвистики. Многоаспектное изучение данного феномена может представлять интерес для общей фонетики, семантики, синтаксиса, психолингвистики, социолингвистики и иных областей знаний, в рамках которых рассматриваются вопросы теории языка.

Список литературы

Пузырёв А.В. Прологомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен: учеб. пособие к курсам «Соц. психология», «Теория и практика массовой информации», «Психология массовой коммуникации», «Психология журналистики» / А. В. Пузырёв. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – 123 с.

Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова// Избранные труды. – Т. 2. – М.: Вост. лит. РАН, 1995.

Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы. – Москва: Прогресс, 1987. – 464 с.

Трофимова, Н.А. Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения (монография) / Н. А. Трофимова. – СПб. : ИВЭСЭП, 2009. – 120 с.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) / В. П. Белянин. – М. : Тривола. – 2000. – 248 с.

Перцов Н.В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. – 2000. – №3. – С. 55-82.

М.В.Маравина, студентки В.В.Сафронова, Е.В.Чанаева (Ульяновск)
ВНЕШНИЙ ВИД КАК НЕВЕРБАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

«По внешнему виду не судят только самые непроницаемые люди».

О. Уайльд

В категорию «невербальные средства коммуникации» входит всё, что связано с внешним обликом человека, т.е. физический облик, костюм и экспрессивно-импрессивные движения человека. В данной статье обратимся к «социальному оформлению внешности» или «костюму», который включает в себя не только одежду, но и причёску, обувь, украшения, различные аксессуары.

Г.Е. Крейдлин в своей монографии «Невербальная семиотика» для изучения языка украшений и одежды выделяет особую область невербальной семиотики – «системологию» [Крейдлин 2002].

Идеи о взаимосвязи внешнего (физического) и внутреннего (психического) зародились ещё в античности (Аристотель).

В своей широко известной работе «Функции национального костюма в Моравской Словакии» П.Г. Богатырёв определил семиотические функции одежды как одной из важнейших подсистем предметного кода культуры, показал широкий круг её значений и функций. Одежда служит маркером пола, возраста, семейного, социального, сословного, имущественного положения, этнической, региональной, конфессиональной принадлежности, рода занятий человека, его ритуальных ролей [Богатырёв 1971; Толстая 2005].

Костюм как знак невербального языка обладает самостоятельным значением, но динамика телесных проявлений привносит дополнительные смыслы. Например, танцевальные приёмы движения юбки в цыганских или испанских танцах, или знаковые манипуляции, совершаемые эфиопами с тогой.

Символизмом также обладает цвет костюма. Например, яркие цвета (как и украшения) не допускались в одежде старых людей, вышедших из репродуктивного возраста, в убранстве вдов. В китайской культуре, в частности в классическом китайском театре, возраст, социальное положение человека, вид деятельности, его физическое или психическое состояние передавались на сцене

сложной комбинацией типа костюма, покроя, цвета. Старые герои одеты в тёмную, тёмно-коричневую или чёрную одежду, а молодые – в светлую, чаще белую [Богатырёв 1971; Толстая 2005; Крейдлин 2002].

Костюм (в т.ч. причёска, аксессуары, косметика) остаётся показателем половозрастной и статусно-ролевой идентификации человека. Язык костюма многое сообщает о человеке: самооценку личности, отношение субъекта к костюму, его отношение и степень зависимости от социума, уровень притязаний субъекта. Этим обусловлено существование такого многообразия требований к одежде и элементам костюма.

В коммуникации посредством костюма реализуются три основные функции общения. Костюм сообщает о состоянии владельца, его настроении, характере, отношении (аффективно-коммуникативная функция). «Костюм, сообщая определённую информацию о человеке, которому принадлежит, способен воздействовать на других людей, провоцируя их на разного рода действия или, наоборот, сдерживая от каких-либо поступков». В подобных ситуациях проявляется регуляторно-коммуникативная и информационно-коммуникативная функции. Можно заметить, что в отдельных типах одежды почти всегда преобладает одна из функций [Григорьянц 2006].

Литература

Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М.: Искусство, 1971. – 544 с.

Григорьянц Т.А. Невербальный язык – важнейшая составляющая коммуникаций // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2006. – № 11. – С. 338-345.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

Толстая С.М. Символический язык одежды // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. мат-лов науч. конф. – М., 2005. – Вып. 8. – С. 42–53.

Аспирант П.А. Морозова (Москва)

ПРОБЛЕМА ЯСНОСТИ И ТОЧНОСТИ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ НАЧИНАЮЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ: АТМОСФЕРА

Важнейшим критерием речевого отбора и оценки речевых предпочтений в тексте является критерий ясности и точности высказывания. Исследование стилистического мышления журналиста в этом плане позволяет выявить как принципиальные тактики и приемы создания публицистического (идеологически ориентированного) текста, так и существенные стилистические сбои в коммуникативной практике журналистов.

В стилистическом аспекте несомненный интерес представляет жанр репортажа: репортер, будучи «поставщиком фактов» для СМИ, призван обеспечить идеологическое воздействие текста – в первую очередь путем маневриро-

вания между «желательными» и «нежелательными» фактами, последние из которых требуют вуалирования, отодвигания на второй план, а то и принципиального умолчания. Факт может быть передан или максимально конкретно, емко, с использованием провоцирующих эмоцию деталей, или, наоборот, обобщенно, отвлеченно-риторически с акцентом на концептуальные идеологически оценочные элементы.

В первом случае репортер, в частности, стремится избегать скопления абстрактных существительных, детализируя представляемую картину, предпочитает работать с конкретными значениями. Во втором случае, когда ясность текста сознательно снижается за счет скопления носителей абстрактной семантики, наиболее очевидно проявление манипулятивной техники. Для создания искусственной неясности, затушевывания нежелательных фактов используются слова, обозначающие «отвлеченные понятия ментального мира» (*прогресс, плюрализм, свобода, толерантность* и т.п.), относящиеся к миру идей [А.А.Данилова 2009: 103]. К ним относятся «абстрактные денотативно свободные слова – лексические единицы, внутренняя форма которых значительно отделилась от прямого номинативного значения, а доминирующим значением стало эмоционально-оценочное» [А.А.Данилова 2009: 103]. Например: *Мое поколение никогда ни за что не отвечало. Советский Союз многие из нас не помнят. Он остался смутной картинкой детства. Мы уже выросли в другое время, которое таило много соблазнов, но было не так уж богато возможностями. Мы работали, но мало кто из нас смог сделать что-то серьезное, выдающееся. У нас были трудности, но не было идеалов. У многих сложились взгляды, но мало у кого сформировались убеждения. Но самым поразительным оказалось то, что у большинства из нас не оказалось чувства стыда* (Владимир Громов, «Бесстыдство» // Сноб, 22.03.2014). При явной их оценочности, избранные лексические средства с абстрактной семантикой (*соблазны, идеалы, взгляды, убеждения*) отнюдь не способствуют отражению объективной реальности, а, скорее, служат для возбуждения рефлекторных, безотчетных реакций, характерных для действия «толпы».

Такого рода тактики в журналистском тексте, как кажется, идут вразрез с общей тенденцией современного языкового сознания к усилению конкретности в семантике лексических единиц. В частности, Л.В. Калинина, исследуя пересечения лексико-грамматических категорий существительных, сделала вывод о том, что конкретизация, т.е. переход абстрактных, вещественных и собирательных существительных в категорию конкретных, стала «центральной направленностью лексико-грамматических пересечений» последних пяти лет. Перечисляя факторы, которыми обусловлена конкретизация, она выделяет в особую группу психологические и социальные: «Все абстрактное оценивается человеком как нечто, не имеющее определенного содержания, слишком расплывчатое, не имеющее отношения к настоящей, реальной жизни», тогда как «все конкретное и реальное в наши дни чрезвычайно востребовано и оценивается говорящими положительно» [Л.В.Калинина 2009: 196, 199].

Для речевого жанра публицистического репортажа характерна особая напряженность взаимодействия и борьбы абстрактного и конкретного. Репор-

таж – это фабульный жанр, «рассказ очевидца», однако нечто большее, чем простое описание событий [А.В.Колесниченко 2010: 49]. Для репортажа важно представить факты как прочувствованные, пережитые и побудить читателя ощутить себя на месте автора. «Если журналист не имеет возможности лично наблюдать событие, тогда лучше отказаться от подготовки репортажа и написать о событии новостную заметку, при которой без присутствия на месте события можно обойтись» [А.В.Колесниченко 2010: 51]. В коммуникативной ситуации, с которой сталкивается репортер, необходимо вести рассказ о социально значимых событиях, явлениях и персонажах для того, чтобы вызвать эмоциональную и идеологически ориентированную оценку со стороны читателя. Важнейшая коммуникативная задача репортера заключается в том, чтобы с помощью соответствующих речевых средств максимально четко обозначить свою позицию как позицию непосредственного наблюдателя. Его стилистическая задача – реализовать свой статус очевидца на уровне языка, создать эффект погружения читателя в описываемые события и среду, который путем умелого отбора фактов позволяет направить эмоциональное переживание в идеологически заданное русло. В результате репортаж оказывается тем речевым жанром, который в наибольшей степени актуализирует значимость семантической категории эвиденциальности, которая обеспечивается в русской речи грамматическими и лексическими средствами.

Существенно, что тактика «эвиденциализации» событий может выражаться не только в усиленном использовании речевых средств – носителей конкретной семантики, но требует и использования характерных абстрактных существительных, особенно, если у журналиста недостает способности отыскать характерную деталь, служащую эвиденциализирующим репрезентантом факта или события. Эта особенность языка публицистического репортажа заметно проявляется в стилистическом мышлении начинающих журналистов, стремящихся глазами очевидца охватить целое, минуя детали, которые они еще не научились различать.

В этой связи чрезвычайно показательной, жанрово маркированной для репортажа, лексемой оказывается слово *атмосфера*. Как средство эвиденциализации обстановки оно призвано одним словом описать нечто трудноуловимое, нематериальное, но передающее то, что прочувствовал и непосредственно заметил автор. Это слово является высокочастотным в жанре репортажа вне зависимости от уровня профессионализма автора. Вместе с тем в речи начинающих журналистов оно используется как речевой штамп, позволяющий не столько эвиденциализировать описываемое, сколько избежать конкретности в их представлении.

Приведем несколько примеров из репортажей начинающих журналистов.

Особое место в воспоминаниях об этой поездке занимает история Царскосельского лицея. Экскурсовод тепло и внимательно поведала нам о судьбе лицея и его великих выпускниках. После ее рассказа мы поняли, почему Пушкин стал тем, кем стал. Ведь в лицее создавалась и поддерживалась атмосфера взаимоуважения, каждый ученик воспринимался как личность, преподавателями поддерживались все стремления и увлечения учеников, в независимости

от чина родителей, все ученики были равны между собой в своих человеческих правах (отрывок из текста студентки 2 курса; орфография и пунктуация сохранены).

Заметим, что многие лексико-семантические варианты в этом отрывке тяготеют в абстрактности: *история, судьба, атмосфера, стремления, увлечения, права*. Концентрация в тексте слов с неопределенной семантикой не способствует мобилизации внимания читателя и производит впечатление праздных и пустых рассуждений.

Приведу еще несколько примеров из текстов, которые в течение последних двух лет поступали в редакцию корпоративных СМИ МГУП имени Ивана Федорова:

Студенты приобрели огромный опыт, в том числе и жизненный. Все старались найти подход друг к другу, чтобы сохранить дружескую атмосферу (студентка 1 курса Института издательского дела и журналистики).

Благодушная атмосфера, «звездные» лица, любимые книги и даже подарки - все это только поднимает настроение на несколько пунктов (студентка 4 курса Института издательского дела и журналистики).

Но, несмотря на всю жестокость испытаний, свалившихся на игроков, атмосфера в игре царяла поистине семейная, теплая и ламповая (студент 5 курса Института коммуникаций и медиабизнеса).

Генризм¹ «атмосфера» практически незаменим, когда требуется односложное описание сиюминутного настроения и окружающей обстановки, обобщение впечатлений о свете, цвете, погоде, эмоциях окружающих, их действиях и внешнем виде. Синонимами этого средства могут выступать слова обстановка, среда, настроение, дух, а также аура, которые, однако, не обозначают картины во всей ее полноте, а также часто приносят нежелательные коннотации (например, апеллируют к эзотерическому знанию при использовании слова аура): *Музейная аура отсылает его к конструктивизму, Родченко и одновременно к новым медиатехнологиям, которые могут опереться на традиции отечественного искусства* (Федор Астафьев, «Мультимедийное искусство» // РБК Daily, 12.10.2010); *Путин по характеру, по натуре — образованный буржуа, представитель среднего класса. И этот буржуа, этот король-мещанин сумел окружить себя ослепительной аурой лидерства* (Глеб Павловский, «Россия обращена к миру его лицом» // Труд-7, 26.03.2010); *Может, дело в ауре власти, доставшейся в наследство. Ауру, как известно, создают люди, атрибуты, традиции* (Елена Федяшева, «Девиз бюрократов: сделал пакость коллеге — день прожил не зря» // Комсомольская правда, 23.03.2010).

Если мы обратимся к текстам еженедельного общественно-политического журнала «Русский репортер», станет очевидно, что профессиональные журналисты стараются не злоупотреблять удобным словом *атмосфера*, тем не менее не отказываясь от него. Слово атмосфера является положительно оценочным,

¹ Термин *генризм* в значении языкового элемента — носителя жанрового компонента стилистической окраски (жанрово маркированной языковой единицы) предложен Г.В. Векшиным

оно маркировано как одобрительное и торжественное: модальность желательности соединяется в нем с модальностью важности. В норме, недопустимы сочетания *царила гнусная атмосфера* или *разговор проходил в атмосфере склоки*. Однако, следуя принципу, сформулированному главным редактором издания Виталием Лейбиным во время мастер-класса в Центральном доме журналиста в декабре 2013 года: быть банальным и смелым одновременно, репортеры используют для создания семантического конфликта и не боятся сочетаний слова *атмосфера* с носителями отрицательной семантики: *атмосфера вялотекущего застоя* (Евгений Гусятинский // Русский репортер, 2.05. 2012); *атмосфера суматошной столицы* (Наталья Зайцева // Русский репортер, 29.05. 2012); *атмосфера нервного веселья* (Шура Буртин, «Восстание пингвинов» // Русский репортер, 18.06.2013); *Если раньше революция ощущалась только в центре, то теперь она по всему городу: половина магазинов не работает, деньги обменять невозможно, метро не ходит. Атмосфера наэлектризована, в переполненном автобусе люди орут друг на друга* (Юлия Вишневецкая, «Звуки «мы» // Русский репортер, 27.02.2014); *Счастливая и дружелюбная атмосфера совершенно не вяжется с новостями, которые доходят из Азербайджана: оппозиция зачищена, независимые журналисты сидят, диссидентов убивают в тюрьмах, молодым активистам подкидывают наркотики и лупят в застенках* (Шура Буртин, «Топором и пером» // Русский репортер, 12.11.2013); *В музыкальной школе вообще разительный контраст формы и содержания. Здесь вечная атмосфера свободного творчества, здесь сложились уже целые ученические династии, дети со взрослыми почти на равных. При этом снаружи школа больше похожа на обстрелянный военный лазарет: даже «отуалетиться» педагогам удалось лишь четыре года назад — до этого долгие годы санузел представлял собой обычное ведро с ручкой* (Дмитрий Соколов-Митрич, «Концерт для пустоты с оркестром» // Русский репортер, 20.03.2013).

Архив «Русского репортера» с 2007 года доступен на официальном сайте. В результате поиска по его материалам генризм *атмосфера* был обнаружен в 351 тексте.

Таким образом, для речевой техники опытных журналистов характерно умеренное использование абстрактного существительного *атмосфера*, а также его включение в оценочно-контрастные словосочетания: опытный журналист избегает штампов, умеет находить «говорящие» детали, таким образом выполняя задачу эвиденциализации факта или события, необходимую для жанра репортажа. Начинающие репортеры, напротив, используют лексику *атмосфера* некритично: в их речи указание на атмосферу становится или средством выражения «благостной», бесконфликтной оценки обстановки, а также используется автоматически — как речевой штамп, позволяющий избежать указания на существенные детали как репрезентанты ситуации в целом.

Вообще, речь начинающего журналиста пестрит абстрактными существительными, что приводит к коммуникативным сбоям, особенно заметным в жанре репортажа. Скопление такого рода лексических средств подчас производит удручающее впечатление и требует серьезного внимания со стороны редактора СМИ.

Цитируемая литература

Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: Добросвет, Издательство "КДУ", 2009.

Калинина, Л.В. Лексико-грамматические разряды имен существительных как пересекающиеся классы слов: когнитивно-семасиологический анализ : монография / Л.В. Калинина. – Киров : Вятский ГГУ, 2009.

Колесниченко А.В. Практическая журналистика: Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2010. – С. 49.

Канд. филол. наук С.В. Начёрная (Воронеж)

«ОБЩИЕ МЕСТА» ИЛИ ТОПИКА: УЧЕНИЕ О НАХОЖДЕНИИ АРГУМЕНТОВ

С античных времен топику рассматривали как искусство правильно заданных вопросов, «техника топоса – это техника «задавать вопросы» [Клюев 1999: 43]. Отвечать на хорошие вопросы намного проще, чем самому их задавать. В классической риторике «топика» считалась техникой порождения мыслей для разрешения возникающей проблемы. Топика как бы искала подходы для решения той или иной проблемы и обосновывала их.

В настоящее время в риторике обращается большое внимание на топику. Любая деятельность, в том числе и риторическая, имеет потребностно-мотивационную сферу. Целеполагание при речепроизводстве определяет полноценность деятельности. Цель – это результат выступления, реализуемый через систему задач. Необходимо также осмыслить и подобрать способы, приемы и средства аргументации, языковые средства выражения идеи.

Аристотель первым попытался рассмотреть научное содержание риторики, выявить основные пункты составления речей. Именно топы являются стержнем составления высказывания. Следовательно, изучение характера применения топосов очень важно, так как, используя топосы, человек тренируется, готовясь к речевой практике. Аристотель полагал, что топос необходим, чтобы определить «относительно скольких и каких предметов приводятся доводы, из чего они состояются, и как мы все это находим» [Аристотель 1978: 349-351].

Другими словами, топ – это «учение о нахождении аргументов», а найденные подобным образом аргументы дают возможность рассмотреть всесторонне любую проблему. Топика полезна, потому что с ее помощью «легче будет замечать в каждом отдельном случае истинное и ложное, когда возможно сомнение в правильности той, или другой стороны» [Аристотель 1978: 35].

Топический метод для Аристотеля является диалектическим, потому что диалектическое рассуждение ведется по «общим местам». Топы определяются как посылки, одинаково общие всем предметам.

Как полагает В.Н. Маров, система топосов – это ядро аргументации в ораторском выступлении, которая не сводится лишь к чисто логическим доводам, так как «все дело риторики направлено к возбуждению того или другого мнения» [Маров 1996:22].

Большинство современных исследователей одобряют эффективность топика для создания текста, определяя ее как источник распространения замысла, как каркас для будущего текста, как структурно-смысловые модели, с помощью которых конструируется текст. Общие места предполагают предварительную работу с материалом. Их необходимо рассматривать как хорошие примеры, которым нужно подражать, это так называемый ориентир, на который нужно направить речевую ситуацию и затем подготовить индивидуальную речь.

А.А. Волков, рассматривая концепцию общих мест в контексте теории риторической аргументации, отмечает, что «факт согласия между говорящим и слушающим основан на топосе. Топосы представляют собой общие посылки, часто подразумеваемые, которые включаются в обоснование большей части предпочтений и выборов» [Волков 1987: 55].

Известно, что каталог «общих мест», создаваемый с античных времен до нашей эпохи, считается многократно опробованным, и его использование приводит к желаемому результату, так как именно топы являются стержнем составления высказывания.

Таким образом, автор речи имеет отличную возможность опираться на «общие места» при создании текста, а читатель лучше воспринимает новое.

Цитируемая литература

Аристотель. Риторика // Античные риторика / Под ред. А.А. Тахо – Годи. М.: МГУ, 1978. 352 с.

Волков А.А. Неориторика Брюссельской школы // Неориторика. Генезис. Проблемы. М., 1987. С. 45-69.

Клюев Е.В. Риторика: Инвенция. Диспозиция. Элокуция // Уч. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 1999. 173 с.

Маров В.Н. Похвальное слово "общим местам" // Риторика, специализированный проблемный журнал: Лабиринт, М., 1996. № 1 (3). С. 5-22.

Аспирант Э.Г. Никитина (Уфа)

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКОДОВО-ПОЛИМОДАЛЬНОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИЗИОННОГО СПОРТИВНОГО РЕПОРТАЖА)

В данной публикации рассматриваются невербальные речевые приемы речевого воздействия в таких поликодово-полимодалных текстах как телевизионный спортивный репортаж. Полученные данные помогут в построении модели речевого воздействия телевизионного спортивного репортажа на зрителей.

Прежде всего, необходимо определить, особенности речевого воздействия, при этом под речевым воздействием мы понимаем речевое общение в системе средств массовой информации. При речевом воздействии происходит трансформация личностных смыслов реципиента. Как отмечает А.А. Леонтьев, процесс трансформации возможен при помощи способов речевого воздействия информирования и убеждения [А.А. Леонтьев 2008].

Поскольку одной из целей спортивного репортажа является подача информации о событиях, происходящих в мире спорта, то мы предполагаем, что в телевизионном спортивном репортаже трансформация личностных смыслов реципиента осуществляется при помощи информирования. По А.А. Леонтьеву информирование происходит при введении в поле значений реципиента новых значений или осуществляется изменением поля значений реципиента без ввода новых элементов [А.А.Леонтьев 2008].

В свою очередь информирование возможно за счет приемов речевого воздействия: вербальных и невербальных [И.А.Стернин 2001]. Проанализировав исследования по речевому воздействию, мы пришли к выводу, что к приемам речевого воздействия также возможно отнести характеристики личности корреспондента и интервьюируемых, а также некоторые характеристики видеоряда.

Проведя экспериментальное исследование, целью которого было выявление эффективных приемов речевого воздействия в телевизионных спортивных репортажах башкирского телевидения (подробно эксперимент описан в [Э.Г.Никитина 2011]), мы обнаружили, что на итоговую зрительскую оценку репортажа, прежде всего, повлияла характеристика, вошедшая в группу «Невербальные речевые характеристики корреспондента» – качество речи корреспондента (наличие или отсутствие дефектов).

Таким образом, мы предположили, что в таком поликодово-полиmodalном тексте, как телевизионный спортивный репортаж, трансформация личностных смыслов реципиента, возможно, происходит посредством невербальных речевых приемов, а именно, за счет качества речи. Полученная информация поможет нам в создании модели речевого воздействия телевизионного спортивного репортажа на зрителей.

Литература

Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык средств массовой информации. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 146-169.

Никитина Э.Г. Экспериментальное исследование восприятия телевизионных спортивных репортажей // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011, № 4. – С. 72-76.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Кварта, 2001. – 252 с.

Студ. Ю.А. Папенина (Ульяновск)

РОЛЬ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ИГРЕ АКТЁРА

Язык тела, или кинесика, изучается довольно молодой наукой – невербальной семиотикой. Однако, кинесика не охватывает художественный язык тела (театральные жесты), хотя его изучение невозможно без знания языка жестов. Художественная пластика тела основывается на изобразительной функции жестового языка. В театре телесность актёра представляет собой природный пластичный материал для создания художественного образа.

Рождение кино восходит к немой эпохе (времени черно-белых фильмов без синхронно записанного звука). Вся сюжетная линия тогда передавалась при помощи жестов и телодвижений. Именно немое кино сформировало основу современного кинематографа, и как раз в то время кинорежиссеры осознали всю значимость каждого движения героев во время фильма.

Немое кино целиком и полностью зависело от мимики и телодвижений. Они передавали суть сюжета и некоторые его детали. Современному зрителю кажется, что движения актеров немых фильмов нарочиты и неестественны и поэтому выглядят нелепо. Но это существенная часть языка фильмов немой эпохи. При отсутствии диалогов движения должны были быть экспрессивнее, чем в реальной жизни. Большие улыбки, большие брови, изменения выражения лица и эмоций показывались крупным планом.

Язык тела актера играл решающую роль при передаче зрителям информации о своем герое. Он позволял лучше понять, что они чувствовали.

Без диалогов безупречность каждого движения была первостепенной важности. Любая заминка в языке тела героев могла погубить весь сюжет. Неверный жест мог вызвать неверные мысли и, следовательно, путаницу в головах зрителей. Неуместный жест мог испортить всю успешно проделанную работу. Именно поэтому кинорежиссеры прошлого заставляли актеров репетировать все до мелочей перед тем, как выступить перед камерой.

Сложность языка тела и выражений лица во многом зависела от режиссера и способностей актеров.

Другая интересующая нас черта немого кино – это музыка. Так как в то время не было возможности что-либо записать, все немые фильмы сопровождались живой музыкой (в основном это были пианисты, органисты или даже целые оркестры). Это помогало задать настроение, тему, время и место действия истории. В некоторых фильмах звучала простая, спокойная музыка, в других же, наоборот, живая и ритмичная, что подчеркивало комедийность сюжета. Обычно музыка играла на протяжении всего фильма, без остановок. Сначала музыку не планировали заранее, но со временем под каждый фильм начали подбирать свою музыку.

Некоторые критики спорят, что любой звук отвлекает от восприятия настоящих эстетических ценностей немого кино. С другой стороны, инструментальная или вокальная музыка без слов добавляет фильму определенный настрой.

В звуковом кино, к которому мы все привыкли, и у которого есть преимущество в виде диалогов, точное использование жестов является не менее важным.

Для актеров речь не так важна, как физическая выразительность. Актеры рассказывают сюжет телом. Один жест может передать тысячу слов. А иначе зрители могли бы просто читать сценарий вместо того, чтобы идти в кино или театр. Без мотивированных жестов игра выглядит скучной и ненастоящей.

Благодаря жестам зритель может делать выводы о возрасте, чувствах, социальном положении героя.

Например, студент, которого отчитывает учитель, может легко показать зрителям, что он не сожалеет о содеянном:

- незаинтересованным взглядом
- слегка наклоненной головой
- положив руку на бедро
- выдвинув бедро немного вперед и сосредоточив свой вес на одной ноге.

В процессе обучения актеры сначала изучают просто искусство ходить. Они учатся контролировать свою спину, позвоночник, а затем руки и ноги и, в конце концов, голову. Все жесты, все телодвижения регулируются положением позвоночника.

Более того, хорошие актеры должны уметь передавать мысли и чувства героя при помощи глаз, чтобы быть более правдоподобным. Многие переоценивают значимость жестов и совсем не задумываются о роли глаз.

Конечно, театральным актерам приходится быть немного более драматичными в движениях так как нет возможности показать их лица крупным планом во время представления.

Еще одной трудностью для актеров в наши дни является тот факт, что жесты отражают даже наши социальные и другие условия жизни. Поэтому, когда актер собирается играть героя, принадлежащего определенному историческому периоду, ему следует иметь в виду, что жесты той эпохи могут отличаться от современных.

Таким образом, одним из важнейших принципов игры актеров является естественность. Лишиться естественности означает лишиться симпатии публики.

Литература

Григорьянц Т.А. Невербальный язык – важнейшая составляющая коммуникаций // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2006. – № 11. – С. 338-345.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 280 с.

*Докт. филол. наук А.В. Пузырёв,
студентки И.С. Гуренко, Е.В. Чанаева (Ульяновск)*

ЗАКОНЫ СУДЬБЫ В АСПЕКТЕ ПИРАМИДЫ УСТАНОВОК (На материале сериала «Игра престолов»)

Вероятно, сегодня телесериал «Игра престолов» – Game of Thrones – наиболее популярный телепродукт. Как известно, он создан по мотивам цикла романов «Песнь Льда и Пламени» писателя-фантаста, сценариста и продюсера

Джорджа Мартина. «Игру престолов» смотрят по всему миру, её анализируют серьёзные политические издания, такие как *Foreign Affairs* и *Foreign Policy*. Сериал необычайно интересен неожиданными поворотами событий. Многие считают, что судьбы персонажей в сериале – это череда роковых случайностей.

Мы не можем согласиться с определением судьбы как «череды роковых случайностей». На наш взгляд, сериал «Игра престолов» интересен именно тем, что он – вследствие высокой динамичности сюжета – делает прозрачными законы судьбы – судьбы, под которой мы понимаем естественную последовательность событий человеческой жизни как результат материализации бессознательных ожиданий и предпочтений конкретного человека [А.В.Пузырёв 2000: 18].

Цель настоящей статьи – на материале сериала «Игра престолов» – ответить на вопрос, в какой степени характер социально-психологических установок личности влияет на судьбу конкретного человека, определяет его жизнеспособность. В какой степени социально-психологические установки личности предопределяют развёртывание судьбы этой личности?

Для ответа на этот вопрос мы сопоставили судьбу четырёх персонажей (двух мужчин и двух женщин): 1) тех, судьба которых в сериале оказалась уже завершённой (Робб Старк, Кейтилин Старк), и 2) тех, судьба которых является открытой, пусть и полной различных неожиданностей (Тирион Ланнистер, Дейенерис Таргариен). Цитирование текста производится по тем переводам, которые имеются в Интернете.

При анализе социально-психологических установок персонажей сериала мы пользуемся иерархически выстроенной пирамидой этих установок:

1) физические (установки, обеспечивающие потребности в еде, питье, сексе и достижение других чувственных удовольствий),

2) личностные, направленные на творческую самореализацию личности в искусстве, науке, спорте и других общественно полезных сферах (здесь, как и на других уровнях, могут быть выявлены установки как созидательного, так и деструктивного плана),

3) межличностные, обеспечивающие развитие или разрушение межличностных отношений с близкими, родными, друзьями и товарищами (сюда же относятся установки на отношения с лицами противоположного пола),

4) этнические, связанные с принадлежностью к определённому этносу, расе (здесь могут быть выделены тоже две противоположные позиции: альтруистическая и эгоистическая; см.: [Л.Н.Гумилёв 1997: 162-163]);

5) социальные, направленные либо на общекомандные, корпоративные отношения, либо на конформизм и подавление инакомыслящих в конкретном социальном сообществе;

6) принципиальные, предопределяющие следование личности принятым ею принципам поведения или её беспринципность, притворство и прагматизм поведения в социуме;

7) интегративные, связанные с осознанием своего места в мире, с бережным или расточительным отношением к матери Природе, к Матери

Земле, связанные или с отчуждением от всего мира, или с ощущением с ним своего глубинного родства [А.В.Пузырёв 2010].

Уровни потребностей и установок:

На каждом из указанных уровней могут наблюдаться не только конструктивные, но также и дефектные социально-психологические установки, характеризующие соответственно «зрелых» и «незрелых» личностей. В данном случае сошлёмся на обзор различных исследований «зрелых» и «незрелых» личностей, предпринятый в работе Г. Олпорта [Г. Олпорт 2002: 330-353].

В статье используются цитаты как из сериала, так и из книг Джорджа Мартина вследствие того, что именно эти книги (цикл романов «Песнь Льда и Пламени») легли в основу сценария всего многосерийного фильма.

Начнём с мужчин. Сопоставим – в свете указанной пирамиды установок – судьбу двух мужчин: погибшего (Робба Старка) и остающегося в живых (Тирион Ланнистер).

Робб Старк. В сериале и книгах предельно ясно обозначены причины гибели Робба – прежде всего нарушение им своего королевского слова и женитьба по возникшей страсти на девушке, которая оказалась рядом. Король, как известно, не имеет права нарушать своё королевское слово. Робб Старк же повёл себя как очень плохой хозяин своего слова: *сам слово дал, сам же его и взял.*

Ср.: «– А ты обвенчаешься с одной из его дочерей, когда война закончится, – договорила она. – Его светлость любезно согласился предоставить тебе право выбора. У него много девиц, которые подходят тебе по возрасту.

К чести сына, Робб не дрогнул.

– Понимаю.

– Ты возражаешь?

– Разве я могу отказаться?

– Нет, если хочешь переправиться через реку.

– Я согласен, – проговорил Робб торжественно. Он ещё никогда не казался ей более взрослым, чем в это мгновение. Мальчишки могут играть с мечами, но брак заключает лорд, понимая, что это значит» [Игра престолов. Книга вторая. Глава Кейтилин].

Дав слово Фреям, Робб Старк, король Севера, получил от них тысячу конных рыцарей и около трёх тысяч пехоты. В книжном варианте ситуация описывается так: после того, как Жиенна (Джейн) Вестерлинг утешила его ночью,

Робб Старк сделал своей женой её, а не одну из дочерей Фрея. Вот его разговор с матерью:

«Я взял ее замок, а она похитила моё сердце, – улыбнулся Робб. <...> – В ту ночь она... утешала меня, матушка». – «И наутро ты женился на ней». – «Честь не позволяла мне поступить иначе» [Буря мечей. Книга первая. Глава Кейтилин].

О том, что королевская честь выражается, в частности, в верности своему королевскому слову союзникам (в данном случае, обещанию жениться на одной из дочерей Фрея), Робб Старк забыл, что и стало одной из главных причин «Красной свадьбы», в результате которой и Робб Старк, и его мать Кейтилин потеряли свои жизни. Хотя в фильме событийная канва передана несколько иначе, тем не менее основная причина смерти передана верно – словами Рикарда Карстарка, адресованными Роббу: «– Можно откровенно, Ваша Милость? Я думаю, что вы проиграли войну, когда женились на ней» (Игра престолов, 3 сезон, 2 серия).

В фильме любовницу, а позже жену Робба Старка зовут Талиса Старк (урождённая Мэйгир). Но общий смысл ситуации – что установки физического и межличностного уровней у Робба Старка доминируют над установками более высоких уровней – передан точно.

В книжном варианте из-за своей женитьбы Робб Старк отказался от второй своей сущности – от Серого Ветра, своего лютоволка, – и, согласившись с его пребыванием на псарне, тем самым отказался от их неразрывности. Сначала на этом настояла его жена, а позже – Уолдер Фрей. Отказ от своей расовой сущности, в соответствии с которой на знамёнах Старков был именно лютоволк, стал одной из причин закономерной гибели Робба.

И, конечно, Робб Старк – не осознав все свои социальные и психологические роли, не сформировав ясное и отчётливое представление о себе как короле Севера, отвечающего за весь Север, – продемонстрировал отсутствие у себя сформированных установок интегративного уровня.

Судьба Робба Старка, таким образом, является ярким свидетельством нежизнеспособности человека, у которого социально-психологические установки нижних уровней доминируют над установками высших уровней.

Тирион Ланнистер. Физический уровень установок для Тириона является чрезвычайно существенным. Существенным, но не самым главным. Он прекрасно осознает тот факт, что ростом он не вышел и что положение карлика в обществе приравнивается к положению бастарда. В разговоре с Роббом Старком он это формулирует предельно открыто:

«– В чем тут подвох? Зачем вам помогать ему?

– Я питаю нежность к калекам, бастардам и сломанным вещам» (Игра престолов, 1 сезон, 4 серия).

На личностном уровне своих установок Тирион демонстрирует постоянное стремление к саморазвитию. Особенно ярко мотивы своей любви к чтению он выражает Джону Сноу уже в 1-м сезоне «Игры престолов» (2 серия):

«Ноги мои слишком малы для тела, а голова чересчур велика, но я бы сказал, что, на мой взгляд, она как раз впору для моего ума. Я спокойно принимаю

собственные силы и слабости. Ум – вот мое оружие. У брата Джейме есть меч, у короля Роберта – боевой молот, а у меня – разум. А он нуждается в книгах, как меч в точильном камне, чтобы не затупиться, – Тирион постучал по кожаной обложке книги. – Вот поэтому я читаю так много, Джон Сноу».

Уровень установок межличностного характера свидетельствует, что Тирион считает себя ответственным за свои межличностные отношения. Такую ответственность он демонстрирует, например, перед Шайей. В начале их отношений он ясно формулирует правила их отношений: «Я – Ланнистер. Золота у меня много, не сомневайся в моей щедрости. Но я потребую от тебя большего, чем то, что есть у тебя между ногами, хотя мне нужно и это. Ты будешь делить со мной шатер, подавать мне вино, смеяться над моими шутками, растирать мои ноги после дневных переходов... и продержу ли я тебя день или год, но, пока мы вместе, ты не примешь в свою постель никого другого» [Игра престолов. Книга вторая. Глава Тирион].

И даже тогда, когда его всемогущий отец Тайвин Ланнистер потребовал от сына, чтобы тот не брал с собой в Королевскую Гавань свою «шлюху ко двору», Тирион сохранил свои отношения с Шайей, хотя это и было для него опасно: «Шая что-то пробормотала со сна и подкатилась к нему, когда Тирион сел на край перины. <...> – Я решил взять тебя в Королевскую Гавань, милая, – шепнул он» [Игра престолов. Книга вторая. Глава Тирион].

Этнический и социальный уровни установок Тириона характеризуются его гордостью тем, что он принадлежит Ланнистерам.

«– Говорят, Ланнистеры скользкие, что твои змеи.

– Змеи? – засмеялся карлик. – Мой лорд-отец сейчас перевернулся в гробу. Мы львы – по крайней мере, любим так себя называть. Хотя какая разница, на змею наступить или на львиный хвост – конец-то один» (Танец с драконами. Книга вторая. Искры над пеплом).

В плане собственно социальных установок Тирион демонстрирует свою социальную ответственность тем, что защищает Королевскую Гавань и организовывает победную контратаку защитников города, чудом при этом оставшись живым:

«– Пусть я коротышка, но не боюсь смотреть врагам в лицо» (Игра престолов, 3 сезон, 10 серия).

Нравственный императив у Тириона заведомо выше, нежели значат для него физические аспекты его существования. Когда отец, лорд Тайвин Ланнистер решает, что карлику следует жениться на Сансе Старк, он женится на ней и полностью встаёт на защиту Сансы, заботясь о ней. Показателен в этом смысле его диалог с королём Джоффри:

«– Ты больше не имеешь права ее мучить.

– Я могу мучить кого угодно. Запомни это, маленькое чудовище.

– О, чудовище! Может, тебе тогда стоит быть повежливее? Чудовища опасны, а короли нынче мрут как мухи» (Игра престолов, 3 сезон, 3 серия). Зная, что Санса не любит его, Тирион при этом не настаивает на выполнении ею супружеского долга.

«Ланнистеры всегда платят свои долги». Даже когда Тирион сам нуждается в деньгах, он выполняет обещания, например своему бывшему надзирателю: «Морд едва поверил своим глазам, когда Тирион бросил ему кожаную мошну. Глаза тюремщика округлились, как вареные яйца, когда, потянув за веревочку, он увидел внутри блеск золота.

– Я приберег его для себя, – сказал Тирион с кривой улыбкой, – но тебе было обещано золото, вот оно.

Денег было много больше, чем человек, подобный Морду, мог бы заработать, тираня узников целую жизнь» [Игра престолов. Книга вторая. Глава Тирион].

Что касается интегративных установок, то Тирион, пожалуй, один из немногих персонажей, кто максимально осознаёт все слои своего социального существования. В частности, это выражается в таких его словах Джону Сноу: «Позволь дать тебе совет, бастард. Никогда не забывай, кто ты – ведь другие не забудут. Носи это как броню, и тогда они не смогут тебя ранить» (Игра престолов, 1 сезон, 1 серия).

Тирион осознаёт себя и как мужчину, и как умного человека, и как члена семьи Львов (Ланнистеров), и как жителя Королевской Гавани (оборону которой он организовал). Тирион – один из немногих персонажей, способных к надличному существованию, а потому у многих вызывает глубокую симпатию.

Преобладание у Тириона установок высших уровней над установками нижнего порядка и делает его максимально неуязвимым в мире, где, по известному замечанию Платона, господствует принцип «каждый против всех, и все против каждого».

Кейтилин Старк. Какие установки у неё преобладают? Создаётся впечатление, что физические установки у неё доминируют над остальными. Иначе зачем бы она вступила в добрачную связь с посторонним человеком, не со своим будущим мужем, а с Петиром Бейлишем? Тот на вопрос Тириона об этом говорит не стесняясь: «Милорд, вы воспитывались в Риверране – и, как я слышал, очень сблизились с Талли.

– Верно. Особенно с дочками.

– И насколько же?

– Я лишил их невинности – этого довольно?

Свою ложь – Тирион был почти уверен, что это ложь, – Мизинец преподнес с таким небрежным видом, что многие бы поверили.

Быть может, это Кейтилин Старк лжет? И о том, как лишилась невинности, и о кинжале?» [Битва королей. Книга первая, Глава Тирион].

Но истинность сказанного Бейлишем (Мизинцем) подтверждается всем ходом сюжета, вот ещё одно доказательство: «Рассерженный Тирион приподнялся со своих подушек, но тут в спор вмешался его отец.

– Относительно Тириона у меня другие замыслы. Мне думается, что ключ от Гнезда следует искать скорее у лорда Петира.

– Верно – он у меня между ног, – с озорной искрой в серовато-зеленых глазах подтвердил Мизинец. – С вашего разрешения, милорды, я готов отпра-

виться в Долину и завоевать леди Лизу Аррен. Став ее супругом, я преподнесу вам Долину Аррен без малейшего кровопролития.

– Но захочет ли вас леди Лиза? – с сомнением спросил лорд Рован.

– Она уже хотела меня пару раз, лорд Матис, и жалоб я от неё не слышал» [Буря мечей. *Книга первая. Глава Тирион*].

Бейлиш признаётся в том же самом дочери Кейтилин – Сансе Старк: «Вспомните об этом, Санса, когда сами вступите в игру.

– Игру? Какую игру?

– Единственную, в которую стоит играть – в игру престолов. – Он поправил прядку ее волос. – Вы достаточно взрослая, чтобы понимать, что мы с вашей матерью были не просто друзьями. В свое время я хотел в мире только одного: Кет. Я осмеливался мечтать о том, как мы будем жить вместе, и о детях, которых она мне подарит... но она была дочерью Риверрана и Хостера Талли. Род, Долг, Честь – все это означало, Санса, что руки ее мне не видать.

Однако она дала мне нечто большее – то, что женщина способна дать лишь однажды» [Буря мечей. *Книга вторая. Глава Санса*].

Развитие повествования подтверждает неоспоримо, что, с одной стороны, Кейтилин прекрасно знала фамильный девиз: «Семья, долг, честь, – строгим голосом повторила она» [Игра престолов. *Книга первая. Глава Кейтилин*], – а, с другой стороны, отдала свою девическую честь безусловному проходимцу, бессовестному человеку – Петису Бейлишу (Мизинцу).

Кейтилин «выдумала» порядочность Мизинца и не могла поверить в то, что он не стал делать секрета из их юношеской сексуальной близости. В разговоре с Тирионом, не включённом в фильм, это так и формулируется:

«– Зачем было Петису лгать мне?

– А зачем медведь гадит в лесу? – спросил он. – Потому что такова его природа. Для людей, подобных Мизинцу, лгать все равно что дышать. Уж вам-то по крайней мере следовало знать это.

Кейтилин шагнула к нему с напряжённым лицом.

– Как вас понимать, Ланнистер? Тирион склонил голову набок.

– Ну что ж, наверное, все при дворе слышали, как он лишал вас невинности.

– Это ложь! – воскликнула Кейтилин Старк» [Игра престолов. *Книга первая. Глава Тирион*].

Отношения Кейтилин с Мизинцем, кроме того, что они подтверждают наличие доминирования у Кейтилин установок физического плана, свидетельствуют также о том, что Кейтилин не умеет разбираться в людях (деструктивные межличностные установки).

А потому она активно манипулирует и ненавидит Тириона, называющего вещи своими именами: «Кейтилин Старк поглядела на Тириона с таким холодом, какого он ещё не видел на её лице.

– Петир Бейлиш некогда любил меня, но он тогда был мальчишкой. Страсть его явилась трагедией для всех нас. Но она была неподдельной и чистой, так что незачем насмехаться над ней. Петир просил моей руки, и это его полностью оправдывает. А вы действительно злой человек, Ланнистер!

– Ну а вы действительно дура, леди Старк. Мизинец никогда не любил никого, кроме Мизинца, и клянусь вам, что он хвастал не вашей рукой, но спелыми грудями, страстным ртом, жаром между ваших ног» [Игра престолов. Книга первая. Глава Тирион].

Деструктивные установки Кейтилин демонстрирует и на принципиальном уровне. В одной из серий она признаётся, что не сдержала клятвы своим богам:

«Один из мальчиков слёг с оспой. Мейстер Лювин сказал, что если он продержится ночь, то выживет. Но это будет очень длинная ночь. И я сидела с ним всю ночь, слушая его прерывистые, короткие вздохи, его кашель, его хныканье.

– Какой мальчик?

– Джон Сноу. Когда мой муж принёс домой с войны этого ребёнка, мне было тяжело на него смотреть. Я не хотела видеть эти карие глаза чужака, смотрящие на меня. И я молилась богам, чтобы они забрали его, чтобы он умер. Он заболел оспой. И я знала, что я была худшей женщиной, что когда-либо жила на этом свете. Убийца. Я обрекла это бедное, невинное дитя на ужасную гибель лишь из-за ревности к его матери. К женщине, которую он даже не знал. И я стала молиться Семерым, чтобы они сохранили мальчику жизнь. Пусть он живёт. И я люблю его, я стану ему матерью, я упрошу мужа дать ему настоящее имя – назвать его Старком и покончить с этим. Сделать его одним из нас.

– И мальчик выжил.

– Он выжил, а я не смогла сдержать обещание. И все, что случилось с тех пор, весь ужас, что обрушился на мою семью... Всё потому, что я не смогла полюбить ребёнка, оставшегося без матери» (Игра престолов, сезон 3, серия 2).

Иными словами, Кейтилин позволяет себе изменить будущему мужу с глубоко непорядочным человеком (Петиром Бейлишем), а своему мужу, оказавшемуся на войне и решившему сбросить и воспитать своего ребёнка, она измены не прощает. Вот такая она «последовательная»!

Маленькая бессознательная ложь закономерно ведёт к большой измене. Кейтилин вполне искренне считает, что она – ради спасения детей – может изменить любому принципу, даже тому, что заявлен на флагах её семьи, семьи Талли – «Семья, долг, честь»: «Подобное известие должно было лишить мать рассудка, – прервал сир Десмонд, – люди это поймут. Вы не знали...

– Знала, – твёрдо ответила Кейтилин. – Я прекрасно понимала, что делаю, и знала, что это измена. Если вы меня не накажете, люди сочтут, что я действовала в сговоре с вами. Между тем вина моя и только моя, и отвечать я должна одна. Наденьте на меня опроставшиеся цепи Цареубийцы, если посчитаете нужным, и я приму эти оковы с гордостью» [Буря мечей, Книга первая. Глава Кейтилин].

Отсутствие в психике Кейтилин конструктивных установок высших уровней и доминирование установок низшего характера закономерно приводит к тому, что она совершает одну глупость за другой, а платой за эти глупости оказывается смерть её и её сына Робба Старка.

Судьба Кейтилин Старк – более чем очевидное свидетельство того, что доминирование у личности установок нижних уровней над установками высшего порядка закономерно приближает смерть этой личности.

Дейенерис Таргариен. Установки низшего порядка у Дейенерис подчинены установкам высших уровней. Получение телесных удовольствий для неё второстепенно: «Вода обожгла, но Дейенерис не дёрнулась и не вскрикнула: она любила тепло, дававшее ей ощущение чистоты. К тому же брат часто говорил ей: "Таргариенам не бывает жарко. Мы принадлежим к дому Дракона. Огонь растворён в нашей крови"» [Игра престолов. *Книга* вторая. *Глава Дейенерис*].

Эта женщина, отодвинув страх смерти, шагнула в огонь вслед за своим мужем. Понимая, что «только смертью можно купить жизнь», она перед этим приказала привязать «божью жену» Мирри Маз Дуур, погубившую её ребёнка и её мужа, к костру. Тем самым Дейенерис «купила» жизнь и свою, и своих драконов. Но знание – это одно, тогда как следование ему требует большого мужества, и Дейенерис его проявила в полной мере: «Сир Джорах выкрикивал её имя и в страхе ругался.

– Нет, – хотела она крикнуть ему. – Нет, мой добрый рыцарь, не бойся за меня! Моё время пришло. Я Дейенерис Бурерожденная, дочь драконов, невеста драконов, мать драконов, разве ты не видишь? Разве ты не ВИДИШЬ?» Со вздохом выбросив к небу огромный султан пламени и дыма, костёр рухнул вокруг нее. Ничего не боясь, Дени шагнула в огненную бурю, призывая к себе детей» [Игра престолов. *Книга* вторая. *Глава Дейенерис*].

На уровне личностных установок следует отметить постоянное стремление Дейенерис к получению знания: «Я не намерена снова искать дорогу вслепую, когда покину это место. Я должна знать, куда ехать и как лучше добраться туда» [Битва королей. *Книга* первая. *Глава Дейенерис*].

Справедливости следует сказать, что у Дени – в силу нищенского существования в начале повествования – не было возможности читать книги. Книги, тем не менее, она ценит: «Сир Джорах Мормонт извинился за свой подарок.

– Это пустяк, моя принцесса, но большего бедный изгнанник не может себе позволить, – проговорил он, положив перед ней небольшую стопку старинных книг. Это были истории и песни Семи Королевств, написанные на общем языке. Дени поблагодарила рыцаря от всего сердца» [Игра престолов. *Книга* первая. *Глава Дейенерис*].

В познании реальности она скорее опирается на свою наблюдательность и интуицию: «Дени заметила тень улыбки, скривившей его губы, но брат не видел ничего» [Игра престолов. *Книга* первая. *Глава Дейенерис*].

В своих снах она общается со своей драконьей сущностью и очищается ею: «Во сне была только она одна и дракон в чёрной как ночь чешуе, мокрой и скользкой от крови. От её собственной крови, ощутила Дени. Глаза дракона казались лужицами расплавленной магмы, а когда он открыл свою пасть, из неё горячей струёй ударило жаркое пламя. Она слышала, как дракон поёт ей. Дени развела руки, обнимая огонь, предалась ему, позволив охватить её целиком, очистить и закалить, залечить раны. Она ощущала, как горит и обугливается, как осыпается угольками её плоть, чувствовала, как кипит, превращаясь в пар, кровь, но боли не было. Она ощутила незнакомую силу и ярость» [Игра престолов. *Книга* первая. *Глава Дейенерис*].

«– Я была больна, – отвечала она, наклоняясь над драконьими яйцами, которые Иллирио подарил ей в день свадьбы. Дени прикоснулась к одному из них, самому большому, и ласково погладила скорлупу. «Черно-алое, – подумала она, – как дракон в моем сне». Камень показался ей странно тёплым под пальцами... или она ещё дремлет?» [Игра престолов. *Книга первая. Глава Дейнерис*].

Дейнерис – в её тринадцать лет – умеет делать грамотные выводы из своих наблюдений:

«– Визерис не способен возглавить войско, даже седьмой благородный муж не предоставит ему воинов, – сказала Дени. – У него нет ни гроша, а единственный рыцарь, который следует за ним, ценит его не дороже змеи. Дотракийцы смеются над его слабостью. Он никогда не приведёт нас домой.

– Мудрая девочка. – Рыцарь улыбнулся.

– Я не девочка, – бросила она с яростью в голосе. Пятки Дени ударили в бока лошади, и Серебрянка понеслась галопом» [Игра престолов. *Книга первая. Глава Дейнерис*].

И развитие повествования, и события в фильме свидетельствуют о постоянном стремлении Дейнерис к саморазвитию, т.е. о конструктивных установках героини на их личностном уровне.

Наиболее сложным для обсуждения оказывается уровень межличностных установок Дейнерис.

С одной стороны, она берёт ответственность за отношения – с братом – и выполняет все его приказы. Она пытается до самой смерти Визериса быть на его стороне, помня, что они одной крови:

«Визерис смотрел на них раскрыв рот, а потом опустил на землю. Он молчал, не шевелился, только полные яда глаза его провожали их. Скоро он затерялся в высокой траве. Не видя его больше, Дени встревожилась.

– А он найдёт путь назад? — спросила она у сира Джораха по дороге» [Игра престолов. *Книга первая. Глава Дейнерис*].

«Не бойся, он тебя не ударит. Милый брат, прошу, прости её, девушка ошиблась; я велела ей попросить тебя отужинать со мной, если так будет приятно твоей светлости. — Она взяла его за руку и повела через комнату. – Погляди, это я приготовила для тебя» [Игра престолов. *Книга первая. Глава Дейнерис*].

«– Клинок... убери меч, – попросила она его. – Пожалуйста, Визерис. Это запрещено. Опустить меч и садись на подушки. Пей, ешь. Тебе нужны драконьи яйца? Возьми их, только брось меч» [Игра престолов. *Книга вторая. Глава Дейнерис*].

Она делает всё, чтобы повысить свою ценность в глазах мужа (не будем пересказывать известных деталей).

Но с другой стороны – Дейнерис действительно королева, причём королева драконов: «Она любила эти чудесные камни. Яйца дракона были настолько прекрасны, что иногда одно прикосновение к ним заставляло её почувствовать себя сильнее, отважнее, словно бы она извлекала силы из замкнутых внутри них каменных драконов» [Игра престолов. *Книга первая. Глава Дейнерис*].

В этом смысле, Дейенерис не просто женщина. Она – женщина власти по природе своего рождения. Первое, что она сделала, она подчинила волю своего мужа своей воле – причём так, что он этого не заметил.

Первое, что Дейенерис сделала, – она изменила характер любовных отношений с мужем: «Он попытался перевернуть её, но она остановила его.

– Нет, – сказала Дени. – Этой ночью я должна видеть твоё лицо» [Игра престолов. *Книга первая. Глава Дейнерис*].

Второе, что сделала она, – она вторглась в сферу власти, всегда считавшейся в кхаласаре прерогативой мужчин. Дрого не понял этого и воспринял это её вторжение как влияние своего сына: «Кхал Дрого улыбнулся.

– Видите, какой свирепой она становится! – сказал он. – Это мой сын, жеребец, который покроет весь мир, наполняет ее своим огнем. Скачи помедленней, Квото... если мать не испепелит тебя на этом самом месте, значит, сын ее втопчет тебя в грязь. А ты, Маго, придержи свой язык и найди себе другую овцу. Эти принадлежат моей кхалиси» [Игра престолов. *Книга вторая. Глава Дейнерис*].

Нарушение Дейенерис в кхаласаре тех норм, которые сложились задолго до её замужества с кхалом Дрого, вероятней всего, и стало основной причиной гибели и её мужа, и её сына. Так, Дейенерис не приняла обычай, согласно которому «– Кхал не нуждается в помощи жен, чьи мужья спят с овцами, – рявкнул Квото. – Агго, отрежь ей язык. Агго ухватил ее за волосы и приложил нож к горлу», – а потому возразила: «– Нет, она моя. Пусть говорит» [Игра престолов. *Книга вторая. Глава Дейнерис*]. Общение Дени с «божьей женой» Мирри Маз Дуур, поставившей своей целью убить Дрого и его сына, и стало причиной их гибели.

Дени вполне логично рассуждала, что может довериться этой женщине, поскольку она вырвала её из рук насильников. При этом она не поняла, что для «божьей жены» главным мотивом было не выражение признательности, а желание не допустить появления на свет «жеребца, который покроет весь мир», а именно – её сына, сына Дейнерис. Постоянная готовность Дейнерис вступить за других, чтобы восстановить справедливость, в данном случае сыграла над ней очень злую шутку.

И когда Квото говорит Дейнерис о приближении смерти Дрого: «Это сделала ты – не только она!» [Игра престолов. *Книга вторая. Глава Дейнерис*], – он по большому счёту глубоко прав.

Говоря об этнических установках, отметим, что Дейенерис всегда чувствовала кровь драконов в себе. Она всегда осознавала, что брат ее драконом не был, однако в ее жилах течёт именно кровь драконов:

«Жар плескал по воздуху огромными красными крыльями, отгоняя дотракийцев, отгоняя даже Мормонта, но Дени стояла на месте. Она от крови дракона, и огонь внутри ее.

Она давно догадывалась, как надо поступить, подумала про себя Дени, шагнув чуть поближе к кострищу. Но жаровни для этого мало. Пламя кружило перед ней, как женщины, плясавшие на ее свадьбе, кружило, пело, размахивая желтыми, оранжевыми и алыми вуалями, страшными с виду, но и прекрасными

ми, прекрасными, живыми от жара. Дени открыла перед ними руки, плоть ее горела» [Игра престолов. *Книга* вторая. *Глава* Дейнерис].

Осознание Дейнерис своих расовых корней, понимание того, кто она, какому народу принадлежит, какая кровь в ней течёт, – свидетельствует о созидательном характере её этнических установок.

Дейнерис – женщина не семейного, а широкого социального плана. Для неё характерно активное отношение к жизни, не позволяющее ограничивать себя рамками семьи. Вот она как рассуждает (здесь автор пользуется несобственно-прямой речью): «"Если бы я не была от крови дракона, – подумала Дени печально, – это место могло бы стать моим домом"». Она здесь кхалиси, у нее есть крепкий мужчина и быстрый конь; служанки, чтобы служить, воины, чтобы охранять. Ее ждёт почётное место среди дош кхалина, когда она состарится... Кроме того, в чреве ее выросал сын, который однажды покроет мир.

Этого довольно для всякой женщины, но только не для дракона! Теперь, после смерти Визериса, Дейнерис осталась последней, единственной. Она рождена от семени королей и завоевателей, как и дитя внутри нее. Об этом нельзя забывать» [Игра престолов. *Книга* вторая. *Глава* Дейнерис].

Это женщина с чётким нравственным императивом:

«– У нас нет причин брать этот город.

– Сколько рабов в Юнкае?

– 200 тысяч, если не больше.

– Тогда у нас есть 200 тысяч причин взять Юнкай» [Сериал «Игра престолов». Сезон 3. Серия 7].

Наконец, Дейнерис обладает вполне сформированной идентичностью, т.е. развитыми интегративными установками:

В начале своего появления в романе она предстаёт как пугливая тринадцатилетняя девушка, тем не менее, мыслящая вполне адекватно: «Дени не помнила, чтобы когда-нибудь носила столь мягкую одежду. Ткань пугала её. Она отняла руку.

– Платье и в самом деле моё?

– Это подарок магистра Иллирио, – отвечал с улыбкой Визерис. Брат её пребывал сегодня в хорошем настроении. – Ткань подчеркнёт фиалковый цвет твоих глаз. Кроме того, ты получишь золото и всякие камни, Иллирио обещал. Сегодня ты должна выглядеть как принцесса.

Как принцесса, подумала Дени. Она уже и забыла, что это такое. А может быть, никогда и не знала.

– Почему же он дал нам столь много? – спросила она. – Чего он хочет от нас? – Уже почти полгода они обитали в доме магистра, ели его еду, пользовались услугами его лакеев.

Дени уже исполнилось тринадцать, она прекрасно понимала, что в свободном городе Пентосе за так подарков не делают» [Игра престолов. *Книга* первая. *Глава* Дейнерис].

Выйдя замуж за кхала Дрого, она осознаёт своё изменившееся социальное положение и ведёт себя как полноправная кхалиси:

«– Подождите здесь, – сказала Дени сиру Джораху. – Пусть все они тоже остановятся. Скажите, что я приказываю.

Рыцарь улыбнулся. Сира Джораха нельзя было отнести к симпатичным людям. Бычьи плечи и шея его заросли жёсткой шерстью, которая покрывала руки и грудь настолько густо, что для макушки ничего уже не осталось. Но улыбка его всегда подбадривала Дени.

– Вы быстро научились говорить так, как подобает королеве, Дейенерис.

– Я не королева, – заметила Дени, – а кхалиси. – Она послала кобылу вперёд – галопом и в одиночестве» [Игра престолов. *Книга первая. Глава Дейенерис*].

«– Возьмите его лошадь, – приказала Дени сиру Джораху. Визерис охнул. Он не верил своим ушам, не верила им и Дени. Но слова приходили сами. – Пусть брат мой пешком возвращается в кхаласар» [Игра престолов. *Книга первая. Глава Дейенерис*].

«Я от крови дракона и должна быть сильной. Они должны видеть в моих глазах огонь, а не слезы» [Буря мечей. *Книга вторая. Глава Дейенерис*].

Дейенерис постоянно ощущает свою королевскую сущность:

«– Клянусь, – проговорила она на общем языке Семи Королевств, по праву принадлежащих ей» [Игра престолов. *Книга вторая. Глава Дейенерис*].

Мы видим, что установки высших уровней преобладают у Дейенерис над установками более низких уровней, и это делает её прочнее в окружающем её агрессивном и полном враждебности мире.

Как справедливо указывает поздний Зигмунд Фрейд (и с этим его мнением соглашаются основоположники советской психологии Л.С.Выготский и А.Р.Лурия), принцип влечения к смерти является «основным, первоначальным и всеобщим принципом органической жизни» [З.Фрейд 1989: 405; Л.С.Выготский и А.Р.Лурия 1989: 29-36]. Стремление к самосохранению рассматривается З.Фрейдом как частное влечение, которое обеспечивает организму его собственный путь к смерти и удаляет все посторонние вероятности возвращения его в неорганическое состояние.

Комбинация установок личности в данном аспекте может рассматриваться как психологическая структура, которая или приближает смерть личности, или её приход отдаляет. Сериал «Игра престолов» тем и интересен, что он делает прозрачными законы приближения человеком своей смерти или отодвигания её «на потом». Из анализа судеб четырёх персонажей (Робба Старка, Кейтилин Старк, Тириона Ланнистера и Дейенерис Таргариен) следует, что доминирование установок нижних уровней смерть конкретной личности приближает, а при следовании установкам высокого порядка смерть приходит, как выразился другой персонаж, «не сегодня». Наш вывод может быть подтверждён анализом судеб и других персонажей сериала.

Что касается использования конкретной пирамиды установок, то она может служить в целях диагностики устремлённости той или иной личности к собственной смерти или к повышению в себе качества и количества жизни.

Цитируемая литература

Выготский, Л. С. Предисловие к русскому переводу работы «По ту сторону принципа удовольствия» [Текст] / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия // З. Фрейд. Психология бессознательного : сборник произведений. М. : Просвещение, 1989. С. 29-36.

Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л. Н. Гумилёв; сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. – М. : Институт ДИ-ДИК, 1997. – 640 с.: ил. – (Сер. альманахов «Сочинения Л.Н.Гумилёва, вып. 3»).

Олпорт, Г. Становление личности : избранные труды [Текст] / Г. У. Олпорт. – М. : Смысл, 2002. – 462 с.

Пузырёв А.В. Психологические аспекты трансформации судьбы // Актуальные проблемы психологии и лингвистики: Материалы 4-ой Всероссийской школы молодых лингвистов (Пенза, 22-25 марта 2000 г.). М.; Пенза: Институт психологии и Институт языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г.Белинского, 2000. С. 18-26.

Пузырёв, А. В. Прологомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен: учебное пособие к курсам «Социальная психология», «Теория и практика массовой информации», «Психология массовой коммуникации», «Психология журналистики» [Текст] / А. В. Пузырёв. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – 123 с.

Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия [Текст] // Психология бессознательного : сборник произведений / З. Фрейд. – М. : Просвещение, 1989. – С. 382-424.

Канд. пед. наук О.Е.Романовская, студ. Т.С.Гаврилова (Ульяновск)

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ЮРИСТА: УМЕНИЯ РАСПОЗНАВАТЬ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Коммуникативный аспект является важной составляющей профессиональной деятельности юриста и предполагает активное взаимодействие с различными людьми и социальными группами. В связи с этим будущему юристу еще в стенах университета необходимо стремиться приобретать знания не только в области юриспруденции, но и прикладной юридической психологии, психолингвистики, лингвопсихологии, развивать коммуникативные умения, востребованные в будущей профессиональной деятельности.

Профессиональная коммуникация юриста представляет собой интегральный процесс регламентированного и нерегламентированного общения в рамках юридической деятельности, направленный на решение определенных профессиональных задач. Формализация профессионального общения обуславливает его протекание в особом процессуальном режиме с соблюдением определенных, строго очерченных форм коммуникации и может быть жесткой (ситуация допроса) и гибкой (оперативное общение).

Реализация указанного процесса общения зависит от уровня профессиональной коммуникативной компетенции юриста, которая предполагает умение слушать, говорить, убеждать, устанавливать межличностные контакты, пробуждать интерес к общению в связи с теми или иными обстоятельствами, имеющими правовое значение и прочее. При этом профессиональное общение следует рассматривать не только как обмен информацией (коммуникативная сторона), но и как процесс взаимодействия (интерактивная сторона) и восприятия людьми друг друга (перцептивная сторона). Значительную роль в успехе общения играют невербальные средства общения. К ним относятся: паралингвистические средства общения (интонация, пауза, дыхание, дикция, темп, громкость, ритмика, тональность, мелодика); экстралингвистические средства (смех, шум, аплодисменты и т.п.); кинетические средства общения (жест, мимика); проксеимические средства общения (поза, движения, дистанция общения).

В психологии существует несколько подходов к пониманию процентной соотношенности передачи информации вербальными и невербальными способами. Одними психологами установлено, что в процессе взаимодействия людей от 60 до 80% коммуникации осуществляется за счет невербальных средств общения (выражения) и только от 20 до 40% информации передается с помощью вербальных [А. Пиз 1992]. Другие психологи полагают, что вербальная и невербальная информации, определяющие степень доверия людей друг к другу, соотносятся примерно как 1/6 (вербальная) и 5/6 (невербальная) [А.Ю. Любимов 1999]. Австралийский специалист по "языку телодвижений" Алан Пиз утверждает, что с помощью слов передается 7 % информации, звуковых средств (включая тон голоса, интонацию и т. п.) - 38 %, мимики, жестов, позы - 55 %. Также считается, что через вербальное общение мы получаем всего 10% информации о собеседнике и около 90% - через невербальное [В.Л. Кудрявцев 2006]. Иными словами, значимо, не *что* говорится, а *как* это делается.

В связи с этим возникает вопрос: насколько необходимы высококвалифицированному юристу умения распознавать и использовать в ситуациях профессиональной деятельности помимо вербальных средств общения невербальные средства?

В первую очередь обратимся к символике жестов и попытаемся соотнести их с ситуативным контекстом в юридической практике.

Существует несколько классификаций жестов. Одной из самых распространенных является классификация, предложенная П. Экманом и У. Фризеном. Они выделяют следующие группы жестов [цит. по Г.Л. Кириленко 1987]:

а) жесты-эмблемы, имеющие языковой эквивалент и достаточно точное значение для данной социальной группы: Использование следователем таких жестов более располагает к контакту, чем их отсутствие. Можно отметить, что некоторые криминальные группы (например, карманники) активно разрабатывают и используют в преступной деятельности невербальные средства.

б) иллюстративные жесты – движения, «изображающие» предмет разговора; Изобилие иллюстративных жестов, сопровождающих речь, свидетельствует о возбужденном состоянии говорящего, поэтому лицу, производящему допрос, следует ограничивать их использование, чтобы у допрашиваемого не возникло

ощущение нервозности и, следовательно, неуверенности со стороны сотрудника органов внутренних дел.

в) жесты-адапторы, способствующие уменьшению или снятию внутреннего напряжения: например, держа в руках карандаш или иной предмет;

г) жесты-регуляторы, используемые для контроля протекания общения. Например, кивок головой, направление взгляда, целенаправленные движения руками и другие жесты, направленные на поддержание и регулирование контакта. Эти жесты обычно свидетельствуют о готовности собеседников к поддержанию контакта.

д) аффективные жесты – движения, являющиеся выразителями чувств и эмоций. При этом могут быть задействованы различные части тела, в первую очередь — лицевые мышцы.

К этим жестам профессиональному юристу нужно относиться с особой осторожностью в силу возможности непроизвольного выражения эмоций, нежелательных во время проведения допроса. С другой стороны, при условии умения сотрудника управлять мимическими проявлениями эмоций, аффективные жесты могут стать деятельностным средством невербального воздействия на допрашиваемого.

Кроме того, в ходе допроса следователем должно быть организовано тщательное наблюдение за допрашиваемым для установления его состояния, которое определяется по его внешнему виду, поведению, реакции на передаваемую ему информацию, а также на основании анализа его речи (темп, связность, отрывистость, повторы и т.д.). Так, например, неожиданные спазмы, изменения скорости и ритма речи, утрата пауз, разрыв слов, «пробалтывание», форсирование звука или хохот, быстрое или поверхностное дыхание и постоянное прерывание собеседника рассматриваются как симптомы напряжения. Подобными же симптомами являются и разнообразные реакции, передающиеся при помощи выразительных движений (жестов, мимики и локомоций), которые могут указать следователю на ту или иную степень изменения психологического состояния допрашиваемого и дать возможность правильно выбрать тактику своего поведения [В.Г. Хлыстова 2009].

Владение указанными невербальными средствами общения особенно важно и для адвоката, так как в практике, например, нередки такие ситуации, когда адвокат не может наладить психологический контакт с доверителями, потому что сомневается в искренности последних, подозревает их в том, что они не говорят правду [А.Н.Порубов 2002]. Признаки несоответствия проявляются в мимике, телодвижениях, голосовых модуляциях, глотательных движениях, в глубоком или, наоборот, поверхностном дыхании, в длинных паузах между словами, в оговорках, микровыражениях лица, неточной жестикуляции [Е.Ю. Булакова 2006]. Так, микровыражение лица, наличие на нем эмоций, расширение зрачков, моргание, слезы, румянец и бледность лица, асимметрия, затянувшаяся фальшивая улыбка - объективные признаки скрываемых чувств, которые могут свидетельствовать об обмане [А.Н.Порубов 2002].

Немецкий философ И. Кант назвал руку "видимой частью мозга", и это не случайно. С древних времен и по сей день открытая ладонь человека традици-

онно ассоциируется с искренностью, честностью, неподкупностью. До сих пор при даче показаний в судебных заседаниях многих стран левая рука свидетеля покоится на библии, а правая ладонь обращена к суду. Психологи считают, что если человек говорит откровенно, то он полностью или частично раскрывает перед собеседником ладони. Если же человек при общении прячет ладони, это может указывать на то, что он не совсем откровенен [Использование достижений 2014].

Свободная жестикуляция допрашиваемого свидетельствует об ощущении им психологического комфорта, безопасности, положительного отношения к следователю. Жестикуляция интенсифицируется в случае эмоционального подъема или волнения допрашиваемого, что в свою очередь говорит о значимости для него происходящего. Отрицательное отношение к следователю, нежелание контактировать, замкнутость сопровождаются «скупой» жестикуляцией или полным ее отсутствием [В.Г. Хлыстова 2009].

Важно отметить, что следователь должен внимательно следить не только за формой постановки вопросов, но и контролировать свою интонацию, мимику и жесты, так как нередко именно невербальные средства общения могут обеспечить успешное протекание допроса, либо способствовать его «провалу». В оказании психологического воздействия на допрашиваемого невербальные средства общения могут использоваться для повышения убедительности высказываний следователя, что повышает эффективность деятельности сотрудника в ситуациях конфликтов. При этом те невербальные сигналы, которые выражают положительное отношение, могут способствовать корректировке межличностных отношений. Выражение уважения и доверия к допрашиваемому при помощи невербальных средств может эффективно влиять на его поведение, в особенности, если допрашиваемый открыто противится влиянию и воздействию следователя [В.Г. Хлыстова 2009].

Рамки данной статьи не позволяют охватить весь круг проблем, связанных с коммуникативной составляющей будущего юриста. Безусловно, ясно одно – изучение невербальных средств коммуникации действительно необходимы юристу-практику, а умение распознавать их и использовать в профессиональной деятельности значительно повышает уровень профессиональной коммуникативной компетенции будущего юриста.

Литература

Адвокат: навыки профессионального мастерства / Е.Ю. Булакова, Л.А. Воскобитова М.Р. и др.; под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 592 с.

Использование достижений криминалистической психологии при собирании, оценке, использовании личностной информации [Электронный ресурс]: техническая и гуманитарная литература – Режим доступа: http://www.telenir.net/psihologija/kriminalisticheskaia_psihologija/p4.php (Дата доступа: 20.04.2014 г.).

Кудрявцев В.Л. Процессуально-тактические основы участия адвоката-защитника в допросе потерпевшего и свидетеля в суде / Адвокатская практика. – 2006. – № 2. – 11-15 с.

Кириленко Г.Л. Проблема исследования жестов в зарубежной психологии // Психологический журнал, 1987.– Т. 8. – № 4. – 138-147 с.

Любимов А.Ю. Мастерство коммуникации: М. – 1999. – 576 с.

Пиз Аллан. Язык телодвижений. Как читать мысли других людей по их жестам: Н. Новгород, 1992. – 265с.

Порубов А.Н. Ложь и борьба с ней на предварительном следствии / А.Н.Порубов; Под ред.: Басецкий И.И. – Минск: Амалфея, 2002. – 176 с.

Хлыстова В.Г., Малафеева А.Ю. К вопросу о значимости невербальных коммуникативных единиц в криминалистической практике/ Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: Сборник научных статей. Вып. 4. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2009. – С. 246-251.

Канд. пед. наук О. Е. Романовская, студ. А.Г. Морозова (Ульяновск)
НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРИЗНАКИ СКРЫТОЙ ЛЖИ

Ложь, будучи не только социально-психологическим феноменом жизнедеятельности человека в обществе, но и своеобразным кодом любой коммуникации, оказывается в фокусе исследовательского интереса самых различных направлений – философии, социологии, психологии, юриспруденции и лингвистики. Изучение лжи в коммуникации стало особенно интенсивным в последнее время [В.В.Знаков 1999; П. Экман 2007 и др.]. Внимание исследователей лжи переключилось с вопроса о том, как оформляется ложь в языке, на вопрос о том, как она функционирует в речевом общении и возможно ли её распознать по невербальному поведению индивида.

Многим известен тот факт, что речь является далеко не единственным источником информации о нашем собеседнике. Значительную её часть составляют сведения, полученные при наблюдении за его невербальным поведением – тоном голоса, мимикой, жестами, положением тела в пространстве. По мнению психологов, невербальная коммуникация составляет около 80% коммуникации и осуществляется посредством невербальных знаков, представляющих собой многокомпонентную систему. На основе признаков намеренности-ненамеренности исследователи различают три типа невербальных средств: 1) поведенческие знаки (имеют физиологические реакции, такие как покраснение, побледнение, волнение, дрожь и т.д.); 2) ненамеренные знаки (связаны непосредственно с привычками человека, такими как покусывание губ, качание ногой без явных на то причин, почесывание носа); 3) собственно коммуникативные знаки (представляют собой конкретные сигналы, способные передавать конкретную информацию о событиях, объектах или состоянии человека [В.П. Морозов 1998]).

При общении для каждого из нас абсолютно естественно желание знать, с каким человеком мы имеем дело. «Слова используют лишь для того, чтобы

скрывать свои мысли», говорил Вольтер. Однако, хотя мы можем научиться идеально скрывать ложь, язык нашего тела всё равно выдаст правду. Особенностью языка телодвижений является то, что его проявление обусловлено импульсами нашего подсознания, и отсутствие возможности подделать эти импульсы позволяет нам доверять этому языку больше, чем обычному, вербальному каналу общения.

По мнению психологов-практиков, самым лучшим способом распознать ложь является внимательное наблюдение за интересующим нас субъектом, т.е. за его жестами и движениями тела. Главное – следует иметь в виду, что для того, чтобы прийти к какому-либо выводу, необходимо рассмотреть все невербальные сигналы, которые демонстрирует нам собеседник. Более того, эти сигналы не обязательно обнаруживают в человеке лжеца, они говорят только о том, что существует такая вероятность (см.: [И.Я. Мирошниченко 2006]). Далее обратимся к интерпретации некоторых подобных жестов.

Итак, замечено, что во время разговора человек, который старается скрыть правду, как правило, *не касается рукой груди*. Практически общеизвестным является и то, что если ваш собеседник *дотрагивается рукой до лица*, это движение можно расценивать как первую причину заподозрить его в неискренности (см.: [В.М. DePaulo 2004]).

Если собеседник *прикрывает рот рукой*, прижимая большой палец к щеке, мы можем заподозрить его в том, что он всеми силами пытается не выдать свои истинные намерения. Эти невербальные знаки могут сопровождаться покашливанием. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что если описанный жест используется не говорящим, а слушающим (реципиентом в коммуникации), то он будет значить ровно противоположное. Он показывает, что этот человек знает о попытках собеседника его обмануть. *Прикосновение рукой к носу* является другой версией того же невербального знака. Оно говорит о том, что на подсознательном уровне человек пытается прикрыть рукой рот, чтобы случайно не сказать правду, но вовремя производит замещающее движение. Лгущий мужчина с большей степенью вероятности будет *потирать веки*, в то время как женщина с подобным намерением будет *проводить пальцами по области под глазами*, как будто она поправляет макияж (см.: [И.Я. Мирошниченко 2006]).

Пытаясь скрыть или сфабриковать фактическую или эмоциональную информацию, люди подсознательно стараются избегать взгляда собеседника или отгородиться от него, *положив руку на ухо* или на *область рядом с ним*. Во втором случае этот жест может также показывать, что ваш собеседник уже достаточно выслушал вас и хотел бы высказаться сам (см.: [И.Я. Мирошниченко 2006]).

Другим явным показателем лжи является *разговор сквозь зубы*. Этот невербальный сигнал также демонстрирует то, что собеседник старается не проронить слова, выдающего его. В то же время, этот жест может означать, чрезмерную раздражённость собеседника, поэтому следует быть внимательными при чтении данного невербального сигнала (см.: [И.Я. Мирошниченко 2006]).

Еще одним жестом, выдающим ложь, является почёсывание шеи. Лжец, как правило, почёсывает *область под мочкой уха* или боковую часть шеи указательным пальцем правой руки. Представляет особый интерес следующий факт: лгущий человек обычно совершает 5 движений почёсывания. Кроме того, лжецы имеют тенденцию *оттягивать воротник* в то время, когда они говорят неправду. Считается, что ложь вызывает нечто вроде зуда в мягких тканях лица и шеи, что заставляет лгущего чесаться, чтобы ослабить неприятные ощущения. Если человек оттягивает воротник, то он подозревает, что его обман был раскрыт. При этом мы можем также увидеть капли пота на его лице. Однако этот жест также может означать, что собеседник не может сдержать гнева и пытается охладиться. Поэтому для того, чтобы распознать, лжет ли он, можно задать ему дополнительный вопрос, чтобы выяснить его состояние (см.: [И.Я. Мирошниченко 2006]).

Существуют и другие невербальные знаки, помогающие распознать ложь. Например, *физическое выражение поведения* лжеца ограничено: он совершает небольшое количество движений руками и ногами, причем эти обычно производятся с небольшим отклонением от тела – таким образом лжец занимает меньше пространства (см.: [В.М. DePaulo 2004]). В процессе общения лжец, стремясь скрыть истину, может отклониться от собеседника, так как он чувствует дискомфорт в его присутствии, либо помещает, часто неосознанно, посторонние предметы (книгу, чашку кофе и т. д.) между собой и собеседником, чтобы отгородиться от него (см.: [М. McClish 2013]).

Также следует обратить внимание на несоответствие жестов, выражающих *эмоции*. Если человек лжёт, продолжительность эмоциональных жестов и их распределение во времени отклоняются от нормы. При этом эмоция выражается с задержкой, а затем остаётся на лице дольше, чем оставалась бы, будь она естественной (вплоть до 10 секунд). Может быть нарушено равновесие между вербальным и невербальным выражением эмоции. Например, собеседник говорит: «Мне это нравится!», когда принимает подарок, и улыбается после того, как произнёс эту фразу, а не одновременно с речевым выражением одобрения. Кроме того, жесты и выражения лица лжеца обычно не соответствуют тому, что он говорит. Например, человек может нахмурить брови, признаваясь в любви (см.: [М. McClish 2013]).

Следует уделить особое внимание тому факту, что выражения лица человека, пытающегося подделать какую-либо эмоцию, обычно сводятся только к движениям рта. Например, когда человек улыбается естественно, в этом процессе участвует всё его лицо (см.: [М. McClish 2013]).

Более того, внимательное наблюдение поможет уловить *микровыражения лица*, выдающие лжеца. Микровыражение – это мгновенное неконтролируемое изменение выражения лица, которое люди демонстрируют неосознанно, когда пытаются скрыть эмоции. Следует запомнить основные признаки микровыражений лица:

1. Крайне малая продолжительность. Микровыражение может появиться и исчезнуть с лица говорящего за долю секунды. Другими словами, микровыражения исчезают так быстро, что большинство людей даже не замечает их.

2. Неосознанность и неконтролируемость. Микровыражение возникает как результат неконтролируемых движений мышц лица (см.: [М. McClish 2013]).

Некоторые американские учёные считают, что направление движения глаз может также помочь обнаружить ложь собеседника. Согласно теории визуального моделирования, типичный правша, когда ему задают вопрос, как правило, смотрит (с позиции собеседника):

1) Влево вверх, если его просят, например, представить себе «изумрудного страуса». Человек будет смотреть в этом направлении, «визуально конструируя» образ изумрудного страуса в сознании.

2) Вправо вверх, если его спросят: «Какого цвета был первый дом, в котором вы жили?». В таком направлении будет двигаться взгляд человека, «визуально вспоминающего» цвет дома своего детства.

3) Влево, если его попросят попробовать представить самый высокий звук. Человек будет смотреть в этом направлении, «аудиально конструируя» этот звук, который он никогда не слышал.

4) Вправо, если его просят вспомнить голос его матери. В таком направлении будет двигаться взгляд человека, «аудиально вспоминающего» этот звук.

5) Влево вниз, если его просят вспомнить запах костра. Человек будет смотреть в этом направлении, вспоминая запах, ощущение или вкус.

б) Вправо вниз, если человека попросят произвести внутренний диалог

Взгляд прямо вперёд и расфокусированный взгляд также рассматриваются как признаки визуального моделирования. Что касается левши, для него все направления меняются на противоположные. Таким образом, отслеживая направление движения глаз собеседника, мы можем предположить, стремится ли он скрыть истину (см.: [М. McClish 2013]).

Однако следует понимать, что как бы ни заманчивы были перспективы «читать человека как книгу», очевидным, по мнению исследователей в области невербалики, является тот факт, что если мы подозреваем человека в преднамеренной лжи, мы не можем делать никаких выводов только из-за того, что обнаружили один или два описанных выше признака у собеседника. Невербальное поведение человека в момент общения необходимо сравнить с его типичным невербальным поведением, если это возможно. Большинство экспертов в выявлении лжи сходятся во мнении, что для грамотного анализа необходимо рассмотреть совокупность невербальных и вербальных знаков, демонстрируемых собеседником (см.: [М. McClish 2013]).

Цитируемая литература

DePaulo B.M. Nonverbal signs of lying [Электронный ресурс] // Truth about deception / B.M. DePaulo, J.J. Lindsay, B.E. Malone, L. Muhlenbruck, K. Charlton, H. Cooper. – 2.09.2004.; Режим доступа: <http://www.truthaboutdeception.com/lying-and-deception/detecting-deception/nonverbal-cues.html> (Дата доступа: 2.04.2014)

McClish M. Eye movement and lying [Электронный ресурс] // Bifaloo. Temporary boredom relief. – 10.04.2013.; Режим доступа: http://www.blifaloo.com/info/lies_eyes.php (Дата доступа: 2.04.2014)

McClish M. How to detect lies [Электронный ресурс] // Bifaloo. Temporary boredom relief. – 10.04.2013.; Режим доступа: <http://www.blifaloo.com/info/lies.php> (Дата доступа: 2.04.2014)

McClish M. Micro expressions, subtle body language and lying [Электронный ресурс] // Bifaloo. Temporary boredom relief. – 10.04.2013.; Режим доступа: <http://www.blifaloo.com/info/microexpressions.php> (Дата доступа: 2.04.2014)

Мирошниченко И.Я. Как определить, что Вам врут? Азбука жестов [Электронный ресурс] // Школа жизни. – 19.09.2006.; Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-1162/> (Дата доступа: 2.04.2014)

Знаков В.В. Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана: Послесловие к кн.: Экман П. Психология лжи / В.В. Знаков. – СПб.: Питер, 1999. – 281 с.

Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация / В.П. Морозов. – М.: ИП РАН, Центр «Искусство и наука», 1998. – 164 с.

Экман П. Психология лжи / П. Экман – СПб: Питер, 2007. – 272 с.

Аспирант В.В.Соломина (Волгоград)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение оппозиции «свой – чужой» в рамках лингвистической парадигмы включает исследование языковых средств, которые ее объективируют. Цель данной работы – анализ имеющихся подходов к классификации вербальных средств репрезентации данной оппозиции, их систематизация и дополнение.

Среди всего многообразия подходов к систематизации средств, объективирующих интересующую нас оппозицию, отметим классификацию 1) М.Н. Петроченко (2005), представленную двумя группами средств – синтагматическими (семантика раскрывается по ходу разворачивания текста) и парадигматическими (наличие семантики «свойственности» или «чуждости» в качестве культурного компонента у лексической единицы); 2) А.Н. Серебренниковой (2004), разграничивающей внутрисловные и контекстные средства репрезентации оппозиции «свой – чужой»; 3) Е.И. Шейгал (2000), выделяющей эксплицитные и имплицитные способы репрезентации данного противопоставления; 4) О.Л. Михалёвой (2004), систематизирующей языковые средства по уровням языка, а именно лексическому, морфологическому и синтаксическому; 5) Р.Н. Порядиной (2002), предлагающей градацию внутри категории свойственности – чуждости и относящей к прототипам этой категории семантическую, грамматическую и лексическую области. Не оспаривая уже существующие типологии, мы склонны классифицировать средства экспликации оппозиции «свой – чужой» согласно уровням языковой системы,

так как думается, что именно такой подход обладает наибольшим пояснительным потенциалом.

Следует указать, что к ядерным средствам выражения оппозиции мы относим единицы лексического уровня и в первую очередь лексемы *свой* и *чужой*. Ближе к периферии располагаются словообразовательные, синтаксические, прагматические средства. Их выбор, как правило, варьируется в зависимости от жанрообразующих особенностей и типов коммуникации. Остановимся подробнее на анализе ядерных средств вербализации оппозиции «свой – чужой». Нами были выделены группы лексических средств, одновременно или самостоятельно выражающих идею свойственности – чуждости.

Идея свойственности – чуждости может выражаться с помощью:

1. Лексических единиц с семантикой «своё» – «чужое»: *Аграрная партия может привлечь на свою сторону не только свой традиционный электорат...* («Время МН», 2003). В данном примере лексема *свой* помогает охарактеризовать привычный, характерный круг *своих* избирателей, на которых рассчитывает партия (здесь и далее используются примеры из Национального корпуса русского языка [URL: www.ruscorgo.ru]).

2. Лексические единицы разных частей речи, указывающих на пространственную и временную локализацию объектов: *здесь / там, вместе / врозь, этот / тот, раньше / сейчас* и т.д. Пространственно-временные условия, в которых происходят события, способствуют очерчиванию круга «своих» и «чужих», так из примера: *В театре они сидят мрачно. Мысли не здесь...там, далеко...дома* (Л. Утесов, Спасибо, сердце), становится понятным, что смысл «свой – чужой» передается путем противопоставления пространственных координат *здесь* – это чужое пространство и *там* – дома – это свое пространство, более того в данном примере мы находим следы архетипического представления о пространстве, где дом – это всегда «свое».

3. Слова-усилители, создающие эффект отчуждения: *Заставил перевязать Зверева, промыть ему нос и **вышвырнуть** из больницы вон* (З. Плавинская, Отражение) или эффект присвоения: *А Колька был в не сравнений (хотя сравнения по привычке возникали, но всегда в его пользу). Он был **родненький, вторая Лидина половинка*** (О. Некрасова, Платит последний).

4. Внедрение семантических компонентов иностранных слов в лексическое значение общелитературных слов, звучащих в политических текстах (чувствительные товары, прозрачная экономика, амбициозные цели, суверенная демократия). Часто новые термины заменяют или подменяют уже существующие понятия, но являясь не всегда понятными, они помогают говорящему (чаще всего политику) дистанцироваться от адресата, скрыть свои истинные цели и преподнести информацию в нужном свете.

Президент перевел на простой язык понятие «суверенная демократия», которое не так давно было введено в политический оборот («Известия», 2007). Речь в данном примере идет о новом термине, который еще не стал общеизвестным и требует некоторых пояснений. Данный факт заставляет политиков оговаривать тот смысл, который они в него вкладывают.

5. Лексические единицы, образующие противопоставления с нейтральным эквивалентом: танцевать – дрыгаться, миролюбие – примиренчество, свобода – вседозволенность, патриотизм – национализм, собрание – сборище, усилия – потуги, сподвижник – пособник, мать – мачеха.

Приходит иногда и молодежь, но, как выяснилось, ни петь, ни плясать (не **дрыгаться** и **дергаться**), а именно **плясать** они не умеют («Труд-7», 2000). В примере противопоставлены лексемы дрыгаться, дергаться, которые в данном случае передают смысл «чужой» и лексема плясать, эксплицирующая категорию «свойственности».

6. На идею «свой – чужой» могут работать различные местоимения: *Он говорит – короче, я все придумал. Мы с тобой поступим вот так. А я смотрю на них – как они там возьмется рядом с дверью, и думаю – только бы они не порезались чем-нибудь* (А. Геласимов, Жанна). Мы с тобой подчеркивает идею единения героев, отделяет их от остальных деятелей.

7. Глаголы, обозначающие способ действия в «своем» мире и в «чужом». Здесь можно выделить следующие подгруппы глаголов: а) глаголы со значением обладания и принадлежности: *иметь, владеть, обладать*; б) глаголы со значением восприятия органами чувств: *видеть, смотреть, глядеть, слышать, слушать*; в) глаголы со значением эмоциональных состояний; г) глаголы с семантикой ментального действия: *знать, понимать, помнить* и т.д.

8. Потенциал выражения смысла, представленного оппозицией «свой – чужой», имеют в себе междометия. Будучи спонтанной эмоциональной реакцией говорящего на происходящие события, междометия усиливают семантику отчуждения или свойственности. Например: *Жоржик, – думала Анна Андреевна. – Фу, какой отвратительный Жоржик! – думала Анна Андреевна* (В. Аксенов, Звездный билет).

Отдельно выделим группу потенциальных средств экспликации семантики чуждости:

1. Лексические единицы, обозначающие человека насильно или добровольно покинувшего «свой» мир: отшельник, отшелец, отщепенец, отступник и т.д.: Он часто повторял: надо больше выступать в средствах массовой информации, писать статьи, а то живу как **отшельник**, оторванный от всей жизни (А. Висков, Наследник апостола Иоанна).

2. Использование обобщенных номинаций, которое приводит к тому, что явление мыслится говорящим не как нечто конкретное, а как что-то абстрагированное от говорящего, что отдаляет его от адресата и позволяет снять с себя ответственность за высказывание.

3. Некоторые местоимения с -нибудь: Меня много раз подмывало уйти из дому и поселиться **где-нибудь** в **другом** месте (В. Белоусова, Второй выстрел).

4. Местоименные определители, такие как всякий и какой-то, например: Помните, в кино – идут солдаты..., **какой-то** косогор, разбитая вдрызг дорога, погода плохая, солдаты идут с вещмешками и винтовками... (Е. Гришковец, Однoврeмeннo). *Какой-то косогор* показывает отчужденность объектов действия от той местности, на которой они находятся. Она для них чужая, незнакомая, неважная, даже в какой-то мере безразличная.

5. Полипрефиксальные интенсивные глаголы в сочетании с указательными или неопределенными местоимениями (понаприедут, рассядутся + тут/ здесь +всякие/ какие-то: *Раньше хорошо было, а сейчас горожане поприедут оттуда, да полужелтую повытаскивают (ягоду). Сейчас ниче не понимают* (пример А.Н. Серебренниковой).

6. Иноязычная лексика. Размытое семантическое значение иноязычного слова препятствует четкой и ясной характеристике действий, скрывает истинную позицию говорящего. *Все три исторических события в российской экономике имеют некий общий стержень: нашей экономике явно нужны базовые структурные реформы, чтобы она, наконец, начала расти увереннее и быстрее. Нужны инвестиции – свои и заморские. А политические и хозяйственные игры на министерских постах – уже не **комильфо*** («Известия», 2003). В приведенном примере употреблено французское слово *комильфо* («согласно правилам, как следует»), которое помогает автору завуалировано, в уважительной форме показать степень своего недовольства, несогласия с властью. Проявляющийся смысл «чужой», дистанцирует адресанта от того беспорядка, который происходит на министерских постах и одновременно делает тонкий намек на необходимость тех предложений, которые выдвигает именно он.

Идею своего, свойственности могут передавать:

1. Лексемы со значением совместности: вместе, все, единый, союз, объединение: *Бывшие клиенты компании считают себя обманутыми и собираются **объединяться**, чтобы **вместе** идти в суд* («Комсомольская правда», 2011).

2. Лексические единицы с компонентами совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией ‘я свой’: *друзья, товарищи, братья и сестры, россияне, дорогие товарищи, земляки, мужики и др.: Вот, **дорогие товарищи** пламенные революционеры, обращался к ним Гоша* («Октябрь», 2003).

3. Имена собственные. По мнению А.Б. Пеньковского «свой» мир может быть охарактеризован в виде уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности имен собственных в единственном числе. Грамматическое значение единственного числа исследователь связывает с идеей о важности каждого элемента «своего» мира, так как каждый в нем представлен индивидуально. Рассмотрим это на примере: Если вы член диаспоры, то за вас заплатят и проведут по всем структурам, а **русский Ванька** мыкается («Комсомольская правда», 2004).

Анализ различных средств вербализации оппозиции «свой – чужой» позволяет отметить средства лексического яруса как наиболее яркого в плане проявления исследуемой оппозиции. Однако для изучения категории свойственности и чуждости не менее значимыми являются и языковые средства других уровней языковой системы.

Список литературы

Михалёва, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Михалёва Ольга Леонидовна. – Иркутск, 2004. – 289 с.

Петроченко, М.Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Петроченко Мария Николаевна. – Томск, 2005. – 227 с.

Порядина, Р.Н. О семантической категории «свойственности» в русском языке / Р.Н. Порядина // Картина мира: модели, методы, концепты / Мат. Всерос. междисциплинарной шк. мол. ученых. – Томск, 2002. – С. 74-80.

Серебренникова, А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Серебренникова Анна Николаевна. – Томск, 2004. – 213 с.

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград. : Изд-во Перемена, 2000. – 386 с.

Докт. филол. наук В.И. Шаховский (Волгоград)

ДЕРИВАЦИЯ ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ
НЕОЛОГИЗМЫ
(К проблеме эмотивной лингвоэкологии)

Мы должны принять тот факт, что либо мы умрём вместе, либо будем жить вместе; и если мы выбираем последнее, то нам необходимо общаться.

Э. Рузвельт

А как показывает жизнь, общаться без эмоций нельзя. Люди и рождаются, и живут, и умирают в сопровождении более пяти тысяч эмоций. К сожалению, библиотека эмоций пока не составлена никакой наукой. Поскольку голос эмоций вокруг себя необходимо опознавать и адекватно реагировать на него, человек должен обладать сформированной эмоциональной/эмотивной компетенцией. Известно, что все эмоции дискурсивны, а потому дискурсивна и природа смыслов. И рациональных, и эмоциональных.

Без эмоций коммуникация не существует. Даже в бизнесе, в дипломатии, в науке – сферах, которые до настоящего времени многими учёными ещё считаются неэмоциональными. И сеть Интернет изначально тоже была сферой рационального общения, а теперь в ней в открытую кипят человеческие страсти. И вот уже понадобились юридические регуляторы такого общения, поскольку коммуникация – это больше, чем передача информации. Поскольку мы говорим/пишем и чувствуем/переживаем одновременно, то мы транслируем/воспринимаем эти переживания.

Как известно, в процессе коммуникации производятся смыслы, которые объединяются в поля. А смысловые поля у коммуникантов никогда не совпадают. Это объясняется тем, что все коммуниканты — языковые Личности. У каждой языковой Личности индивидуальная языковая картина мира. Поэтому смысловые поля не могут совпадать полностью. И в процессе общения коммуникативным партнёрам часто бывает трудно (а порой и невозможно) координи-

ровать смыслы одних и тех же слов: прагматика говорящего не адекватна прагматике слушающего.

Особенно это относится к сфере эмоциональных смыслов. Все речевые действия имеют эмоциональные последствия, которые могут быть сиюминутными или отсроченными. Последние могут быть более обострёнными, как, например, хитрость и коварство (всегда обман), которые обнаруживаются через некоторое время. Любого умного человека хитрый и коварный может обманывать долгое время. Но это не значит, что обманываемый — глупый. Он искренне верил, а его надули неискренние. И уж точно не любой негатив, запоздало опознанный, можно исправить на позитив; и тем горше для обманутого будет дальнейшее восприятие этого хитроумного обманщика.

Вечная лингвистическая проблема «Язык и Общество» в парадигме коммуникологии [Матьяш, 2011] приобретает новое звучание и превращается в голографическую проблему, так как коммуникология обнаруживает в ней бесчисленное множество граней. Одной из таких граней является роль эмоций во взаимодействии языка и общества [Шаховский, 2008]. Именно благодаря изучению этого взаимодействия и вскрыты новые механизмы развития языка, как в его прогрессе, так и в его разрушении. Но это и есть диалектика языка: всё движется по спирали. А поскольку и общество движется по спирали, то язык не может не реагировать на это движение общества. А в нём сейчас явная эскалация напряжения, то есть тенциональности. Одной из форм реагирования языка на эту тенциональность является языковая игра с включёнными в неё эмоциями игроков. Потенциал этого очень креативного способа бесконечен. Одним из видов этой игры является разного рода смысловая деривация лексики, фразеологии, малого синтаксиса. Напомним высказывание О. Есперсена: “Words are milestones of history”. Поэтому по дериватам, рождённым языковой игрой в современный период, исследователи будущего могут представить и описать напряжённость истории отражённого в словах периода, то есть в его репрезентантах (многочисленные примеры таких milestones см: [Кронгауз, 2013]).

Самыми яркими продуктами языковой игры в современном русском языке являются бленды различной формации. Словообразовательный процесс блендинга по духу полностью отвечает закону экономии языка, в одной из его форм – компрессии. Блендинг (телескопия) для русского языка является относительно новым, но чрезвычайно продуктивным средством словообразования. Ещё недавно само слово *бленд* было новым контекстуальным понятием (далее – НКП – *В.Ш.*). А теперь с его помощью ежедневно рождается множество НКП. Достаточно, например, выйти на сайт «Слово года» [www.snob.ru/profile/27356/blog/69362], созданный М.Н. Эпштейном. Приведём примеры НКП: *трендить, смысловики, размандатить, дешёволёты* (а позже – *добролёты*), *печалька, трезвое опьянение, десциенция, лайкбище, интеллигены, пусточатиться, капитализация счастья* и др.

Приведём примеры лексических блендов: *автостерва, наркомат, планолизировать, евромайдан, креакл, депардировать, диссергейт, жритель, инобуквица, первопрохладец, дружестранец-вражестранец* и др.

Все концептуальные и лексические бленды являются эмоциональным реагированием на «злобу дня» современного общества. Так, например, не успел М.Ходорковский обустроиться в Германии, как к нему потянулись журналисты из России, которых народ тут же поименовал *ходорки* (по аналогии с *ходоки к Ленину*). Военнослужащие без шевронов в Крыму тут же получили в народе название *вежливые люди*. В дискурсе Comedy Club было рождено НКП, которое получило лексикализацию *бабушка-трансформер*. В контексте современного экономического спада появилась идиома *полёт рубля*. В контексте декабрьских событий на Украине для их эмоциональной репрезентации появился бленд *евромайдан*. В контексте бурного технического прогресса, породившего цифровые бытовые приборы (фотоаппараты, телевизоры и т.д.), родились НКП в форме композитов *цифровая зависимость* и *цифровое слабоумие* (по аналогии с наркозависимостью). Эти и им подобные НКП появились сначала в форме семантической идеи, потом прошли концептуализацию (осмысление) и вербализацию. Эти вербемы вышли из лона своего дискурса и вошли в обиход. И кто же будет оспаривать эмоциональную подоплёку этих смысловых блендов?

В заключение приведём ещё несколько новообразований, активно функционирующих в различных жанрах. Прежде всего, в СМИ, в сети Интернет, в бытовом дискурсе. Они отражают реакцию языка и его носителей на современную жизнь социума: *эгохондрия*, *криминальный интернационал*, *антиязык*, *расслабухать*, *голубое хобби*, *неопатия* и др.

Разумеется, не все эти НКП и их лексикологизованные формы являются неологизмами. Некоторые из них – пока ещё окказионализмы, которые могут перейти (а могут и не перейти в неологизмы), а затем в обиходные слова, которые будут зафиксированы в новых словарях. Они производят адекватный эффект только на тех пользователей языком, которые имеют хотя бы частичный общий эмоциональный координационный центр и включены в соответствующий дискурс.

Коммуниканты должны на уровне ощущений, а не на уровне словоформ одинаково воспринимать смыслы друг друга. В связи с этим напомним замечательные слова Д. Конрада, которые подтверждают всю концепцию лингвистики эмоций в парадигме коммуникологии: «Как бы я хотел, чтобы Вы читали моё письмо в таком же состоянии духа, в каком и я пишу Вам своё письмо».

Это высказывание обращает внимание коммуникантов на необходимость их настройки друг на друга ещё до начала разговора, на чём настаивал и Д. Гоулман в своей знаменитой книге об эмоциональном интеллекте [Гоулман, 2008]. Другого выхода у нас нет, если мы хотим общаться друг с другом (см. эпиграф). А это значит, что общаться экологично.

Литература

Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: эмоции как фактор корпоративного успеха // Даниэл Гоулман, Ричард Бояцис, Энни Макки // Действенное лидерство. Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – С. 32-56.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D (+ CD-ROM). – СПб.: Астрель, Corpus, 2013. – 496 стр.

Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матьяш. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с., ил.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Студентка Ек.А.Шишкина (Ульяновск)

ПРОКСЕМИКА: КУЛЬТУРНЫЙ, ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА

Как часто мы задумываемся о том, насколько важно сохранять дистанцию с теми или иными людьми в процессе социального взаимодействия? Наверняка, каждый замечал, что в процессе межкультурного общения нередко возникают разногласия, не имеющие под собой каких-либо очевидных причин. А так ли обосновательны эти разногласия? В решении таких вопросов, связанных с невербальными компонентами коммуникации и помогает подробное изучение проксемики.

Как отдельная наука, проксемика (от лат. «ближайший») возникла в середине XX столетия. Её отцом и основным деятелем принято считать Эдварда Холла (1914-2009), американского антрополога, который сам определял проксемику как взаимосвязанные наблюдения и теории использования человеком пространства как специализированную особенность, которая обусловлена его культурой.

Сохранение определённой дистанции между коммуникантами достаточно четко нормировано в различных социальных группах и в социуме в целом, что объясняется спецификой культурно-генетических ареалов, имеющих свои традиции [Конецкая 1997: 83].

Согласно российскому исследователю В.П.Конецкой, проксемика является одной из неотъемлемых составляющих невербальной коммуникации, которая способна к актуализации признаков социальной дифференциации и соответственно, представляет собой одну из доминант социального общения.

Наиболее интересным в рамках данного исследования, является тот факт, что Холл выделяет 4 зоны межсубъектного пространства: 1) Интимную (0-0,5 м.); 2) Личностную (0,5-1,2 м.); 3) Социальную (1,2-3,65 м.), 4) Официальную (3,65 м. и более)

Интимная зона – это расстояние между людьми от непосредственного соприкосновения до 0,5 метра. Такая дистанция свидетельствует об очень близких отношениях собеседников (разумеется, за исключением случаев, когда незнакомые люди оказываются тесно сгруппированными не по своей воле, например в общественном транспорте). Вынужденное уменьшение межличностного пространства обычно вызывает дискомфорт, поскольку в толпе возникает тесный физический контакт с совершенно незнакомыми людьми [Семечкин 2004: 181].

Личностная зона устанавливается в пределах от 0,5 до 1,25 метра. Она характерна для общения людей, имеющих дружеские отношения, или между близко знакомыми индивидами [Семечкин 2004: 181].

Социальная зона более протяженна и простирается примерно от 1,25 до 3,5 метра. Такое расстояние сохраняется у людей, вовлечённых в деловые взаимоотношения или другие социальные взаимодействия. Эта дистанция поддерживается во время взаимодействия покупателя и продавца, студента и преподавателя и т.п., причём крайний предел данной зоны свидетельствует либо о весьма формальных, либо о достаточно напряжённых отношениях [Семечкин, 2004: 181].

Официальная (публичная) зона колеблется в пределах от 3,5 до 7,5 метра. Данная дистанция свидетельствует о совершенно официальном характере общения. Это могут быть дистанции во время публичных выступлений, общения с официальными лицами, торжественных ритуализованных мероприятий [Семечкин 2004: 181].

Классификация Холла свидетельствует о том, что наиболее близкие отношения предполагают наименьшую межличностную дистанцию. Более того, дистанция между друзьями и хорошими знакомыми имеет тенденцию к уменьшению в отличие от оптимальной дистанции, сохраняющейся между незнакомыми людьми. Поскольку степень близости и межперсональная дистанция столь тесно связаны между собой, мы часто используем дистанцию для передачи другим людям своего отношения к ним. Посредством дистанции можно также устанавливать новые и изменять уже старые, сложившиеся отношения [Семечкин 2004: 181].

Необходимо уточнить, что у некоторых людей «чувство дистанции» может быть нарушено. Проявляется это либо в том, что собеседник, не отдавая себе отчёта, приближается настолько близко, что буквально дышит вам в лицо, что, разумеется, заставляет вас отступать шаг за шагом. Другое проявление отсутствия чувства дистанции обнаруживается в противоположной тенденции, когда собеседник предпочитает разговаривать с дистанции 3 метра и более, так что вам приходится напрягать и слух и голос, чтобы слышать и отвечать ему [Семечкин 2004: 181].

Конечно, этот ваш собеседник может оказаться человеком с вполне здоровым и нормальным чувством дистанции, но выходцем из Латинской Америки, Средиземноморья, Индии или из других стран, где имеется высокая плотность населения. Во всех этих странах и регионах устанавливается меньшее межперсональное пространство, чем в Северной Европе или в Северной Америке. В целом, здесь просматривается такая закономерность: чем выше плотность населения в стране, тем меньшая межличностная дистанция устанавливается при общении и наоборот. Эта закономерность нашла отражение в традициях и культурных нормах [Семечкин 2004: 182].

Но и внутри одной культуры имеются различия - относительная величина интимной зоны в каждый конкретный момент зависит от внешних и внутренних обстоятельств, а точнее, от двух факторов. Во-первых, от статуса того, с кем происходит беседа, и, во-вторых, от собственного настроения в данную

минуту. Чем увереннее человек себя чувствует, тем ближе он может подпустить к себе другого [Конецкая 1997: 83].

В процессе ведения переговоров и общения в целом использование такого средства невербального общения как пространство между собеседниками является одним из ключевых аспектов на пути к успешному достижению цели коммуникации. Неправильное же использование данного невербального средства может привести не только к непониманию между собеседниками, но и к возникновению как скрытой, так и открытой неприязни и даже агрессии. То расстояние, которое вы сохраняете при беседе с людьми, говорит очень многое об уровне вашей культуры и о характере вашей личности. Но стоит помнить, что данный аспект невербальной коммуникации может иметь различное значение для людей различных культур.

Литература

Конецкая В.П. Социология коммуникаций. Учебник. - М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997 - 304 с.

Семечкин Н.И. Социальная психология: учебник для вузов. – Спб.: Питер, 2004. – 376 с.

Hall E.T. *The Hidden Dimension*, Doubleday, Garden City, N.Y., 1966 – 240 p.

Baldassare, M.; & Feller, S.: Cultural Variations in Personal Space: Theory, Methods, and Evidence. *Ethos*, vol. 3, no. 4, 1975, pp. 481-503.

Канд. филол. наук И.Ф. Шувалов (Пенза)

НОВООБРАЗОВАНИЯ, СОЗДАВАЕМЫЕ ПУТЁМ СЛОЖЕНИЯ СЛОВ, В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТ

1. В последние десятилетия (конец XX – начало XXI вв.) в языке публицистики происходят заметные изменения. В частности, появляется большое количество новых, как бы не соответствующих нормам русского языка словесных единиц. Тенденция к нарушению когнитивных и языковых стереотипов поддерживается публицистами при помощи, в частности, нестандартных языковых образований. Как правило, многие из них употребляются только в определённых речевых ситуациях и не более одного раза, заключаются иногда в кавычки и имеют ту или иную стилистическую окраску.

2. Среди последних новообразований обратим внимание на сочетания слов, соединённые посредством дефиса или тире в одну единицу. В абсолютном большинстве это двусловные образования. Они обычны для русского языка и в данной работе нами не рассматриваются, хотя в них много необычных сочетаний. Значительный интерес представляют многословные образования, которые всё чаще появляются на страницах газет. Они могут состоять из трёх и более слов, например: "...здесь на кону стояли не жалкие **рубли-динары-доллары**, а великие государства" ("Советская Россия", 144 – 2011: первая цифра обозначает номер газеты, а вторая – год издания); "*Общество стало предьявлять к*

песням утилитарные требования: под них должно быть комфортно **выпивать-закусывать-заниматься фитнесом** и, если приспичит, даже вздремнуть" ("АиФ", 34 – 2011).

3. Такие образования могут состоять:

1) из имён существительных: "**Кроме завтрака-обеда-ужина есть ещё полдник**" ("АиФ", 41 – 2011);

2) из глаголов: "**И пока маленькую Любашу крутили-вертели-пеленали медсёстры, они ломали ей руки и ноги**" ("АиФ", 41 – 2011);

3) из прилагательных: "**Наши "мужской-женский-средний"** (роды – И.Ш.) часто опираются не на смысл слов, а просто на традицию" (ж. "Русский репортёр", 9 – 2008);

4) из числительных (в сочетании с существительным): "**...они приходят за помощью, но при этом хотят, чтобы всё сделано было за час-два-три**" ("Улица Московская", 4 – 2009);

5) из наречий: "**Практика "туда-сюда-обратно"** – вечная болезнь нашей армии" ("Аргументы недели", 50 – 2013);

6) из субстантивированных прилагательных и причастий: "**Но тот, кого нельзя называть, снова вставляет палки в колёса всему разумному-доброму-вечному**" (газета "ПРОгород", 26 – 2012);

7) из имён собственных: "**Тот самый случай, когда можно смело сказать: "Там были все". И... Жанна Агузарова, ... и чемпионы мира по хоккею Морозов-Овечкин-Ковальчук...**" ("АиФ", 24 – 2008);

8) из сочетаний слов разных частей речи (и даже из словосочетаний): "**Чем дальше от города, тем экзотичней ассортимент приبلудных торговцев: ручки-батарейки-газеты-три-по-цене-одной** сменяют россыпи домашних пирожков" ("Комс. пр."-Т, 21-28 янв. 2010; далее – "КП").

4. Подобные образования выполняют в языке различную роль. На наш взгляд, основная из них – создание определённых обобщённых понятий путём ассоциативных связей, возникающих между несколькими близкими по каким-либо признакам представлениями, исходящими из слов одного ряда, за счёт чего создаётся экономия языковых средств. Так из сочетания четырёх глаголов во фразе "**Я чищу-драю-убираю-мою, плюю на маникюр, забывая про перчатки**" ("КП", 31 окт. – 7 нояб. 2013) возникает представление о **большой постоянной домашней работе** (или уборке), воспринимаемой как единый (цельный) процесс, который передаётся словами одного тематического ряда. Этот ряд, разделённый запятыми, такого цельного представления, на наш взгляд, не давал бы. Для его создания пришлось бы использовать несколько описательных предложений.

5. Особенно ясно это цельное представление проявляется при терминологизации и фразеологизации таких сочетаний, например: "**Отвечает Сергей Г., врач-психиатр-нарколог высшей категории**" ("АиФ", 10 – 2013); "**В маршрутке кто-то диктует свой телефон: 67-66-68. Сидящая рядом барышня диким шёпотом произносит: "Это что – грудь-талиа-бёдра?"**" ("Коммунальная правда", 33 – 2011). Явный усилительный характер имеют образования, состоящие из повторяющихся слов: "**...врачам выгодно, чтобы он прожил как можно**

дольше и платил-платил-платил" ("Улица Московская", 47 – 2008). Сочетания из прилагательных или наречий, кроме передачи прямых номинативных признаков, могут создавать образные представления с различной эмоционально-экспрессивной окраской, от высокой до сниженной, с различными оттенками, например: "...его оформили в приятной **сиренево-бело-вишнёвой гамме**" ("АиФ", 44 – 2009); "**Монопольно-мафиозно-бюрократический гибрид всё захватил в стране**" ("АиФ", 25 – 2007); "...шутники, которые немногим лучше **"петросяно-мартиросяно-анислаговских соплей"**" ("Лит. газета", 14 – 20.03.07). В отдельных случаях образования, состоящие более чем из трёх слов, создают яркие образные картины, заменяющие целые абзацы, например, в эссе О. Кучкиной о В. Аксёнове, в глазах которого **"таилось нечто неспешно-замкнуто-небрежно-насмешиливо-доброжелательно-любопытствующее..."** ("КП", 19-26 дек. 2013); и передают даже определённые периоды жизни человека: **"Для женщины "развитая" часто значит "свидание-поцелуй-признание-секс-жить вместе-фата-свой дом-дети" и вроде ничего плохого**" ("КП", 1-8 авг. 2013).

6. Из-за своей редкой употребительности рассматриваемые образования остаются малоизученными. До конца не определён и их статус. В самом деле, что это за языковые единицы? – Сложные слова, однородные члены, особый тип словосочетаний, многоосновные слова с ассоциативной внутренней связью и т.д. Каковы их функции? В ответах на эти и другие вопросы пока нет единства. Поэтому они требуют дальнейшего пристального изучения.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

*Канд. филол. наук Ю.Г. Алексеев, студ. С.А. Маркин,
студ. А.А. Фильчева (Ульяновск)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР

Индустрия видеоигр в последнее время развивается быстрыми темпами. В Россию большая часть видеоигр поступает из США, поэтому все они требуют как лингвокультурной адаптации, так и языковой локализации. Под лингвокультурной адаптацией понимают приспособление исходного текста, как фрагмента отображения объективной и общественной действительности, к социально-культурным условиям общественной действительности народа-переводчика [Н.А.Фененко 2001: 70]. Локализация программного обеспечения — это процесс адаптации программного обеспечения под конкретные национальные требования [Л.А.Шерешевский 2004: 34].

В видеоиграх помимо сценария переводятся все всплывающие подсказки, игровые диалоги, статистика и «help» (справочные материалы). Также в игре локализуется весь звук. В таких случаях дублируются все диалоги персонажей [А.Пашутина 2004: 1]. Локализации подвергается не только текст, но и некоторые графические объекты и игровые эпизоды. Это может произойти из-за нарушения юридических норм и законов страны. Примерами таких стран могут служить Япония и Австралия. В первой стране, игры, содержащие сцены жестокости и насилия, зачастую подвергаются цензуре, а во второй и вовсе запрещаются к продаже. В российской практике известен лишь один случай цензурирования: в экшене от первого лица «Call of Duty: Modern Warfare 2» в российской версии продукта была вырезана сцена расстрела мирных граждан в российском аэропорту. Из самых свежих примеров стоит упомянуть Германию, в которой игра «South Park: the Stick of Truth» была запрещена из-за изображений свастики.

Кроме технического аспекта языковой локализации выделяют культурологический. Работа с данным аспектом является самой сложной и самой интересной частью работы локализатора, так как именно в видеоиграх данный аспект зачастую представлен неявно, а соответствующие технические ограничения заметно усложняют работу переводчика.

Изучение социокультурного фона и лексики, отражающей его, представляется необходимым в целях более полного и глубокого понимания оригинала и воспроизведения сведений об этих ценностях в переводе с помощью языка другой национальной культуры [К.А.Пиксайкина: 1].

Социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности и отраженные в языке данной национальной общности, называют фоновой информацией. Последняя включает в себя специфические факты истории, особенности государственного устройства и географической

среды национальной общности, характерные предметы культуры, фольклорные понятия – то, что в теории перевода называют реалиями [В.С.Виноградов 2001: 36].

В целом понятие слова-реалии можно охарактеризовать как языковые единицы, обозначающие элементы «чужой» культуры, имеющие национальную, историческую, местную или бытовую окраску, не имеющие эквивалентов в других языках и культурах.

Реалии, будучи наименованиями предметов, понятий, культурных, бытовых и исторических явлений определенного народа и страны, отражают тот или иной отрезок действительности, следовательно, тесно связаны с внеязыковой действительностью. Внеязыковой фон, созданный так называемыми «ситуативными реалиями» – иносказаниями, словами-реалиями, аллюзиями, намеками – должно отражать в тексте перевода [К.А.Пиксайкина: 1].

Культурологический аспект локализации видеоигр был рассмотрен на примере передачи некоторых реалий с английского языка на русский.

Проблематика перевода топонимов проявилась при анализе передачи названия города «*Undeadburg*», в котором обитают мертвые (фэнтезийная ролевая игра «*Dark Souls*»).

У переводчика есть несколько вариантов перевода: прямая калька – «*Город нежити*» (нейтральный вариант, смысл полностью сохранен, но потерян колорит исходного названия); транслитерирование – «*Андедбург*» (применимый вариант, учитывая то, что аудитория подобных игр в большинстве своем знает английский язык и большинство игроков смысл поймут); их сочетание – «*Нежитьбург*» (колорит сохраняется, однако на языке перевода данное название звучит несколько непривычно). В данном случае предстоит определиться с наиболее уместным в данном конкретном случае вариантом, вписать его в общую концепцию игры.

К числу реалий, характерных для определенных видеоигр, можно отнести антропоним *Songbird* – *Соловей* («*Bioshock Infinite*»). Переводчик прибегнул к модуляции, так как певчая птица в России зачастую ассоциируется именно с соловьем.

Другим примером может являться кличка *Big Smoke* – *Паровоз* («*Grand Theft Auto: San Andreas*»). В данном примере культурологическая реалия была опущена, переводчик, исходя из контекста игрового сюжета и поведения персонажа, который являлся заядлым курильщиком, решил перевести кличку второстепенного героя как «*Паровоз*», но переводящий не учел, что персонаж также является и афроамериканцем, проживающим в не самом благоприятном квартале города и ведущим незаконную деятельность, отсюда следует, что переводчику следовало бы перевести кличку, как имя собственное «*Биг Смоук*» для того, чтобы передать культурный колорит и принадлежность героя к криминальному миру.

Также сюда можно включить ещё один пример из афроамериканских реалий, обращение *My dog!* – *Мой кореш!* («*Grand Theft Auto: San Andreas*»). В данном случае перевод не составил труда, так как обращение имеет полный эквивалент в русском языке.

Если к словам-реалиям относить языковые единицы, имеющие бытовую окраску и не имеющие эквивалентов в других языках и культурах, то обращает на себя внимание *Motherfucker* – *чувацелла* («Saints Row 3») В данном случае переводчик поступил верно, переводя бранную речь не близким к ней эквивалентом в языке перевода, а менее негативно окрашенным словом, которое принадлежит к сниженной речи. Необходимо подчеркнуть и то, что при переводе языкового контента игры, бранная лексика нежелательна в языке перевода.

Другим примером является *Howdy, partner!* – *Приве-ет, дружище!* («Fallout: New Vegas») Эквивалентный перевод данного предложения практически невозможен так, как весьма сложно передать диалектное звучание и специфичное словообразование.

Одним из главных примеров иллюстрирующих всю проблематичность передачи исторических реалий и аллюзий является игра «Fallout: New Vegas». Игра представляет из себя сложную по структуре RPG (Computer Role-Playing Game – Компьютерная ролевая игра) с разветвлённым сюжетом. Название миссий, которые необходимо выполнить игроку, озаглавлены как популярные американские песни:

а) *Ain't That a Kick in the Head* – песня Дина Мартина, написанная в 1960-х годах, весьма популярна и по сей день в Соединенных Штатах Америки.

б) *Back in the Saddle* – песня рок-группы Aerosmith.

с) *Come Fly With Me* – песня Фрэнка Синатры.

Данные песни являются своего рода намеком на то, что предстоит «пережить» игроку, выполняя ту или иную миссию, песня Дина Мартина открывает одну из главных миссий игры. Её название уже переносит игрока в атмосферу тех лет, в которые песня достигла пика своей популярности, также персонаж, за которого играет игрок, испытывает такую же вереницу чувств, что и лирический герой, но это было упущено при переводе, в русском варианте миссия несет название «*Удар по голове*». Отчасти это адекватный и эквивалентный перевод, дающий нам четкое представление о происходящем, но культурная реалия была упущена, также была утрачена и атмосфера, и задуманная создателями игры аллюзия.

Вторая представленная песня является аналогичным случаем, когда игроку дается намек на предстоящее задание, но у игрока из-за буквального перевода «*Вновь в седле*» и зачастую отсутствия фоновых знаний не возникают необходимые ассоциации и, следовательно, аллюзия тоже упущена.

Третий пример, отличается от остальных двух, так как, помимо аллюзии, не передается тонкая ирония, намеренно внесенная в игру создателями, перевод «*Полетаем*» просто же является нейтральным вариантом перевода.

д) *The House Always Wins* – в варианте языка перевода «*Казино всегда в выигрыше*». Название данной миссии было переведено правильно, переводчик распознал идиому и перевел «*house*», как казино, с одной стороны, он передал культурную реалию, но помимо неё в языке оригинала содержится прямая отсылка к имени главного персонажа, который в свою очередь и поручает вам эту миссию.

Примером удачной передачи культурной реалии в языке перевода является фраза из игры «Lollipop Chainsaw»: *Now I hate you more than Carrot Top* – в языке перевода она звучит, как: *Теперь я ненавижу тебя больше, чем Петросяна*. Переводчик предпринял определенные усилия, чтобы выяснить, что *Кэррот Топ* – это Скотт «Кэррот Топ» Томпсон, американский актёр и комик, известный шутками с использованием реквизита и самоуничижительным юмором. Для адекватного и эквивалентного перевода локализатор прибегнул к замене неизвестной реалии на известную, в данном случае заменив неизвестного в России комика на широко известного Петросяна, юмор которого также оставляет желать лучшего.

Таким образом, перевод языковых реалий в видеоиграх требует разностороннего подхода. Даже досконального знания иностранного языка, его лексики и грамматики недостаточно, чтобы стать компетентным переводчиком. Для успешной лингвокультурной адаптации переводчик должен обладать обширными фоновыми знаниями. Передать реалии в видеоиграх практически невозможно из-за сюжетных рамок, различия менталитетов стран, для которых выпускается и локализуется продукция, или по причине лингвистического барьера, полного или частичного отсутствия аналога в языке перевода. В этих случаях реалии в текстах (диалоги персонажей, вывески, тексты листовок, книг записок в игровых локациях) игры опускаются и пропадают, либо передаются частично, путем переводческих трансформаций или аналогом, имеющимся в языке перевода. Основным же ограничением при переводе реалий служат технические особенности, которые не позволяют снабдить перевод комментарием, как это зачастую делается в книгах или фильмах с субтитрами, и многократно усложняют процесс перевода языковой реалии. Нельзя не подчеркнуть трудоемкость исследования текстового компонента игры (диалоги персонажей, вывески, тексты листовок, книг записок в игровых локациях) по причине того, что видеоигра – объемное произведение, которое имеет огромное количество игровых сцен и ситуаций, а также существенную вариативность диалогов и развития сюжета.

Цитируемая литература

Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В. С. Виноградов. – М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

Пашутина, А. Локализация компьютерных игр: суть, проблемы и решения, 03.08.2004 г. [Электронный ресурс] // The Daily Telefrag – русскоязычный интернет-ресурс, посвящённый игровой индустрии, является русскоязычной площадкой для обмена опытом между разработчиками видеоигр [Сайт]. URL: <http://dtf.ru/articles/read.php?id=1291> (дата обращения: 21.01.2014)

Пиксайкина, К.А. Языковые реалии [Электронный ресурс] // Study-English.info – образовательный электронный ресурс для изучающих английский язык [Сайт]. URL: <http://study-english.info/article001.php> (дата обращения: 8.03.2014).

Фененко, Н.А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого [Текст] // Вестник ВГУ, серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001. – № 1. – С. 70-75.

Шерешевский, Л.А. Особенности локализации программного обеспечения на примере SCADA системы WinCC [Текст] // Промышленные АСУ и контроллеры, 2004. – № 7. – С. 34-38.

Источники

1. Болвин В., Макаренков, А., Померанцева С. Особенности перевода [Электронный ресурс] // «Игромания» – ежемесячный российский мультиплатформенный журнал о видеоиграх [Сайт]. URL: http://www.igromania.ru/articles/56739/Osobennosti_perevoda.htm (дата обращения: 8.03.2014)

2. Каталог диалоговых файлов игры «Fallout: New Vegas» [Электронный ресурс] // «Убежище» – интернет-энциклопедия об играх серии «Fallout», мире «Fallout» и его создателях [Сайт]. URL: http://fallout.wikia.com/wiki/Category:Fallout:_New_Vegas_dialogue_file (дата обращения: 9.03.2014)

3. Каталог заданий игры «Fallout: New Vegas» [Электронный ресурс] // «Убежище» – интернет-энциклопедия об играх серии «Fallout», мире «Fallout» и его создателях [Сайт]. URL: http://fallout.wikia.com/wiki/Fallout:_New_Vegas_quests (дата обращения: 9.03.2014)

4. Страничка игры «Fallout: New Vegas» на сайте издателя «1С» [Электронный ресурс] // Фирма «1С» – российская компания, специализирующаяся на дистрибуции, поддержке и разработке компьютерных программ и баз данных делового и домашнего назначения [Сайт]. URL: <http://www.1csc.ru/games/7292-fallout-new-vegas> (дата обращения: 9.03.2014)

5. Официальный сайт игры «Dark Souls» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.preparetodie.com/ru/>

6. Хабрахабр – многофункциональный сайт, представляющий собой смешение новостного сайта и коллективного блога, созданный для публикации новостей, аналитических статей, мыслей, связанных с информационными технологиями, бизнесом и Интернетом [Электронный ресурс]. URL: <http://habrahabr.ru/hubs/>

7. Официальный сайт игры «BioShock Infinite» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bioshockinfinite.com/home>

8. Официальный сайт игры «Grand Theft Auto: San Andreas» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rockstargames.com/sanandreas/>

9. Официальный сайт игры «Saints Row: the Third» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saintsrow.com/>

10. официальный сайт игры «Lollipop Chainsaw» [Электронный ресурс]. URL: <http://lollipopchainsaw.com/>

Канд. филол. наук Л.И.Батурина (Recife, Brazil, UNINASSAU University)
ВЛИЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ
НАВЫКОВ ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ИНСТИТУТОВ

Так получилось, что мне довелось жить и работать в нескольких странах. Относительно недавно мы переехали в Бразилию, монолингвистическую страну, в ее северо-восточный регион, который, в отличии от Рио, относительно недавно начал свое интенсивное развитие.

Общий уровень знания иностранных языков в этом регионе находится на низком уровне, и потому во всех общественных институтах, в которых мне пришлось побывать в первые месяцы своего пребывания в стране, основной трудностью являлся язык общения. В 99% случаях португальский был единственным языком, которым владел среднестатистический клерк. Никакой набор других европейских языков не помогал. Представьте себе такую картину: вам необходимо получить какой-то документ. Вы приходите в организацию, где её, по идее, выдают, и в ответ на ваш запрос, вы слышите быструю и долгую речь клерка, из которой вы выхватываете смысл, что вам её дать не могут. На просьбу объяснить, просто и медленно, поскольку, вы иностранец, почему так, и что делать, вы получаете в ответ ту же речь, в том же темпе, но более громким голосом и с нотками явного раздражения. В результате вам приходится ходить по разным инстанциям из одного конца города в другой, чтобы в конце концов получить исконный документ в изначальной организации.

Безусловно, за этим стоит какая-то, возможно, логичная административная причина, но зная её заранее, или получив схематическое её объяснение, можно было бы значительно сэкономить время.

Знакомая картина, неправда ли? Даже без учета иностранного фактора.

Или еще один пример – вы получаете приглашение на карнавал, где не указана дата или на мероприятие, где нет адреса. А зачем? Ведь это всем известно!

Тем не менее, человек, который когда-то в зрелом, подчеркиваю, возрасте, изучал свой первый иностранный язык, наверняка будет иметь другой паттерн поведения. И причина в том, что у него уже был свой собственный опыт столкновения с другим языком, с другим мышлением, с другой организацией общества. Такой человек обязательно замедлит свою речь, постарается максимально упростить фразы, и наверняка прибегнет к рисунку, как средству визуализации информации и её схематизации.

В современном обществе мы много говорим о технологиях. В узком смысле под технологиями мы понимаем технические и научные ноу-хау. В широком, это слово обозначает все знания, нашедшие своё применение в практической жизни, включая знания об организации бизнеса, общественных институтах и т.д. Сейчас этому специально учат в институтах и на MBA – management administration – управление бизнесом.

Представляется логичным, что тот, кто однажды сам проходил через барьер непонимания непривычных схем мышления, такой человек при необходимо-

сти разработки рабочих процессов общественных институтов, рассчитанных на прием посетителей разного возраста, социального положения, уровня образования и т.д. постарается оптимизировать коммуникативные и процедурные схемы.

Хороший опытный организатор вам обязательно скажет, что процесс должен быть построен из расчета, что его пользователь либо ребенок, или имбицил. А ведь именно таким предстает иностранец, не понимающий «очевидность» устройства наших привычных институтов. Для человека, выросшего или долгое время прожившего в данном культурном пространстве, трудно себе представить, какое огромное количество социокультурных лагун встает на пути понимания иностранцем.

Из опыта работы могу утверждать, что в странах Европы с наибольшей языковой монополией наблюдаются более жесткие административные системы. И наоборот, в странах, где знание иностранных языков является нормой или даже насущной необходимостью, системы общественных институтов устроены гораздо более гибко.

Практически все мои ученики, берущиеся за изучение первого иностранного языка в зрелом возрасте, на первых порах начинают ругать устройство чужого языка, его аллогичность и, якобы, излишнюю сложность. Однако, после преодоления этого психологического барьера скорость и качество овладения языком значительно увеличивается, переводя борьбу с языком в плоскость его приятя.

Таким образом, можно утверждать, что изучение иностранных языков, при всех его уже известных и неоспоримых плюсах, является также и способом приобретения навыков технологии по оптимизации организации общественных институтов.

Э.Н.Гилязиева, канд. пед. наук О.А.Мирончева (Ульяновск)

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В настоящее время Россия активно интегрируется в глобальное образовательное пространство, являясь участником Болонского процесса. В связи с этим актуальность совершенствования системы высшего образования не вызывает сомнений, однако особое внимание при выработке путей решения проблемы создания доступного, качественного и эффективного образования следует уделить вопросам стимулирования инновационных процессов, способствующих самоорганизации данной системы. Так как основу образовательного процесса в ВУЗе составляют студент (объект) и преподаватель (субъект), формирующие педагогическую среду, то создание научно-методического обеспечения, нацеленного на саморазвития непосредственных участников этого процесса, есть важнейший фактор совершенствования системы высшего образования.

Исследование и анализ существующей ситуации в обществе, на рынке труда, в теории и практике высшего образования выявляет существующие объективные противоречия между необходимостью укрепления культурно-

формирующей, личностно-образующей роли высшей школы и возможностями ВУЗов; между необходимым и реальным уровнем теоретической разработанности основ образовательного процесса в современных условиях.

В нашей стране некоторые проблемы, существующие в парадигме высшей школы, обусловлены процессом разгосударствления системы высшего профессионального образования на фоне социальных изменений и нестабильности. Одним из главных факторов, пошатнувших универсальную конструкцию высшей школы как национального института, является ее стремительная коммерциализация и регионализация. Это усугубляется еще и тем, что оно стало более массовым и узкоспециальным. На фоне перехода на новый ФГОС отмечается некоторая упрощенность и меньшая трудозатратность подготовки в высшей школе. Данная тенденция может привести к тому, что в обществе сократится доля людей, имеющих целостное мировоззрение.

Во всем мире сегодня высшая школа теряет свою прежнюю формирующую роль и пытается найти новые измерения своей идентичности в реалиях современного общества. В нашей стране данный поиск связан с развитием новых интегративных социокультурных функций университетов.

На самом деле, образовательная практика, складывающаяся в высшей профессиональной школе, сегодня не совсем соответствует полноценному личностному росту студентов. Помимо ряда известных тому причин, связанных с издержками массовой системы высшего образования, а также ее разгосударствлением, коммерциализацией и др., очевидно, что существуют определенные барьеры и недостатки в самой теории, методологии и философии высшего образования, в том числе и постановке личностно-ориентированного подхода.

Сегодня реально защищенным в социальном отношении может быть лишь широко образованный человек, способный гибко перестраивать направление и содержание своей деятельности. Становится очевидным тот факт, что нет двух одинаковых образований, как нет двух одинаковых личностей, так как каждая личность – уникальна.

В связи с этим идея персонализации образовательного процесса становится особо актуальной. Эта идея находит отражение в становлении ведущих инновационных образовательных систем, так как прогрессивная человеческая мысль во все времена стремилась к тому, чтобы человек в этих системах стал той основой, тем стержнем, вокруг которого выстраивается весь педагогический процесс.

Движение к персонализации образовательного процесса как необратимого направления эволюции высшей школы наиболее характерно и типично для становления классических европейских университетов.

Персонализация образовательного процесса в высшей школе представляется как образ ее функционирования и строительства, складывающийся под знаком перевода обучаемого в личностную позицию, т.е. в позицию субъекта педагогического дискурса и сопряженных с ним ведущих сфер жизнедеятельности (познавательной, информационной, научно-инновационной, социальной, культурной, управленческой, досуговой и др.).

Базовая конструкция персонализации образовательного процесса в высшей школе складывается из трех взаимосвязанных составляющих:

– развитие ценностно-смысловой устремленности личности на достижение субъективно-значимого и отвечающего профессии образа «Я». В данный компонент включаются личностные цели, стандарты, принципы, ожидания и убеждения относительно своего «Я», своих возможностей относительно требований социума, профессиональных норм;

– расширение сферы «Я – компетентностей» обучаемого, т.е. тех его личностных образований, интегрирующих в единое целое знания, умения и понимание, его способность к творчеству в определенной области человеческого опыта;

– развитие внутренней ответственности как внутренней подотчетности обучаемого за всё, что он делает, чему обучается. Этот компонент означает развитие авторской позиции студентов в образовательном процессе и их сопричастности не только к своему делу, учебе, но и к социуму, культуре, к миру в целом.

Среди основных критериев персонализации педагогического процесса, структурирующих целостную образовательную среду развития личности в высшей школе, выделяют:

– диалогичность – наличие интенсивного обмена мыслями, идеями, позициями участников образовательного процесса, возможность субъект-субъектной коммуникации и взаимодействия;

– рефлексивность – обеспечение достаточного объема обратной связи всем участникам педагогического дискурса о текущем состоянии и изменениях, происходящих с ними в процессе и результате взаимодействия;

– сотрудничество – возможность передачи части образовательных функций самим обучаемым, их авторское включение в педагогический процесс на правах партнеров по совместному конструированию и обеспечению этого процесса.

Следует отметить, что для успешного развития системы высшего образования важно не только обращение высшей школы в образовательном процессе к самой личности человека, но и смещение акцентов на ряд других тенденций. В этом отношении положительный эффект может дать сама неоднородность внутренней конструкции ВУЗов, их многоликость, непохожесть. В нашем мире, где никто не может предвидеть, какие специальные знания могут понадобиться завтра, наличие разнообразных путей получения высшего образования является необходимым условием, позволяющим высшей школе ответить на запросы современного общества.

Литература:

Грачев В.В. Методологические подходы к проблеме персонализации системы высшего образования // Акмеология. Научно-практический журнал. №4. М., 2006. С. 25-36.

Приоритетные направления совершенствования образовательного процесса в высшем учебном заведении/ под ред. А.В. Гапоненко. – Краснодар, 2009. – 191 с.

Современные технологии обучения в вузе (опыт НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) / Коллектив авторов под ред. М.А. Малышевой. Методическое пособие. – Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2011. – 134 с.

Канд. филол. наук С.О. Гуляйкина, С.В. Извекова (Пенза)
**ЗНАЧЕНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ САМОСОЗНАНИЯ
ДОШКОЛЬНИКА**

Данной статьей авторы обращают внимание на формирование самосознания ребенка дошкольного возраста посредством детской литературы как одного из наиболее эффективных источников познания окружающего мира.

А.Н. Леонтьев, характеризуя проблему самосознания как проблему высокого жизненного значения, венчающую психологию личности, расценивал ее в целом как нерешенную, ускользающую от научно-психологического анализа. Действительно, до настоящего времени не существует более или менее определенной и общепризнанной трактовки этой особой субъективной реальности. Чаще всего самосознание рассматривается как ориентировка человека в собственной личности, осознание себя как "Я". Самосознание позволяет человеку, отражая внешний мир, выделять себя в нем, осознавать свое отношение к этому миру и себя в своих отношениях с окружающими, познавать собственный внутренний мир, переживать и определенным образом оценивать его. Самосознание - это осознание и целостная оценка самого себя и своего места в жизни. Благодаря самосознанию человек воспринимает себя как индивидуальную реальность, отдельную от природы и других людей.

В этой связи отметим, что в раннем возрасте можно наблюдать всего лишь истоки самосознания ребенка. Самосознание формируется к концу дошкольного возраста благодаря интенсивному интеллектуальному и личностному развитию, оно обычно считается центральным новообразованием дошкольного детства.

Известно, что художественная литература – прекрасное средство воспитания и обучения человека. Художественная литература служит могучим, действенным средством нравственного, умственного и эстетического воспитания детей. В поэтических образах художественная литература открывает и объясняет ребёнку жизнь общества, мир человеческих чувств и взаимоотношений. Знакомство с художественными произведениями и анализ прочитанного позволяют сформировать у дошкольников оценочное отношение к социальным явлениям, фактам, событиям и помогают подвести ребенка к осознанию себя как личности.

Содержанию детской литературы уделялось большое внимание уже во второй половине XIX в. Русские педагоги к написанию детских книг подходили

со всей ответственностью, считая это исключительно важным и серьезным делом. Так, В.Ф. Одоевский написание познавательной детской книги считал тяжелым трудом, результатом длительной целенаправленной подготовки ее автора. Д.И. Писарев придавал детской литературе социальную значимость, отмечая, что она является своего рода индикатором развития общества. К.Д. Ушинский отмечал, что написание детской литературы «может оживить воспитательную деятельность, придать ей тот смысл и ту занимательность, без которых она скоро делается машинальным препровождением времени...»

Д.Д. Семенов, соратник и последователь К.Д. Ушинского, критиковал тех педагогов-авторов детских пособий, а также издателей, которые смотрели на детскую литературу, «не как на насущную потребность для детей, а как на роскошь, на игрушку, а главное – как на прибыльную торговлю...»

Так, важнейшим требованием, которое должно обязательно предъявляться к детской книге Д.Д. Семенов считал доступность ее содержания пониманию ребенка. Книга должна быть написана простым, ясным и увлекательным языком. В качестве отрицательного примера он приводил «Русскую азбуку» одесского педагога Н.И. Белого, рассчитанную на 6 – 7-летних детей, но написанную очень тяжелым, сложным языком. Напротив, «Букварь для совместного обучения письму, русскому языку и церковно-славянскому чтению» Д. Тихомирова и «Новая азбука» Л.Н. Толстого являли собой образец учебных пособий, написанных простым «народным» языком.

Содержание детских книг и учебных пособий для детей, по мнению Д.Д. Семенова, должно отражать действительность: «Дитя, как бы оно мало ни было, только тогда проникается содержанием рассказа, когда оно увидит в нем отражение окружающей его действительной жизни». Язык книги «для первоначального чтения имеет свои особенности, – это язык живого, глубокого источника – вечно юной, вечно развивающейся души народа, с целью пробудить к жизни семена родного слова, коренящиеся в душе ребенка». По мнению Д.Д. Семенова, таким языком написаны книги для детского чтения выдающихся русских педагогов В.И. Водовозова, Н.А. Корфа, К.Д. Ушинского. «Родное слово» К.Д. Ушинского Д.Д. Семенов считал лучшей книгой «для чтения русским детям».

Д.Д. Семенов был убежден, что детская литература должна служить высокой цели формирования самосознания подрастающего поколения. Поэтому он предъявлял к ней высокие требования: содержательность материала и доступность его детскому пониманию, увлекательность содержания и соответствующее внешнее оформление. Эти вопросы сохраняют свое значение и сегодня.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что детская литература должна в первую очередь быть написана простым и понятным ребенку языком, как можно полнее отражать окружающую его действительность и способствовать развитию самосознания ребенка.

ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Докт. филол. наук О.Л.Арискина, Е.А.Дрянгина (Саранск)
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЛИНГВИСТА А. П. СУМАРОКОВА¹

А. П. Сумароков широко известен как поэт XVIII в. Однако история сохранила довольно большое количество лингвистических работ («К типографским наборщикам», «О коренных словах русского языка», «О правописании», «О стопосложении», «Примечание о правописании», «О происхождении слова Царь» и др.), принадлежащих перу А. П. Сумарокова, что позволяет нам исследовать языковую личность (ЯЛ) не только Сумарокова-писателя, но и Сумарокова-лингвиста.

Основной чертой ЯЛ А. П. Сумарокова-лингвиста является ярко выраженная оценочность и эмоциональность. На вербально-семантическом уровне это нашло отражение в использовании личных местоимений и слов, передающих отношение автора (достаточно часто эмоционально окрашенное) к описываемым фактам: «Ето мнѣ смѣшно что мы втаскиваемъ чужія слова, а то еще и смѣшныя, что тому не многія смѣются, хотя языкъ народа и не послѣднее дѣло въ народѣ. Или можетъ быть я грѣшу, что тому смѣюся, а они благопристойно поступаютъ, и ради того не смѣются, что то не смѣха, но сожалѣнія достойно» [1: 308]. Как видно из приведенных примеров, наиболее употребительными являются местоименя «я», «мне», «моего» и т. д., использование эмоционально-оценочных выражений «смешно», «удивительно». Это говорит о проявлении в лингвистическом тексте ЯЛ именно автора сатир, видящего смешное в серьезном.

На первый взгляд, А. П. Сумароков без стеснения говорит о том, в чем он неосведомлен. Однако подобные формулировки передают не отсутствие знаний, а критическое отношение автора: «не знаю, ради чево Емануиль, Евангеліе, ... мы выговариваемъ какъ наши предки выговаривали: Ерцгерцогъ, Еденбургъ и проч. говоримъ мы по новому» [А.П.Сумароков 1787: 6]; «Я еще и того не знаю, дѣльно ли наши предки приняли себѣ литеры Ф и Ѳ» [А.П.Сумароков 1787: 12].

Таким образом, оценочная лексика – ядро вербально-семантического уровня ЯЛ А. П. Сумарокова.

Наряду с неравнодушным отношением, стремлением давать оценку всему окружающему ЯЛ А.П. Сумарокова характеризуется образностью мышления. В его речи в изобилии: 1) *метафоры*, передающие отношение к заимствованиям: «Лутче ставить силу надъ словами чужестранными, ... и для того ихъ силою почтить, что они силою въѣхали въ языкъ нашъ и которыя выжить, потому что

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-34-01212 а2, «Роль языковой личности грамматистов XVI–XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки»)

десять человек выталкивают, а многія ихъ тысячи ввозятъ» [А.П.Сумароков 1787: 308]; 2) *олицетворения*: «Вошла было въ нашу Азбуку странная литера для изъясненія словъ чужихъ; однако сей пришлецъ выгнанъ, и ставимъ мы въ тѣхъ мѣстахъ, где она становится хотела, старинную свою литеру Е, и чужія слова по свойству нашего произношенія изображаемъ ею на пр.» [А.П.Сумароков 1787: 311]; 3) *аналогии*: «Дуб и ольха корень имѣютъ, а столь ни дубовой ни ольховой не имѣютъ корня, и тщетно у стола исканіе корня, подобно такъ суетно и смѣшно исканіе корня и во предлогахъ; ибо они рѣченія а не слова» [А.П.Сумароков 1787: 13].

Интересным моментом, характеризующим ЯЛ А. П. Сумарокова, является его склонность к опоре на звукоподражание, звукосимволизм, «буквосимволизм» и т. п.: «Око, изображаетъ круглость. Дождь, точный шумъ раздробленно ліющихъ изъ воздуха водъ. Журчаніе, потоки мѣлкихъ струй...» [А.П.Сумароков 1787: 249];

Лингвокогнитивный уровень в структуре описываемой ЯЛ, в первую очередь, характеризуется ценностным отношением к языку: «Отходя отъ корня реченій, и отъ красоты языка, затмѣваемъ мы свои воображенія, и тѣряемъ то достоинство и дарованіе, которымъ болѣе всего отъ скота отличаемся» [А.П.Сумароков 1787: 24]). Это подчеркивается указанием на «вторичный» характер Грамматики [А.П.Сумароков 1787: 309].

Основная мысль, пронизывающая труды А. П. Сумарокова, – это идея величия русского языка, что отразилось в выступлении ЯЛ против засорения русского языка иностранными словами, в борьбе за национальную самобытность русского языка. Следует указать, что, подчеркивая величие русского языка, А. П. Сумароков являлся полилингвальной ЯЛ, умевшей анализировать и соотносить факты различных языков.

Список источников:

Сумароков А. П. Полное собраніе всѣхъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія Члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы въ удовольствіе Любителей Россійской Учености Николаемъ Новиковымъ Членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи у Н.Новикова, 1787 года. Изданіе второе.

Докт. филол.наук А.В.Пузырѣв, студенты Ек.П.Борисова, Н.А.Жуплатова, А.Г.Морозова, Ек.А.Шишкина (Ульяновск)

ПСИХОТИПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Целью настоящего доклада является исследование психотипических (соционических) особенностей политических лидеров Второй мировой войны. К

числу таких лиц нами относятся Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт, Гарри Трумэн, Иосиф Виссарионович Сталин, Лаврентий Павлович Берия. Большая часть названных лиц во время войны представлена главами государств (Гитлер, Черчилль, Рузвельт, Трумэн), другая, меньшая (Геббельс, Берия) – лицами, принявшими в войне более чем существенное, хотя и недооценённое потомками участие.

Соционические исследования восходят к учению К.Г.Юнга о психологических типах, предлагавшего в психике человека различать четыре оппозиции: рациональность – иррациональность, экстраверсию – интроверсию, чувства – интуицию, логику – этику [К.Г.Юнг 1997: 189-283; А.Л.Митрохина 2010 и мн.др.]. В силу ограниченности рамок повествования детализировать эти оппозиции представляется излишним.

Спецификой настоящего доклада является то, что для обоснования для соционического типирования используются главным образом официальные документы, а также дневники названных лиц и воспоминания лично знавших этих лиц современников. Только такой подход позволит избежать следования бытующим соционическим мифам и обеспечить научную объективность исследования.

Сталин Иосиф Виссарионович. Огромное значение личности Сталина для победы СССР в Великой Отечественной войне неоспоримо. Отрицать его могут только не очень сведущие или не очень знающие люди: рыба, как известно, гниёт и выздоравливает с головы. При анализе социотипических характеристик И.В.Сталина используется главным образом двухтомник воспоминаний современников, знавших И.В.Сталина лично [П.А.Журавлёв 2004]. Единственное исключение мы сделали для мемуаров Г.К.Жукова, «Воспоминания и размышления» которого, как обоснованно пишет Ю.И.Мухин, вполне можно было бы назвать «Сказки дедушки Жоры, потерявшего совесть» [Ю.И.Мухин 2005: 78] и потому в качестве надёжного источника восприниматься не могут. В силу ограниченности рамок статьи иллюстративный материал нами полностью не приводится.

О том, что Сталин является *рационалом*, ни у кого из социоников сомнений не вызывает. Здравый смысл подсказывает, что успешное функционирование планового (т.е. рационально организованного) социалистического хозяйства было бы невозможно, если бы во главе первого в мире социалистического государства находился иррационал. Для иллюстрации рациональности Сталина приведём всего лишь одну из множества цитат: «Сталин заметил, что на его взгляд, необходимо разработать единый государственный план использования племенного материала и расходования спецкредита» (3-10 апреля 1922 г., С.М.Будённый, цит. по: П.А.Журавлёв 2004 т. 1: 24). Особенно впечатляет распланированность первого рабочего военного дня Сталина, 22 июня 1941 года, когда за 13 часов работы он смог принять 28 человек (см.: Л.П.Берия 2014: 232-233).

У социоников обычно не вызывает сомнений *интровертность* Сталина. Приведём соответствующие примеры из воспоминаний: «Во время конференции у меня, да и у ряда других делегатов возникло недоумение, почему Сталин,

в ту пору уже Генеральный секретарь ЦК партии, держался на этой конференции подчёркнуто скромно» (4-7 августа 1922 г., А.И.Микоян, цит. по: П.А.Журавлёв 2004 т. 1: 30); «Заседание затянулось, а Сталин по-прежнему неутомимо ходил, внимательно слушал, но никого не перебивал» (15 июня 1935 г., В.Г.Грабин, цит. по: П.А.Журавлёв 2004 т. 1: 57).

Наибольшие трудности у социоников вызвала оппозиция *интуиция/сенсорика*, поэтому остановимся на этой оппозиции чуть подробнее, нежели на других соционических характеристиках. Подавляющее большинство социоников – 85 % – считает И.В.Сталина *сенсориком* (http://sss.socioland.ru/people/view.php?id_people=6682), причём принадлежность Сталина к психотипу «Максим» (*Инспектор*, логико-сенсорный интроверт, ЛСИ, ISTJ) считается в соционике своего рода постулатом (<http://www.socioniko.net/ru/celebr/stalin-antosh.html>). Документы и воспоминания о Сталине, однако, однозначно свидетельствуют о том, что Сталин был *интуитом*.

Самым ярким проявлением *интуитивности* Сталина является сила его пророчеств. Таково его юношеское стихотворение, в котором он предсказал характер своей смерти (приведём лишь концовку этого стихотворения, переведённого Л.Котюковым, см.: [И.В.Сталин 2006: 9]):

*Но люди, забывшие Бога,
Хранящие в сердце тьму,
Вместо вина отраву
Налили в чашу ему.
Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»*

Сегодня существуют достоверные сведения о том, что Сталин был именно отравлен – литературы по этому вопросу сегодня более чем достаточно, поэтому на неё не ссылаемся.

Когда Э.Ходжа, бывший первым секретарём Албанкой партии труда, пишет: «...Если Берут не был смещён с партийного руководства в Варшаве, как этого желал и диктовал Хрущев, то он должен был быть позднее ликвидирован в Москве неожиданным "насморком"» [Э.Ходжа 2013: 110], – его суждение нельзя считать прозрением интуита: оно было результатом **знания** положения дел их очевидцем. Когда же Сталин писал: «*Вместо вина отраву Налили в чашу ему*», – никакого Хрущёва он ещё не знал и не мог знать, а потому здесь и говорится о его пророческой интуиции.

О мощи его пророческой *интуиции* вспоминают многие его современники, ср.:

– Поймите, – сказал Сталин, – что нужно экономить время, иначе можно опоздать. Отправим пушку сразу на полигон, ускорим решение вопроса...

Лишь впоследствии я понял весь смысл этих слов: «Нужно экономить время, иначе можно опоздать» (14 июня 1935 г., В.Г.Грабин; цит. по:

П.А.Журавлёв 2004 т. 1: 54). Речь, очевидно, шла о приближающейся и неизбежной войне.

Общеизвестны финальные – полные *интуиции*-пророчества – слова сталинского доклада, состоявшегося 6 ноября 1941 года в критической для Москвы ситуации: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

А вот ещё один поразительный пример: «Походив немного, он неожиданно заговорил о себе:

– Я знаю, – начал он, – что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. – И походив немного, продолжал: – но я уверен, что ветер истории все это развеет.

Нужно сказать прямо, я был удивлен таким высказыванием. В то время мне, да я думаю не только мне, а всем не представлялось вероятным, что кто-либо может сказать о Сталине плохое. Во время войны все связывалось с его именем, и это имело явно видимые основания. Гитлеровские армии были разбиты под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. Мы одерживали победы одну за другой...» (5-6 декабря 1943 г., А.Е.Голованов; цит. по: П.А.Журавлёв 2004 т. 2: 111-112). Сталин, как вытекает из приведённого примера, предвидел тот поток клеветы, который польётся на него после его жизни. Черчиллю приписывают в связи с этим потоком следующий афоризм: «Хрущёв – единственный политик в истории человечества, который объявил войну мертвецу. Но мало того – он умудрился её проиграть».

Не менее ярким проявлением *интуитивности* Сталина (в данном случае – его бессребреничества) является Сталинская премия. Малоизвестно то, что деньги на Сталинские премии брались из гонораров И. В. Сталина от издания его трудов (в том числе за рубежом), а не выделялись из государственных средств. Когда к власти приходит сенсорик, прежде всего он обеспечивает однопоточный денежный поток – в противоположную сторону – к себе и своим детям (за примерами далеко ходить не надо).

Столь же убедительным свидетельством *интуитивности* Сталина является тот малоизвестный факт, что Сталин стал приёмным отцом для сына своего друга Артёма после его трагической гибели 24 июля 1921 года и воспитал сына своего друга и соратника как родного. Так вот, Артём Фёдорович Сергеев (сын т. Артёма) вспоминает о Сталине: «Да он всегда в одном и том же ходил» [А.Сергеев, Ек.Глушик 2006: 11] – более чем яркое свидетельство интуитивности Сталина.

Никем не оспаривается *логичность* Сталина. Она подтверждается и воспоминаниями. Ср.: «Опровергнуть эти доводы Сталина было, конечно, трудно: они были довольно убедительны» (25-30 апреля 1922 г., А.И.Микоян, цит. по: П.А.Журавлёв 2004 т. 1: 26); «Сталин также произвел на меня впечатление своей хладнокровной мудростью, при полном отсутствии каких-либо иллюзий» (8 сентября 1942 г., У.Черчилль, Речь в британском парламенте по итогам визита в Москву в августе 1942 г.); «против таких доводов возражать было трудно» (Середина февраля 1944 г., К.А.Мерецков, цит. по: П.А.Журавлёв 2004 т. 2: 127); «Сталин не согласился.

– Молодой автор, – сказал он. – Что значит молодой автор? Зачем такой аргумент? Вопрос в том, какая книга – хорошая ли книга? А что же – молодой автор?

Эти его слова не были отрицательной оценкой названных Панферовым книг. Наоборот, об этих книгах он отозвался, в общем положительно. А его замечание – что значит молодой автор? – носило в данном случае принципиальный характер» (31 марта 1948 г., К.М.Симонов, цит. по: П.А.Журавлёв 2004 т. 2: 252).

Анализ имеющихся документов и воспоминаний, таким образом, заставляет прийти к выводу, что Сталин был *рационалом, интровертом, интуитом, логиком*, т.е. относился к психотипу **Робеспьер** (*Декарт, Аналитик*, логико-интуитивный интроверт, ЛИИ, INTP).

Берия Лаврентий Павлович. Вклад Л.П.Берии в Победу официальными СМИ замалчивается или искажается. Мало кому известно, что именно его усилиями, точнее – под его руководством, в кратчайшие сроки была создана Бомба, сделавшая надвигающуюся ядерную войну бессмысленной. Мало кому известно, что именно его инициатива стала источником подготовки снайперов для Войны. Почти неизвестно, что именно дивизии НКВД, сформированные Л.П.Берией, сыграли ключевую роль в Сталинградской битве, et cetera, et cetera, см.: (<http://read24.ru/fb2/sergey--kremlev-beriya-luchshiy-menedjer-xx-veka/>).

Главным источником по этой исторической личности являются его спасённые (к сожалению, не полностью) дневники [Л.П.Берия 2014], ссылка на них будет осуществляться с указанием конкретной даты записи и страницы. Неоднократно высказывалось мнение, что дневники Л.П.Берии – это фальшивка, но в таком случае мы должны признать, что рядом с ним находился кто-то, кто обладал всеми его личностными качествами: слишком достоверно с психологической точки зрения выглядят опубликованные записи. На наш взгляд, причины различий в подходе к вопросу о достоверности дневников Л.П.Берии лежат в мотивационной сфере говорящего (какой он хочет видеть Россию – сильной и успешно развивающейся, как при Л.П.Берии, или слабой и ведомой к загниванию мировой провинцией, как после его убийства). Используемая методология гласит: на уровне коммуникации каждый прав [А.В.Пузырёв 2007]. Важно только разобраться, кто чью правду высказывает.

В этом смысле, смысле используемой методологии, *Дневники Берии*, изданные Аланом Уилльямсом, выдают правду (= сексуальные фантазии) издателя – что именно делал бы этот издатель, если бы у него была такая власть, какая была у Лаврентия Павловича Берии.

В соционике по поводу Л.П.Берии единства взглядов нет. Несколько чаще, чем другие, лидирует психотип *Жуков* (http://sss.socioland.ru/people/view.php?id_people=9191), вероятней всего потому, что впервые эта характеристика Л.П.Берии была дана такими мэтрами соционики, как Аушра Аугустинавичюте, Виктор Гуленко, Вера Стратиевская. Иными словами, Л.П.Берия чаще *воспринимается как иррационал, экстраверт, сенсорик, логик*. Имеющийся материал позволяет усомниться в некоторых психотипических характеристиках, приписываемых Л.П.Берии.

Вопреки распространённому мнению социоников об иррациональности Л.П.Берии, материал неоспоримо свидетельствует о том, что Л.П.Берия являлся **рационалом**. Планирование, тщательность и разумность организации была у Л.П.Берии в крови: «Говорили по разведке. Я сказал, что пока руки не доходят, но разведку надо будет ставить по новому. И надо разведчиков готовить по плану, а не так, как художественная самодеятельность» [запись от 16/X-38; с. 58]; «Военный Театр был сложным, так что учеба была хорошая, пусть военные и Коба разбираются. Наше дело предателей ловить. А не линии обороны прорывать и в армии порядок наводить. На бардак указали, а там выправляйте. А все равно моим пограничникам пришлось повоевать изрядно, я так Климу и сказал при Кобе. Дело Погранвойск границу охранять, а они за пехоту в атаку ходили. Это не дело» [8/III-40; с. 137]; «Что нам мешает, это незавершенка. Хватаются за все сразу, а потом не могут в срок построить и начинается волынка. С этим надо кончать, я так всем и сказал. Точный график! Не можешь, скажи. Я тебе помогу чем могу и чем не могу, но ответственность на тебе. Ты специалист, тебе отвечать» [15/III-41; с. 191] и т.д.

Несомненна **экстравертность** Л.П.Берии, занимавшегося самым широким кругом вопросов и никогда не боявшегося переработать: «Когда муд...ки заправляли, гнило было. Что Лаврентий, что Мамия. А когда Коба мне поверил, дал власть, я Грузию двинул так, что пусть кто другой попробует. За шесть лет не узнать. Это же ясно видно! И только все наладилось, а тут снимайся, Лаврентий, кати в Москву. Шпионов лови. Я их в ЧК на всю жизнь наловился. Самое тяжелое время пережили, сколько ср...ни вычистил, подполье задавил, промышленность развил, науку поднял, Тифлис реконструировал. Сразу видно, что сделано, видно что делать надо» [29/VII-38; с. 37]; «Жалко что я из Грузии уехал, там месяц прожил, все, что сделал на глазах. Был грязный берег, делай набережную. Сегодня фундамент, через месяц уже стены стоят. А тут хлебаешь это болото, а оно все болото и болото, а хлебать надо. Ну ладно, буду хлебать. Потому что этого не сделаешь, и дела не будет. Поскорей бы с этой сволочью разобраться, и тогда можно поработать. Разведка, Погранохрана и по производственным Делаам разобраться. Тут такая махина, тоже можно крепко поработать» [20/XI-38; с. 63-64]; «Сегодня товарищ Сталин говорит мне, когда остались одни, насчет Интуриста ты прав, так всегда и действуй. Ты хоть и в ГПУ сейчас, а всегда должен смотреть широко, в государственном масштабе. Не со своей кочки а как с горы. Ты молодец, умеешь видеть все сразу. Так и шуруй» [24/I-39; с. 82]; «Время в Москве летит не как в Тбилиси. Уровень другой. Там меня только дело в шею толкало, а тут еще Коба толкает, кручусь и верчусь. Приходится делать все сразу. Сам удивляюсь, пока не устаю. Все интересно, и сам вижу, как все двигается» [23/VII-39; с. 110]; «Коба уже говорил мне, готовься, Лаврентий, будешь куратором по нефти и еще добавим. Я сказал «Спасибо. Раз надо, буду. Я нефть хорошо знаю». Он говорит, потому и грузу на тебя. А что? Потяну! Я и больше потяну» [23/XII-40; с. 175]; «Для Кобы сейчас главное от меня Самолеты. И Танки. И Минометы. Еще Винтовки и Пулеметы. Людей тоже дай» [30/IX-41; с. 255] и т.п.

Хотя многие соционики склоняются к мнению, что Берия был сенсориком, тем не менее материал дневников позволяет с уверенностью утверждать, что Л.П.Берия был *интуитом*, умевшим видеть отдалённое будущее: «Ба! Я уже считай вернулся в ЧК, думаю о делах не в Тбилиси, а в Москве. Вот так, Лаврентий. Не пожалел тебя Коба, на дает спокойно дома жить. Там и не выспишься как следует, Коба не даст. Так что сейчас ложись спать, пока можно. Болел за «Динамо» Тбилиси, придется болеть за «Динамо» Москва. А может еще обойдется, может останусь. Но вряд ли» [29/VII-38; с. 38]; «Заканчиваем Положение об Архивах. Тоже большой бардак, пора навести порядок. Архив – это история. Потом придумать можно что хочешь, а хочешь правды, без архива не получишь. А у нас так: «А, бумажка». Нет, сегодня бумажка, а через сто лет документ. Беру архивы под себя и ставлю это дело крепко» [1/I-40; с. 129]¹; «Два года как я Нарком. Поработал, не стыдно. Если завтра война, НКВД не подведет. Не знаю как армия. Золота на рукавах много, а как насчет другого – посмотрим» [1/XI-40; с. 172]²; «Я так своим и говорю, товарищ Сталин сказал, отдохнём после Победы. А кто и раньше отдохнет. До Победы дожить надо. Части начинают прибывать, надо сколотить за два-три дня. Коба сказал, готовь немедля. А в бой пока не пойдут. Надо Москву прикрыть. Но вижу по обстановке, часть придется бросить под Смоленск. Уже туда дошли! Как они прут! Ничего, все равно нае...нутя! Работай Лаврентий! До Победы!» [9/VII-41; с. 238]; «А вот вам х...й, а не Москва. Парад провели и через год проведем! И через десять! И через сто! И в Берлине Парад проведем!» [7/XI-41; с. 262] и т.п.

Столь же несомненна *логичность* Л.П.Берии: «Уже понятно, что массово сажали, а теперь надо массово освободить. Расстрелянных не вернешь, а там тоже не все виноваты. Но постреляли много за дело. Даже если сегодня не вредили, война если началась, вредили бы. И жгли, и убивали и отравляли, и взрывали. Враг есть враг. Пока тихо, он сидит тихо, а порохом запахнет, начнет действовать» [26/XII-38; с. 77]; «Надо взяться за погранохрану. Пограничник должен быть на границе не сторожем. А хозяином и часовым передовой линии. Это большое дело и оно сейчас очень плохо поставлено. Во Внутренних Войсках

¹ У сегодняшних российских судов наблюдается меньшее уважение к истории. Борясь с экстремизмом 60-летней давности и выводя из оборота давно изданные книги, особенно касающиеся жизни и планов нацистских лидеров по уничтожению нашей Родины, российские суды – вольно или невольно – фактически способствуют пересмотру итогов Второй мировой войны. В результате этого пересмотра Советский Союз и Россия, его преемница, будут переведены в разряд исторических провинций, не сыгравших особой роли в победе над фашизмом. – А.П.

² Пограничники, как известно, летом 1941 года страну не подвели и сыграли стратегическую роль в замедлении фашистского наступления. А вот про армию и её начальников в целом сказать это было бы очень большой натяжкой, ср. свидетельство К.К.Рокоссовского, что «ничего не было сделано местным командованием в пределах его прав и возможностей, чтобы достойно встретить врага» [К.К.Рокоссовский 2013: 32]. – А.П.

тоже бардак, но у них своя специфика. Они как раз должны быть сторожа, а какие они к еб...ной матери сторожа если за один год сбежало 30000 человек. Долбое...ы» [11/I-39; с. 81]; «Нидермаер хвалился, что немцы до войны разведали в Англии все цели и бомбят точно, а англичане не знают расположения важных военных объектов и 50% бомб падает на невоенные объекты. Вывод: они ведут такую разведку и у нас, надо усилить оперативно-чекистское обслуживание по всем объектам доступным для бомбежки» [15/IX-40; с. 167]; «В Америке собираются проводить Атомные учения. Они готовятся к войне. Мы тоже готовимся к войне. Но если у нас будет Водородная бомба, может войны не будет. Я видел разную войну. Первая была по сравнению со второй игрушечная. А какая может быть третья? Когда мы приехали в Эпицентр первого взрыва и я ходил по стеклянной корке вместо земли, стало ясно, это совсем другое оружие. <...> Это если взорвать Атомную бомбу. А если водородную? Я говорил с Игорем. Он говорит: «Нам надо сделать такое оружие, чтобы война стала невозможной». Хорошо бы. Ну её в п...зду, эту войну. Человек должен строить» [12/X-51; с. 531] и мн. др.

Таким образом, анализ имеющихся документов и воспоминаний, а самое главное – его дневниковых записей, заставляет прийти к выводу, что Л.П.Берия был **рационалом, экстравертом, интуитом, логиком**, т.е. относился к психотипу **Джек** (*Джек Лондон, Предприниматель*, логико-интуитивный экстраверт, ЛИЭ, ENTJ).

Гитлер Адольф. Роль А.Гитлера в развязывании Второй мировой войны более чем заметна, хотя и зачастую преувеличивается, см., например, соответствующее исследование Н.В.Старикова [Н.В.Стариков 2008]. Довольно распространённое мнение о нём как о закоренелом злодее и маньяке, думается, связано с тем обстоятельством, что А.Гитлер, а с ним и германский народ, Войну проиграл, а официальную историю, как известно, пишут победители, а вовсе не историки. Официальные историки подобны в этом смысле журналистам, которые с гордостью относят себя к представителям «второй древнейшей профессии» (к первой в этом смысле почему-то относится проституция).

В качестве источников по этой исторической личности нами используются прежде всего воспоминания людей, знавших А.Гитлера не один год – Л.Рифеншталь [Л.Рифеншталь 2006], А.Шпеера [А.Шпеер 2010], Г.Раушнинга [Г.Раушнинг 1993]. Все эти источники в целом исходят из негативных к Гитлеру установок – может быть, книга Г.Раушнинга характеризуется бóльшей (в плане негативности восприятия) пристрастностью, нежели две других. Если эти авторы отмечают у Гитлера одни и те же качества, значит, к их свидетельствам можно относиться с доверием.

подавляющее большинство социоников относят Гитлера к типу *Гамлет*, т.е. к **рационалам, экстравертам, интуитам, этикам** (см.: http://sss.socioland.ru/people/view.php?id_people=4134). Знакомство с воспоминаниями близко знавших А.Гитлера людей не позволяет согласиться с этим соционическим постулатом.

Вопреки устоявшемуся мнению специалистов по соционике, что Гитлер был *рационалом*, воспоминания людей, близко его знавших, свидетельствуют о его **иррациональности**.

Об этом неоспоримо свидетельствует А.Шпеер, проведенный рядом с Гитлером не один год: «Когда сияло солнце, могло случиться, что фюрер и рейхсканцлер, сняв китель, в одной рубашке ложился на траву» [А.Шпеер 2010: 59]; «Кроме того, он очень не любил разграничивать сферы компетенции» [А.Шпеер 2010: 275]; «В глазах народа фюрер был человеком, который неустанно трудится день и ночь. Тот, кому знакомы методы работы любой творческой натуры, наделенной темпераментом, пусть истолкует это чуждое всякой дисциплине деление дня как жизненный стиль человека богемы. Насколько я мог наблюдать, он, по неделям занимаясь пустяками, доводил до созревания какую-нибудь проблему, чтобы потом, после "внезапного политического озарения", окончательно сформулировать представляющееся ему верным решение за несколько дней напряжённой работы... Но, единожды приняв решение, он возвращался к привычной праздности» [А.Шпеер 2010: 175-176]. Об иррациональности А.Гитлера свидетельствуют и Лени Рифеншталь [Л.Рифеншталь 2006: 108], и Г.Раушнинг [Г.Раушнинг 1993: 147].

А.Шпеера, до мозга костей рационала, **иррационализм** Гитлера просто раздражал (выделим курсивом соответствующие лексические единицы): «Большую часть времени занимало *праздношатание* по строительным площадкам, студиям, кафе, ресторанам, с длинными монологами, адресованными неизменному окружению, которое уже досыта наслушалось неизменных тем и лишь с трудом скрывало скуку» [А.Шпеер 2010: 62]; «Что до времени появления, то в этом вопросе Гитлер демонстрировал *самодержавную непунктуальность*. Если обед был, к примеру, назначен на два часа, то Гитлер обычно появлялся в три, а то и позже...» [А.Шпеер 2010: 157]; «...Гитлер часто говорил мне: "А вы минутку подождите. Я бы еще хотел кое-что с вами обсудить". *Одна минута часто затягивалась на целый час*, а то и больше» [А.Шпеер 2010: 171]; «Первым изложил свои требования рейхслейтер Борман, который сумел убедить *не слишком последовательного в своих решениях* Гитлера отменить свой приказ» [А.Шпеер 2010: 282] и т.п., и т.п.

Такие типичные для социотипа *Гамлет* характеристики, как *признание семьи высшей ценностью* (а Гитлер вообще не был женат – женатым он был всего лишь последние полтора дня своей жизни), *тяготение к чёткому распределению обязанностей, хорошее ощущение времени и стремление его экономно использовать*, у Гитлера отсутствовали полностью.

Следует согласиться с социониками, что А.Гитлер был **экстравертом** (экспансионистская политика нацистской Германии – ярчайшее свидетельство экстравертности её тогдашнего государственного лидера). Наиболее ярко **экстравертность** Адольфа Гитлера можно проследить по видеозаписям его выступлений перед публикой – свободная эмоциональная речь, экспрессивность голоса и жестов.

Об этом свидетельствуют и воспоминания: «Фюрер говорил свободно, без бумажки. Его слова словно хлестали слушателей» [Л.Рифеншталь 2006: 107];

«И на этот раз речь Гитлера была сплошным монологом. Он не задал ни единого вопроса и не дал никакой возможности его прервать. Слова лились без перерыва» [Л.Рифеншталь 2006: 147]. В силу того что экстравертность Гитлера никем не оспаривается, это его качество далее не обосновывается.

По оппозиции интуиция/сенсорика Гитлера общепринято относить к *интуитам*. Воспоминания о Гитлере подтверждают эту соционическую характеристику. Гитлер активно пробовал себя в сфере живописи. Согласно Александру Клинге, историки приписывают авторству Гитлера более 3400 картин и эскизов. Сам он был безразличен к физическому комфорту [Л.Рифеншталь 2006: 172] – типичная характеристика интуитов. Он совершенно равнодушно относился к тому, что называется «детальной проработкой материала» и «сердился, когда к нему приходили с проблемами, требующими скрупулезного обдумывания» [Г.Раушнинг 1993: 145].

Как *интуита*, Гитлера наиболее ярко характеризует его природная способность предугадать события и смотреть в будущее, видеть вещи в перспективе (см. также: [А.Шпеер 2010: 43, 136, 163]). Получив отказ от Лени Рифеншталь на просьбу о создании фильма о его партии, он сказал ей следующее: «Фройляйн Рифеншталь, не подводите меня. Вам ведь придётся потратить всего несколько дней. Я убеждён, что только вы обладаете художественными способностями, необходимыми для того, чтобы из реальных событий сделать нечто большее, чем просто кинохроника. Чиновники из отдела кино Министерства пропаганды этого не сумеют» [Л.Рифеншталь 2006: 140]. Как известно, в результате Л.Рифеншталь создала «Триумф воли», документальный фильм, который по праву считается «лучшим пропагандистским фильмом всех времён».

Об иррациональности и интуитивности А.Гитлера фактически свидетельствует и А.Шпеер, его личный архитектор: «Подобные воспоминания нередко приводили Гитлера к мысли, что вот и сам он порой оказывался в тяжелейших ситуациях, но всякий раз его спасал какой-нибудь благоприятный поворот судьбы» [А.Шпеер 2010: 56].

Большинство социоников считает А.Гитлера *этиком*, т.е. относит его к эмоциональным личностям, умеющим налаживать контакты, манипулировать ими, пользующимся критериями *честно-нечестно, гуманно-негуманно*, т.е. к людям, объективная истина для которых является понятием относительным. Знакомство с воспоминаниями не позволяет согласиться с этим общепринятым мнением. Они неоспоримо свидетельствуют о *логичности* А.Гитлера (см. напр.: [А.Шпеер 2010: 129]). Особенно отчётливо мощная логика А.Гитлера демонстрируется Г.Раушнингом (вероятно, против воли самого автора). Гитлер исповедовал верность принятым обязательствам («Он взял на себя обязательства и считает нужным строго соблюдать их» [Г.Раушнинг 1993: 156]), постоянное самообучение («Я многому научился у марксистов. И я признаю это без колебаний. <...> Я учился их методам» [с. 148]; «Только дурак не учится у своих врагов. Только слабый человек боится потерять при этом свои собственные идеи» [с. 183]). Логичность и адекватность Гитлера иллюстрируется, например, таким свидетельством: «Гитлер заявил, что скорей будет иметь дело с армией недовооруженной, чем с вооруженной по последнему слову техники, но ли-

шенной души и боевого духа» [Г.Раушнинг 1993: 127] и т.д. и т.п. Самым же достоверным указанием на *логичность* А.Гитлера является общеизвестная сила его убеждения – причём не только на большие массы людей (это факт достоверен исторически), но даже на оппонентов: «Я вынужден признать, что воодушевленная речь Гитлера произвела на меня впечатление» [Г.Раушнинг 1993: 158].

В конце концов, *о логичности* А.Гитлера свидетельствует логика здравого смысла: если работы А.Гитлера больше чем полвека спустя находятся в списке запрещённых книг, следовательно, они даже спустя столько лет не потеряли своей убеждающей силы (= *логики*).

Сказанное пишется вовсе не для того, чтобы оправдать А.Гитлера. Это был враг, и враг смертельный. Но чтобы жителям России быть сильными и жизнеспособными, врага и его характеристики надо знать. Анализ воспоминаний и документов, таким образом, показывает, что **Гитлер** был *иррационалом, экстравертом, интуитом* и *логиком*, т.е. относился к психотипу **Дон Кихот** (*Искаатель*, интуитивно-логический экстраверт, ИЛЭ, ENTP).

Йозеф Геббельс – рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии (1933-1945 гг.), в этом качестве сыграл огромную (деструктивную) роль во 2-й мировой войне.

Безусловно, важнейшим источником, рассказывающим о жизни Геббельса и его личном толковании происходящих в мире событий, являются его дневники. Однако свободный доступ к ним отсутствует, поскольку в России книга «Геббельс Йозеф. Дневники 1945 года. Последние записи» решением Миякинского районного суда Республики Башкортостан от 13.01.2011 включена в федеральный список экстремистских материалов и запрещена. Для анализа психотипических характеристик министра просвещения используется книга Е.М.Ржевской «Геббельс. Портрет на фоне дневника», содержащая выдержки из дневников Геббельса. Писательница Елена Ржевская в годы Второй мировой войны была военным переводчиком в штабе армии. В Берлине она участвовала в разборке документов, найденных в бункере. В качестве второго источника выбрана книга, содержащая материалы публичных речей министра – «Так говорил Геббельс». Третьим источником стали «Мемуары» Лени Рифеншталь, кинематографа, тесно сотрудничавшего с Йозефом Геббельсом во время работы над документальными фильмами «Триумф воли» и «Олимпия», сделавшими её активным пропагандистом Третьего рейха.

Большинство социоников причисляет Й.Геббельса к психотипу *Гамлет*, т.е. считает его *рационалом, экстравертом, интуитом, этиком*. Полагаем, что отнюдь не все психотипические характеристики Й.Геббельса в данном случае определены верно.

То, что Геббельс являлся *рационалом*, несомненно. То, что он создал один из самых отлаженных для того времени пропагандистских центров, говорит о несомненно высоком уровне личностной организованности и ответственности. Геббельс ставил перед собой конкретные цели и всеми путями старался и достичь. Для иллюстрации рациональности Геббельса приведём одну из множества цитат: «Работал до позднего вечера. Вопрос о России становится все более

непроницаемым. Наши распространители слухов работают отлично <...> Время не терпит. Фюрер звонит мне еще поздно вечером: когда мы начнем печатать и как долго сможем использовать три миллиона листовок. Приступить немедленно, срок – одна ночь. Мы начинаем сегодня» (18 июня 1941 г., Й.Геббельс, цит. по: Е.М.Ржевская 2004: 268-269). Особенно впечатляет удивительная работоспособность Йозефа Геббельса. В своем дневнике 21 января 1930 г. он записал: «Надо работать, работать, не терять ни часа» (21 января 1930 г., Й.Геббельс, цит. по: Е.М.Ржевская 2004: 105)

Следует согласиться с мнением большинства социоников об *экстравертности* Геббельса. В своём дневнике он писал: «Другие живут и любят, они удивляются и обожествляют мою силу и ясность, а я живу только из самого себя, не находя даже эрзаца той энергии, которая мне нужна. Я должен давать и ничего не могу взять. От этого я медленно сгораю» (21 ноября 1928 г., Й.Геббельс, цит. по: Е.М.Ржевская 2004: 87-88). Об экстравертности говорят и многочисленные романы Геббельса, которые он заводил, находясь в законном браке с Магдой Геббельс. Л.Рифеншталь в своей книге «Мемуары» пишет: «Я с удовольствием ушла бы в антракте, но боялась скандала. Поэтому и осталась рядом с Магдой, которая, кстати, снова ждала ребенка. Стараясь казаться наивной, она без умолку тараторила о тех ухищрениях, на которые ей приходится идти, чтобы не выглядеть Золушкой рядом с красивыми актрисами, увивающимися возле ее мужа, чьи любовные похождения были притчей во языцех во всей Германии»¹ [Л.Рифеншталь 2006: 162]. Поразительным является то, как много Геббельс успевал сделать за короткий период времени: его телефон не умолкал, он постоянно был в центре событий, за один день он успевал побывать в десятке мест. Особенно важно то, что все эти хлопоты доставляли ему лишь удовольствие. Подтверждением этого может стать запись из дневника: «У нас прекрасная погода, но нет времени для отдыха. Вечно звонящий телефон приносит новые и новые известия. Напряженная и возбужденная жизнь. Пожалеешь, когда это кончится...» (21 мая 1941 г., Й.Геббельс, цит. по: Е.М.Ржевская 2004: 253).

Также несомненным для нас (как и для большинства социоников) является тот факт, что Геббельс был *интуитом*. Подтвердим наше суждение следующей цитатой из дневника министра пропаганды: «У меня слишком мало возможностей для отдыха. Я едва вижу самого себя. Мое личное «я» блекнет. Все притязают на меня, только я не могу ни на кого притязать» (21 ноября 1928 г., Й.Геббельс, цит. по: Е.М.Ржевская 2004: 87). Об интуиции Йозефа Геббельса вспоминает и Лени Рифеншталь: «– Помните, доктор, – продолжала я виноватым голосом, – вы предостерегали меня в отношении господина Егера, о котором я так пеклась и даже поручилась за него?

– И что же? – раздраженно прервал меня Геббельс.

¹ Интересно, был бы Геббельс настолько любвеобилен, если бы Магда Геббельс, его жена, любила именно его, а не других мужчин – Адольфа Гитлера [Л.Рифеншталь 2006: 137], Карла Ханке [А.Шпеер 2010: 199]? – А.П.

По выражению его лица стало понятно, что о статейках Егера его еще не проинформировали. Я облегченно вздохнула.

– Произошло нечто очень неприятное – господин Егер опубликовал в Голливуде невероятно скандальные истории обо мне. Вы уже читали? – тихо спросила я и с волнением стала ждать его реакции.

Сделав пренебрежительное движение рукой, министр презрительно ответил:

– Я же вам сразу сказал, что не следует верить этому пачкуну.

Мне оставалось только кивнуть головой в знак согласия» [Л.Рифеншталь 2006: 237].

Наибольшие трудности у социоников при типировании Й.Геббельса вызывает оппозиция *логика/этика*. Большинство из них склоняется к тому, что Й.Геббельс был *этиком* и, таким образом, причисляет его к психотипу *Гамлет*. Но воспоминания современников свидетельствуют о том, что Геббельс всё-таки был *логиком*. Подтверждений тому много. Одним из них могут стать впечатления молодого Геббельса после просмотра художественного фильма: «Вечером смотрели «Потемкина». Надо сказать, замечательно сделано. Прекрасные массовки. Пейзажные и технические съемки точного воздействия. Лозунги сформулированы так точно, что не найдешь возразить. В этом опасность фильма. Хорошо бы у нас был такой» (30 июня 1928 г., Й.Геббельс, цит. по: Е.М.Ржевская 2004: 84).

Доказательством *логичности* могут стать и «Мемуары» Лени Рифеншталь, свидетельствующие о личном мужестве Йозефа Геббельса и мощной силе его убеждения: «По сообщениям в прессе можно было заключить, что в партии Гитлера продолжалась борьба за власть. Геббельс в качестве гауляйтера Берлина умножил свои усилия. Удивительно, как силен физически был этот человек небольшого роста. Одна яркая речь сменяла другую. Мне он не нравился, но справедливости ради должна признать, что личного мужества ему было не занимать. Когда он выступал с речью в Берлине, в Веддинге, перед рабочими-коммунистами, в него бросали пивные кружки. Он не покидал трибуну, даже когда получал ранение, ему почти всегда удавалось овладеть настроенной против него толпой и убедить ее перейти на свою сторону» [Л.Рифеншталь 2006: 128].

О Геббельсе как *логике* говорит и его осознанное преклонение перед Гитлером, и тот факт, что Геббельс всегда ставил интересы партии превыше своих собственных: «Я преклоняюсь перед шефом. Иногда даже против своего убеждения... Но я должен так поступать, чтобы спасти партию...» (24 августа 1928 г., Й.Геббельс, цит. по: Е.М.Ржевская 2004: 78).

О личном мужестве и логичности свидетельствует то, что супруги Геббельс, уходя из жизни, приняли решение убить своих шестерых детей. Геббельс осознавал, что в противном случае в будущем детям пришлось бы предать собственного отца, и этот его поступок является неоспоримым свидетельством *логичности* Геббельса.

И точно так же, о *логичности* Й.Гebbельса свидетельствует логика здравого смысла: если работы Й.Гebbельса больше чем полвека спустя оказались в списке запрещённых книг, следовательно, они даже спустя столько лет не потеряли своей убеждающей силы (= *логики*).

Таким образом, имеющиеся записи дневников и воспоминания современников заставляют сделать вывод, что **Й.Гebbельс** был *рационалом, экстравертом, интуитом, логиком*, т.е. относился к психотипу *Джек* (*Джек Лондон, Предприниматель*, логико-интуитивный экстраверт, ЛИЭ, ENTJ).

Черчилль Уинстон. Сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль являлся известным британским государственным и политическим деятелем, известен как премьер-министр Великобритании в 1940 – 1945 и 1951 – 1955 годах. Сыграл немаловажную роль во Второй мировой войне и оставил несомненный след в истории политики XX века.

Для анализа психотипа Уинстона Черчилля была выбрана книга Франсуа Бедарида «Черчилль», поскольку эта книга находится в широком доступе в Интернете как для скачивания, так и для чтения он-лайн, что позволяет любому желающему ознакомиться с этой книгой. Удобством книги является то, что в ней приводится множество ссылок на различные источники, в том числе на личные письма и записи Уинстона Черчилля и многочисленные отзывы его коллег, родственников, друзей и просто людей, которые его знали лично. Для более точного определения психотипа У.Черчилля нами также используется книга Бориса Бейли «Черчилль без лжи. За что его ненавидят».

То, что Черчилль является *иррационалом*, ни у кого из социоников сомнений не вызывает. Очень многие современники Черчилля говорили о его недисциплинированном поведении и отсутствии конкретных планов как в работе, так и в жизни. Также все коллеги отмечали его постоянные опоздания на важные встречи и совещания, что говорит о неумении Черчилля выстраивать свой временной график и нежелании следовать установленному плану. В доказательство можно привести несколько цитат: «Преподаватели отмечали его "забывчивость, рассеянность, вечные опоздания, систематическое нарушение дисциплины". <...> Уинстон был непокорным, беспокойным и задиристым юношей. Даже во время каникул окружающие обращали внимание на его недисциплинированность, частые перепады настроения и внутреннюю растерянность» [цит. по: Ф.Бедарида 2011: 32]; «Беатрис, преуспевающий методичный социолог, описывала своего чересчур активного гостя: "Первое впечатление: очень беспокойный человек, порой он просто несносен. Не способен на долгую серьезную работу. Эгоцентричный, претенциозный, неглубокий человек, безусловно реакционер, но не лишен обаяния, весьма умен и своеобразен. Однако это своеобразие не ума, а характера. Больше походит на американского спекулянта, нежели на английского аристократа. Весь вечер говорил только о себе и своей предвыборной кампании. (...) Но несмотря ни на что, – продолжает Беатрис, – его смелость, мужество, огромный потенциал, а также та давняя традиция, которую он воплощает, вероятно, сослужат ему хорошую службу, если только он не погубит себя сам, как его отец"» [Беатрис Уэбб, запись в дневнике от 8 июля 1903 г., цит. по: Ф.Бедарида 2011: 56].

Об иррациональности мышления Черчилля говорит его склонность к депрессиям и пониженному настроению, а порой и вовсе к отчаянию и апатии: «Уинстон Черчилль, как и его предок Мальборо, да и многие великие люди, на протяжении всей своей жизни страдал от приступов глубокой депрессии. С детских лет и до последних дней депрессия была решающим фактором, определяющим его поступки, хотя в большинстве случаев Черчиллю удавалось скрывать свой недуг. В периоды депрессии им овладевало уныние, безысходная тоска терзала его и повергала в отчаяние. Черчилль признавал, что подвержен психической патологии, и даже называл ее «черной собакой», потому что она неизменно сопровождала его в черные дни неудач» [Ф. Бедарида 2011: 34]; «Временами Уинстона вновь охватывало уныние, а чувство разочарования и вовсе не покидало его» [Мартин Гилберт, цит. по: Ф.Бедарида 2011: 117].

Большинство социоников считает У.Черчилля экстравертом [<http://simtim.org/node/2183>]. Анализ имеющихся источников неоспоримо свидетельствует о том, что Черчилль являлся *интровертом*. Об интровертности Черчилля свидетельствует его желание всегда быть на виду, привлекать к себе внимание. Многие из современников Черчилля отмечали тот факт, что Черчилль зачастую вёл себя подобно актёру на сцене. В доказательство можно привести свидетельства самого Уинстона Черчилля [цит. по: Ф.Бедарида 2011]: «Быть все время на виду, блистать, обращать на себя внимание, именно так должен поступать человек, чтобы стать героем в глазах публики, в этом залог успешной политической карьеры» [с. 39]; «Однажды я проскакал на своей серой лошадке по самой линии огня, тогда как все спрятались в укрытие, может быть, это и глупо, но ставки в моей игре велики, тем более, когда у тебя есть зрители, дерзости нет предела» [с. 39]; «С удовольствием узнал, что мои безумства не остались незамеченными» [с. 42]; «В наше время нужно уметь подать себя, борясь за место под солнцем с лучшими представителями рода человеческого» [с. 43].

О желании постоянно быть в центре внимания говорили и современники Черчилля, которые знали его лично и работали с ним. Ллойд Джордж говорил: «Аплодисменты, которыми аудитория встречала его речи в парламенте, ударяли ему в голову. Он, словно актер, нуждался в ярких огнях рампы и рукоплесканиях партера» [Ф.Бедарида 2011: 56]. Как заметил журналист Альфред Гардинер, Черчилль был «сам себе супермен», настолько поглощенный собой, что других он попросту не замечал» [цит. по: Ф.Бедарида 2011: 79].

Не вызывает сомнений у социоников *интуитивность* Уинстона Черчилля. Всем хорошо известно о любви Черчилля к сигарам, спиртным напиткам и обильной пище. Также не является секретом безответственное отношение Черчилля к своему довольно слабому здоровью, что также говорит о его интуитивности. Кроме того сам Черчилль считал, что обладает сильной интуицией и даже даром провидения, о чём охотно говорил своим знакомым и делился своими «предсказаниями». Об этой стороне личности Черчилля свидетельствуют следующие примеры: «Уинстон невзлюбил свою первую школу, о чем свидетельствовали нелестные характеристики, полученные «недисциплинированным, неумеренным в еде и неаккуратным» учеником Черчиллем» [цит. по: Ф.Бедарида

2011: 32]; «В колледже Уинстон начал курить, отдавая предпочтение сигарам, и употреблять спиртное, впрочем, в меру. В то время виски и коньяк еще не были его любимыми напитками» [Ф.Бедарида 2011: 35]; «В 1891 году Черчилль признался своему однокласснику Мюрланду Эвансу: "Мне снятся сны, в которых я вижу громадные перемены, которые вскоре произойдут в нашем спокойном мире. С нами случатся великие потрясения, ужасные битвы, война, масштабы которой сейчас нельзя вообразить... Я смотрю в будущее и вижу, что Лондон будет в опасности. Наша страна подвергнется страшному нападению... Я возглавлю оборону Лондона и спасу его и всю Англию от катастрофы". Впоследствии в своих книгах Уинстон стремился убедить своих читателей, что обладает даром пророчества и, кажется, искренне в это верил». [Б.Бейли 2013: 28].

Интуитивность Черчилля подтверждается его аномальным безразличием к собственному здоровью: «Предки Черчилля, как большая часть английских аристократов, учились в Итонской школе. Его туда нельзя было отдать, так как климат Виндзора, где находится эта старинная школа, был признан недостаточно благоприятным для мальчика со столь слабым здоровьем. Все это не мешает ему в 66 лет есть за троих, пить за двоих» [Б.Бейли 2013: 303].

Наибольшие сложности у социоников возникли с оппозицией *логик/этик*. Многие относят Черчилля к *логикам* [http://sss.socioland.ru/people/view.php?id_people=1253]. Обычно ссылаются на то, что Черчилль всегда вёл себя как военный или солдат. С нашей точки зрения, это не самый сильный аргумент. Об этичности Черчилля свидетельствует отсутствие у него жёстких принципов и стабильных взглядов. Черчилль всегда был готов перейти в другой политический лагерь, принять любую позицию, которая казалась ему на тот момент выгодной, и изменить своё мнение сразу же, как только его прежняя позиция перестаёт приносить выгоду. В доказательство его **этичности** можно привести следующие цитаты: «В начале 1901 года двадцатипятилетний Уинстон вошел в состав парламента. На выборах в законодательное собрание, прошедших осенью 1900 года, – выборах «хаки» – он был избран депутатом от консерваторов Олдема, рабочего городка в Ланкашире. <...> 31 мая 1904 года Уинстон сделал решительный шаг: перешел из одной партии в другую, *crossed the floor*, как принято говорить, то есть пересел со скамьи консерваторов на скамью либералов. Утверждали при этом, что стоило только лидерам консерваторов поманить Черчилля министерским портфелем – и они смогли бы его удержать» [цит. по: Ф.Бедарида 2011: 51]. «Более сдержанно, но не менее сурово высказался в его адрес Остин Чемберлен: «Он сменил лагерь, руководствуясь личными интересами» [Ф.Бедарида 2011: 55].

«В политике, – признавался Черчилль, – успех зависит не столько от того, что ты делаешь, сколько от того, как ты себя ведешь. Дело не столько в уме, сколько в личности политика и его характере. (...) Выступления, связи, нужные друзья, имя, хорошие советы, не пропадающие даром, – все это важно, но поднимает тебя не выше определенного уровня. Тебя, как жокея перед скачками, взвешивают. Все жокеи должны пройти эту процедуру, и если твой вес окажется недостаточным, публика не поставит на тебя и пенни» [цит. по: Ф.Бедарида 2011: 79].

«Аткинс описал своего коллегу: «До тех пор мне никогда еще не доводилось встречать такого человека. Сразу видно, что он честолюбив, к тому же эгоцентричен, однако наделен способностью сообщать свой пыл окружающим и вызывать у них симпатию» [Ф.Бедарида 2011: 43].

Таким образом, анализ имеющихся документов и воспоминаний заставляет прийти к выводу, что Черчилль был **иррационалом, интровертом, интуитом, этиком**, т.е. относился к психотипу **Есенин** (*Есенин, Лирик*, интуитивно-этический интроверт, INFP).

Рузвельт Франклин Делано. Для определения психотипа Франклина Делано Рузвельта были проанализированы обращения Рузвельта к народу [Ф.Рузвельт 2012], воспоминания его сына Элиота Рузвельта [Э.Рузвельт 1947], воспоминания его современников [Из портфеля редакции 2002; Ф.Рузвельт 2012; Э.Рузвельт 1947] и биографический труд Н.Н.Яковлева «Франклин Рузвельт. Человек и политик. Новое прочтение глазами» [Н.Н.Яковлев 1981], автор которого опирался на многочисленные англоязычные источники.

Большинство социоников типировает Ф.Д.Рузвельта как *рационала, экстраверта, интуита и логика* и относит его к психотипу *Джек* (*Джек, Изобретатель, Предприниматель*, логико-интуитивный экстраверт, ЛИЭ, ENTJ) [http://sss.socioland.ru/people/view.php?id_people=7700]. Наши наблюдения подтверждают справедливость такого типирования, поэтому ограничимся минимумом примеров.

Очевидно, что Ф.Д. Рузвельт являлся **рационалом**. Действие по чёткому плану было для него привычным и удобным. Об этом свидетельствует множество фактов. Обратимся к воспоминаниям Элиота Рузвельта: «Приход курьера с почтой прервал на несколько минут нашу беседу. После его ухода отец вернулся к вопросу об основных мотивах предстоящей встречи. Мне кажется, он как бы репетировал свою роль, готовясь к переговорам, которые должны были начаться на следующий день, анализировал различные соображения, приведшие его сюда, и настраивал себя для ответа на требования Черчилля» [Э. Рузвельт 1947: 40]; «И снова отец как бы излагал свои мысли вслух, чтобы проверить их, привести в систему, упорядочить, готовясь к переговорам, которые должны были начаться завтра и продолжаться десять дней» [Э. Рузвельт 1947: 87]; «Мы с Франклином перемигнулись: отец наслаждался. В беседе на тему о том, во что могла бы превратиться эта страна при разумном планировании, он дал полную волю своему деятельному уму и быстрому воображению» [Э. Рузвельт 1947: 98; см. также: Э. Рузвельт 1947: 7; 25].

Несомненна **экстравертность** Ф.Д. Рузвельта, его обращённость вовне, на окружающих: «В прошлом я мог убедиться, что он всегда играл первую роль во всяком собрании, на котором присутствовал, и не потому, что он очень стремился к этому, а потому, что это всегда казалось его естественным правом» [Э. Рузвельт 1947: 45]; Рексфорд Тагвелл (профессор Колумбийского университета, член «мозгового треста» Рузвельта) говорил, что «Рузвельт использовал любую возможность для письменных и устных выступлений в целях всестороннего развития полной империалистической доктрины» [Н.Н. Яковлев 1981: 48]. Приведём ещё одну цитату, которая явно свидетельствует о том, что Ф.Д.

Рузвельт был экстравертом, скорее тратил энергию, чем сохранял: «Мне было бы стыдно, если бы я не мог делать двух дел одновременно» [Н.Н. Яковлев 1981: 19].

Очевидно также, что Ф.Д. Рузвельт являлся *интуитом*, обладая способностью видеть перспективу событий, направленностью в будущее: « – Вот подожди, – сказал он, – подожди, и ты увидишь, что премьер-министр начнет с того, что потребует от нас немедленного объявления войны нацистам» [Э.Рузвельт 1947: 40]; «Он знал, что те или иные события случаются или должны случиться, но точно не знал, почему» (Р. Тагвелл) [Н.Н. Яковлев 1981: 29]; «Я не могу понять, почему люди, которые имеют денежные интересы в том или ином деле, никогда не видят дальше шести дюймов под собственным носом» [Н.Н. Яковлев 1981: 37]; «Когда мы выиграем войну, четыре великие державы будут нести ответственность за мир. Пора нам уже подумать о будущем и начать готовиться к нему» [Э. Рузвельт 1947: 89; см. также: Э. Рузвельт 1947: 224; 17 и др.].

Представляется бесспорной *логичность* Ф.Д. Рузвельта. «Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт – самая сильная фигура», – отзывался о нём Сталин летом 1934 года, указывая на его «инициативу, мужество, решительность» [Из портфеля редакции 2002, электронный ресурс: http://www.situation.ru/app/j_art_1202.htm]. Эти черты свойственны логикам. Логичность Ф.Д. Рузвельта также проявлялась в способности передать сложные вещи простым языком, удивительном даре объяснять: «По свидетельству одного из очевидцев, президент «объяснял положение так ясно, что даже банкиры могли понять его» [Ф. Рузвельт 2012: 9; см. также: Ф. Рузвельт 2012: 9; Э. Рузвельт 1947: 67; 159].

Таким образом, Ф.Д. Рузвельт являлся *рационалом, экстравертом, интуитом и логиком* и относился к психотипу *Джек (Джек, Изобретатель, Предприниматель, логико-интуитивный экстраверт, ЛИЭ, ENTJ)*.

Трумэн Гарри. В случае с Гарри Трумэном мы могли опираться на меньшее количество источников ввиду их недоступности. К проанализированным нами документам относятся воспоминания Г. Трумэна [Г.С. Трумэн 2000] и статья Николая Злобина «Трумен» [Н.В. Злобин 2001], в которой автор ссылается на различные англоязычные источники – воспоминания самого Г. Трумэна, воспоминания о нём современников, архивные данные.

Большинство социоников считает Г. Трумэна *рационалом, интровертом, сенсориком и логиком* и относит его к психотипу *Максим (Максим, Николай I, Инспектор, логико-сенсорный интроверт, ЛСИ, ISTJ)* [http://sss.socioland.ru/people/view.php?id_people=9162, <http://www.socioniko.net/ru/celebr/lf-cel.html>]. Наши наблюдения также подтверждают правомерность таких выводов.

Рациональность Г. Трумэна бесспорна. Стремление к рациональной организации времени, действию согласно плану хорошо иллюстрируют следующие цитаты: «Я сказал, что не готов выразить мнение, и предложил отложить обсуждение этого вопроса, пока он не будет изучен должным образом» [Г.С. Трумэн 2000]; «Я также заявил, что очень хотел бы решить как можно больше

вопросов потому, что, когда у нас не останется никаких проблем, я смогу вернуться домой. У меня еще много дел в Вашингтоне, добавил я» [Г.С. Трумэн 2000]; «Тут я решил, что необходимо объяснить, каковы мои полномочия как президента, когда дело касается международных договоров» [Г.С. Трумэн 2000]. Отсутствие склонности менять свою позицию, что также является характерной чертой рационалов, наблюдается в следующем высказывании: «Такова, я сказал, была моя позиция вчера, такова моя позиция сегодня, и такой она будет завтра» [Г.С. Трумэн 2000; см. также: Н.В. Злобин 2001].

Очевидно, что Г. Трумэн был *интровертом*. В данном случае самой показательной является следующая цитата, где ярко проступает раздражение экстравертностью других: «Я знаю, что американцы – забавные типы. Они всегда засовывают свои носы в чьи-нибудь дела, которые никак не являются их делами» [Papers of Harry S. Truman: 1945-1952; цит. по: Н.В. Злобин 2001]. Интровертность политика демонстрируют также его воспоминания о детстве: «Я никогда не был популярным. Популярными были те парни, которые побеждали в играх и имели большие, сильные кулаки. Я никогда не был таким. Без моих очков я был слеп, как летучая мышь, и, говоря по правде, я был в определенной степени маменькиным сыночком. Если возникала драка, я всегда убежал...» [Alonzo L. Hamby 1995: 3; цит. по: Н.В. Злобин 2001]; «Очкарик с девчачьим ртом, я всегда побаивался девочек моего возраста и старше» [H.S. Truman 1934: 115; цит. по: Н.В. Злобин 2001].

Интровертность Г.Трумэна проявляется и в следующих свидетельствах: «Мои проблемы заключаются в том, что я не фотогеничен и чертовски плохой публичный оратор» [H.S. Truman 1934: 169-170; цит. по: Н.В. Злобин 2001]. «"Я слишком мелок для этой работы", – признавался он. По крайней мере два года займёт у Трумена выработка уверенности, что это ему вполне по силам. Он часто называл свою резиденцию «Белой тюрьмой», подчеркивал, что работа президента – «ужасная работа», ибо он вынужден выслушивать оскорбления «от разного рода лжецов и демагогов», призывал родителей «не воспитывать детей в желании стать президентом»» [Margaret Truman 1981: 106; цит. по: Н.В. Злобин 2001]. Очевидны отсутствие ориентированности на внешний мир, на окружающих людей – типичных качеств экстравертов.

Обращение к биографии политика заставляет думать, что он скорее являлся *сенсориком*, чем интуитом. Разнообразные начинания молодого Трумэна как политика в большинстве своём не оказывались успешными. Будучи вице-президентом, политик не играл самостоятельной роли: он не принимал участия в военных конференциях, его не информировали о проекте Манхеттен, создании атомной бомбы [Н.В. Злобин 2001]. Эти и другие факты позволяют нам сделать вывод о том, что Г. Трумэн не проявлял особой интуиции. Скорее он стремился к контролю, что демонстрирует его сенсорные характеристики. Вероятно, со стремлением к тотальному контролю связан тот факт, что на столе Гарри Трумэна стояла табличка с надписью «Фишка дальше не идёт», а эту фразу из обихода игроков в покер Трумэн сделал своим девизом (См. Википедия, статья, посвящённая Трумэну). Приведённые выше цитаты о детстве

Трумэна показывают его озабоченность своим внешним видом, что тоже обнаруживает в нём сенсорика.

Логичность Г. Трумэна не подлежит никакому сомнению. Большая часть найденных нами цитат обнаруживает именно эту характеристику лидера: «Я – простой гражданин Америки, но сейчас я – президент Соединенных Штатов и нет в мире должности, которая подразумевает столь много ответственности. Наверное, существует миллион американцев, которые смогут работать на этой должности не хуже меня, но занимаю эту должность именно я, и я намерен работать с полной силой, на которую я способен» [A. Race 1972: 106; цит по: Н.В. Злобин 2001]; «Один из создателей бомбы Роберт Оппенгеймер осенью 1945 г. попросил о встрече с президентом и заявил ему, что находится в ужасном состоянии и чувствует кровь на своих руках. Трумен был очень разозлен видом «хныкающего» ученого. «Кровь на *моих* руках, – сказал он. – Это всё *мои* проблемы»» [D. McCullough 1992: 475; цит. по Н.В. Злобин 2001]; «Политика, которую он проводит, по моему мнению, лучшая для страны, и работа не должна смешиваться с общими принципами» (о Ф.Д. Рузвельте) [Harry S. Truman to Bess Truman 1939; цит. по: Н.В. Злобин 2001] и т.д. Г.Трумэн проявлял крайнюю категоричность в суждениях, не боялся быть неполиткорректным, что также обнаруживает в нём именно **логика**: «В одну из своих поездок в Нью-Йорк он был спрошен репортерами о том, как он оценивает присуждение Нобелевской премии мира Мартину Лютеру Кингу. «Я бы ему ее не давал», – ответил Трумен. На вопрос о гражданских правах Трумен ответил, что равенство является неотъемлемым правом всех американцев. Но, добавил бывший президент, «лично он не хотел бы быть связан с неграми». «А Вы бы отдали свою дочь за негра?» — спросил он задавшего вопрос белого журналиста» [New York Times 1963; цит. по: Н.В. Злобин 2001] и т.д.

Таким образом, Г. Трумэн являлся **рационалом, интровертом, сенсориком, логиком** и, как справедливо полагает большинство социоников, относился к психотипу **Максим** (*Максим, Николай I, Инспектор*, логико-сенсорный интроверт, ЛСИ, ISTJ).

Характерной приметой *Максимов* является то, что, будучи подчинёнными, они практически незаметны и являются раболепными подданными: так, за 82 дня вице-президентства Трумэн встречался с Рузвельтом всего два раза; к решению серьёзных вопросов его не привлекали. Когда же *Максимы* обретают власть, они становятся крайне жестокими властителями, не боящимися лить человеческую кровь. Именно Г.Трумэн стал инициатором атомной бомбардировки мирных городов Японии – Хиросимы и Нагасаки. В этом смысле слова Г.Трумэна: «Кровь на моих руках. Это всё мои проблемы» – для *Максимов*, находящихся на вершине государственной власти, чрезвычайно симптоматичны.

Проведённый обзор психотипических (соционических) особенностей политических лидеров Второй мировой войны позволяет уточнить позиции воевавших сторон, связать поведение тех или иных государств с личностными характеристиками их лидеров. Полагаем, что такой обзор может уточнить суще-

ствующие представления о выдающихся исторических личностях, способствовать формированию более адекватных представлений о прошедшей Войне.

Цитируемая литература

Бедарида Ф. Черчилль / Перевод с франц. Е.Н. Юдиной. – 4-е издание. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 480 с.

Бейли Б. Черчилль без лжи. За что его ненавидят. – М.: Эксмо, 2013. – 320 с.

Берия Л.П. Спасённые дневники и личный архив: Самое полное издание / Комментарии и примечания Сергея Кремлёва. – М.: Яуза-пресс, 2014. – 992 с. – (Подстрочник истории. Уникальные мемуары).

Геббельс Й. Так говорил Геббельс. – Пермь: Самиздат, 2005. – 111 с.

Журавлёв П.А. Двести встреч со Сталиным: По страницам воспоминаний его современников. В 2-х книгах. – М.: Троица, 2004. Кн. 1. 320 с. Кн. 2. 304 с.

Злобин Н.В. Трумен [Электронный ресурс] // Континент. – 3.11.2001.; Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2001/110/tr.html> (Дата доступа: 6.04.2014).

Из портфеля редакции. Беседа тов.Сталина с английским писателем Г. Уэллсом [Электронный ресурс] // Восток. – 8.12.2002; Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1202.htm (Дата доступа: 5.04.2014).

Клинге А. Гитлер без мифов и лжи. Врага надо знать! / Александр Клинге. – М.: Яуза-пресс, 2013. – 256 с. – (Триумф и трагедия вождей)

Митрохина А.Л. Общая соционика. Информационный метаболизм психики: Учебно-практическое пособие. – М.: Чёрная белка, 2010. – 544 с. – (Библиотека SOCIONICA. Прикладная соционика).

Мухин Ю.И. Убийцы Сталина. – М.: Яуза, 2005. – 672 с. – (Русская правда).

Пузырёв А.В. Неоднозначность речевых событий и соотношение правды и истины // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Сборник научных трудов. Выпуск IX. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007. С. 79-83.

Раушнинг Герман. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М.: Миф, 1993. – 383 с.

Ржевская Е.М. Геббельс: Портрет на фоне дневника. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. – 400 с.

Рифеншталь Л. Мемуары: Пер. с нем. – М.: «Ладомир», 2006. – 699с.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. – М.: Вече, 2013. – 400 с.: ил. – (Путь русского офицера).

Рузвельт Ф. Беседы у камина: О кризисе, олигархах и войне. – М.: Алгоритм, 2012. – 352 с.

Рузвельт Э. Его глазами. – М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1947. – 254 с.

Сергеев А., Глушик Ек. Беседы о Сталине. – М.: Крымский мост-9Д; ООО «НТЦ» Форум», 2006. – 185 с.

Сталин И.В. Стихи. Переписка с матерью и родными. – М.; Мн.: Русская правда, 2006. – 80 с.

Стариков Н.В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. – СПб.: Питер, 2008. – 365 с.: ил.

Трумэн Г.С. Воспоминания [Электронный ресурс] // Великие властители прошлого. – 2.04.2000; Режим доступа: <http://www.vlastitel.com.ru/stalin/vov/truman.htm> (Дата доступа: 7.04.2014).

Ходжа Э. Хрущёв убил Сталина дважды. – М.: Алгоритм, 2013. – 224 с. – (Рядом со Сталиным).

Шпеер А. Воспоминания: Пер. с нем. – 2-е изд., испр. – М.: Захаров, 2010. – 688 с.: ил. – (Биографии и мемуары).

Юнг, К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.

Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. Человек и политик. Новое прочтение. – М.: Международные отношения, 1981. – 414 с.

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И ЛОГИКО-СТРУКТУРНОМ АСПЕКТАХ

Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Рузаевка), докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)
ПРЕТЕКСТ ТАТАРСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СКАЗКИ

Аннотация. Сказка – нарратив прошлого и будущего этноса. Татарская сказка основана на претексте Святого Корана, хадисах, модели тюркского и татарского здравого смысла, модели истории выживания татарского и русского народа в истории Евразии. Татарская сказка моделирует внешнюю и внутреннюю опасности жизни, пороки и добродетели, творение мира в целом и творение жизни в видах деятельности.

Ключевые слова: сказка как нарратив, татарская этническая сказка, претекст, Святой Коран, татарский человек, понятие татарского народа, здравый смысл.

Сказка как жанр понимается формально в соответствии с позиции В.Я. Проппа: устный поэтический рассказ, устный рассказ, форма наслаждения, необычайность (фантастическая, чудесная, житейская), поэтика семи героев и 32-х функций, нарочитая поэтическая фикция и вымысел, в который никто не верит.

Сказка не формальная структура с 7-мя героями и 32-мя функциями, в которых предикат имеет смысл, а субъект переменен, но наоборот, субъект задает семантику, это семантическая этнокультурная знаково-речевая структура как нарратив, избыточная энергия и информация, литературный язык в форме глагольных и именных предложений, их диалога, перформатив (волшебство), нарратив, рекурсия; первообраз семантики; субъективная ставочная вера и свидетельское познание; конвенция и когеренция суждений, имея в основе экзистенциальные обобщения; телеология судьбы этноса; циклы моделирования социальной мобильности и протеста; антиномия ненасильственного действия и прогноз жизни этноса. Сказка всегда этнична, хотя имеет формы аккультурации рецепции, реторсии.

1) Татарская сказка – уникальный продукт мировой и русской культуры. Она основана на претекстах – Ветхого Завета, Нового Завета, Св. Корана, араб-

ской сказки, русском тексте, интертексте и гипертексте, культурных цитатах, аллюзиях и реминисценциях их русской культуры, собственном семантическом тексте, адекватном именно тюркскому, татарскому евразийскому и русскому, исламскому уму. Сказка моделирует уникального татарского человека и эпос его выживания и борьбы с несправедливостью, совместную борьбу с угнетением вместе с русским народом в Евразии! В генетическом аспекте сказка актуализирует зоны коры мозга: хвостатое ядро (общая польза), скорлупу (эффективность) и островок (чувство несправедливости) в связи, зоны Дома и страха, питания, манипуляции людьми (хитрость как основная добродетель татарина в Аллахе), **решения**, самооценки в справедливости и несправедливости, как раз ограничивая неправильное фанатическое понимание Св. Корана и деление людей по вере, которое актуализирует торможение систем МПО и ВМПК (генерирование агрессии и жестокости). В центре сказки – тюркско-татарский исламский русский человек. Общая модель тюркско-татарского человека – интенция на всеобщее на основе экзистенциальных обобщений существований ситуаций; система хитрости, коварства и здравого смысла в предположении несправедливости мира и человека («Истинно, человек несправедлив, неблагодарен» (Св. Коран, 14 Авраам, 37); система феноменологической и структурной рефлексии, иджитхада, иджмы, кияс, бид, а, тавила, тафсира, таклида; прагматическая логика и логика условных умозаключений и объективной вероятности; система совместимости реализма, номинализма, концептуализма; моделирование алгебраических конструкций локальных классов в некотором отношении и различение с иными этносами; телеология уменьшения объема несправедливости и конструктивизм в теории естественных природных и социальных событий (право); модель символического конструктивизма на основе экзистенциальных обобщений и умозаключений; абстракция действия и деятельности, вера как готовность действовать. «Так петух и спасся от злого умысла, ответив Лисе на хитрость хитростью» (17, с. 17).

Сюжет неба и земли, масла и меда на небе, веревки, с помощью которой поднимаются на небо, присуц хадису о Мухаммаде и арабской сказке.

«Передают со слов Ибн Аб-баса, да будет доволен Аллах ими обоими, что (как-то раз) к посланнику Аллаха, (Да благословит его Аллах и приветствует), пришел один человек и сказал: Сегодня ночью я видел во сне дававшее тень облако, из которого изливались масло и мёд, и я видел людей, собиравших это в свои ладони, и у некоторых из них (в руках) было много (масла и мёда), а у других – мало. И вдруг я увидел верёвку, протянувшуюся от земли до неба, и я увидел, как ты взялся за неё и поднялся (по ней) наверх, потом за неё взялся другой человек и поднялся наверх, потом за неё взялся другой человек и поднялся наверх, а потом за неё взялся другой человек, но она порвалась, а затем соединилась вновь". (После этого) Абу Бакр сказал: "О посланник Аллаха, да станет отец мой выкупом за тебя, клянусь Аллахом, если ты позволишь мне, я истолкую (этот сон), и пророк, (Да благословит его Аллах и приветствует), сказал: *Толкуй*". (Тогда Абу Бакр, да будет доволен им Аллах,) сказал: "Что касается облака, дающего тень, то это ислам, что касается истекающего из него масла и мёда, то это Коран, сладость которого сочтется (из этого облака), и некоторые

люди постигают его в большей мере, а другие – в меньшей. Что касается верёвки, протянувшейся от земли до неба, то это истина, которой ты следуешь: ты станешь придерживать её, и Аллах вознесёт тебя наверх, после тебя станет придерживать её (другой) человек, и благодаря этому он поднимется наверх, потом станет придерживать её (другой) человек, и благодаря этому он поднимется наверх, а потом станет придерживать её другой человек, но она порвётся (в его руках), а потом будет соединена для него, и благодаря этому он поднимется наверх. (А теперь) скажи мне, о посланник Аллаха, да станет мой отец выкупом за тебя, я был прав или ошибся? (На это) пророк, (Да благословит его Аллах и приветствует), сказал: *В чём-то ты был прав, а в чём-то ошибся*". (Абу Бакр, да будет доволен им Аллах,) сказал: "Клянусь Аллахом, ты должен сказать мне, в чём я ошибся!" – (на что пророк, Да благословит его Аллах и приветствует), сказал: *"Не клянись"*. (Сахих аль-Бухари, 11, т.2 81.9. 1802 (7046) с. 398-399).

Этот хадис – основа многих татарских и русских сказок о небе и земле, подъему на небо по веревке и дереву, с последующим падением.

«Мы им лапки связали, а конец веревки я вокруг себя обмотала – для надежности... Птицы ... закурлыкали и – в небо. Ну и меня с собой потащили – я ведь тогда совсем маленькой была. ... И вот летим мы... Птицы мои закурлыкали и – вниз... Тут веревка оборвалась, упала я и – в самую топь. Утонуть не утонула. Но и выбраться не могу. Лежу в болте и думаю, как тут быть... Никак медведь... Хвать его за хвост. Так вместе с медведем и выбрались из болота... Так с этим хвостом я и вернулась к себе в деревню» (17, с. 454; «Путешественница»). Даже ребенку взобраться на небо – не постигнув веревки Мухаммада – ислама – не удастся!

«Полезай туда и, пока до неба не доберемся, рта не открывай» (17, с. 455).

«Сорвались оба со стебля и насмерть расшиблись» (17, с. 455).

Аналогичен сюжет русской сказки, который представляет собой русскую интерпретацию этого хадиса аль-Бухари.

«Вот она (горошинка) и начала расти; росла – росла – доросла до небушка... Мужик и полез на небушко... Хозяин осердился, кликнул своих слуг, и прогнали мужика вшаеи... собрал паутину и свил веревочку... Спускался, спускался, хвать – веревочка вся, а до земли еще далеко-далеко... он перекрестился – и бух! Летел – летел и упал в болото».

«Не то чудо из чудес,

Что мужик упал с небес;

А то чудо из чудес,

Как он туда залез! (3, с. 552).

«свил веревочку. Привязал за край неба и стал спускаться. На беду не хватило веревочки» (3, с. 548).

«Веревку вью и сам спускаюсь... Вдруг веревка лопнула, и я попал к кобыле на телегу» (3, с. 542).

«Я все мякину ловил, да веревку вил... Только та веревка оборвалась; я упал, чуть не убился, на тот свет провалился» (3, с. 568).

Сказка обосновывает совместимость, выводимость, следование татарского и русского суперэтноса в совместной борьбе с несправедливостью и угнетением, организует избыточную энергию и отрицает по Мухаммаду безмерность, агрессию против неверных, христиан и русских, формирует взаимное понимание татарских и русских поколений в совместной истории в Евразии.

2) Генетика русских и татар, угро-финн, евразийцев, славян – русских.

В русских – 47% – 80% арийской, 17% угро-финской и 11% балканской генетических гаплогрупп. Другие гаплогруппы ничтожны. Восточно-сибирская гаплогруппа – Q – 0,2-0,3; монголоидная гаплогруппа C – 1,5%. В России не было ассимиляции монгол. В эрзе арийская гаплогруппа R1a – 39%, в мокше – 21,7%; в татарах R1a – 34%. Татары по арийскому гену однородны славянам – русским. В татарах есть монголоидные гаплогруппы C и Q – 5%. В Евразии в генотипе жителей 1-4% составляют гены неандертальцев, но не вида *homo sapiens*. Татары – смесь тюрков, арийцев и угро-финн. Русские – коренное население Южной и Центральной России, Центральный промышленный район, Центральный агропромышленный район (это и есть географически великорусское племя или народность, суперэтническая общность), Север – угро-финны, Поволжье и Приуралье – тюрки – татары и угро-финны. Монголоидная гаплогруппа реально отсутствует у южных и центрально-южных славян – русских. Украинцы, белорусы, поляки – наиболее чистые славяне по гаплогруппам. Русские, поляки, белорусы генетически гомогенны.

3) Проблема сказки Шурале в татарском эпосе, Св. Коране, хадисах и творчестве Г. Тукая и К. Тангалычева.

Образ Шурале и образ Шайтана, то есть добра – зла в арабской и тюркской мифологии и образ Демона в европейской культуре. Это Сатана в «Потерянном рае» Дж. Мильтона, Люцифер в «Каине» Д. Байрона, Мефистофель в «Фаусте» И.В. Гете, Дьявол в поэме «Элоа» А. де Виньи, «Демон» М. Ю. Лермонтова. Как европейский демон, Шурале – интенция отклонения и свободы и осуждения рабства, возможность трансформации зла («Демон» М. Ю. Лермонтова и невозможность этого). Как тюркский Шайтан – это осмеяние тех, кто чего-то просят, люди слабые, без силы веры и являются холопами и рабами. Шурале смеется над теми, кто не выдерживает испытания и предопределен к попаданию не в Рай, а Ад! (11: Сахих аль-Бухари, т.1, 8.1. 211(349), с. 119; т. 1, 13. 1. 486(949), с. 238; т. 1, 13. 9. 496(987), с. 241). Шурале живет в лесу – пальмовая роща в Коране, где живет возможный антихрист – мальчик Ибн Саййад из иудеев, не признающий посланника Аллаха Мухаммада – посланником и считающим, что он послан к неграмотным! (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 20. 37. 627(1354), (1355), 628(1356), 629(1359), с. 300-302) – теория фитра или естественной природы вещей и веры и предрасположенности, невмешательства и следования своему естеству, которое разрушается людьми и средой, традицией, вызывающих отклонение от естества; и фатра – изобретения и начинания (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, с. 300-302). «После этого посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, ...пошел в пальмовую рощу, где находился Ибн Саййад...» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 21. 37. 627(1355), с. 301). Проявления антихриста и есть акты Шурале, – играющего мальчика! Этот мальчик при-

сутствует во многих эпосах. Шурале – мальчик, который смеется над людьми, и над Аллахом в том смысле, что нарушает меру. По этому поводу пророк сказал: «Поистине, возводить ложь на меня совсем не то, что возводить ложь на любого другого (, а поэтому) пусть тот, кто делал это намерено, займет свое место в Аду» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 20. 17. 606(1291), с. 292; т. 1, 20. 42. 638(1370, с. 306)). Но имеет место и возрождение идеи свободы и единства поколений в людях верящих, это новое поколение мальчиков, которые прекращают грехи своих отцов (Св. Коран, 18, Сура Пещера, 73(74), 82(83)-100(100)).

Имеет место сравнение мальчиков нового поколения в мировых эпосах, Святом Коране. Порошок из черепа Зулькарнаена падишаха, который попробовала женщина, приводит к рождению мальчика – нового поколения (17, с. 105). В Св. Коране. «И пошли они; а когда встретили мальчика и тот его убил, то он сказал: «Неужели ты убил чистую душу без отпущения за душу? Ты сделал вещь непохвальную!» (Св. Коран, 18 Пещера, 73(74)). Злое поколение мальчиков подлежит смерти, а лучший – верующий мальчик подлежит жизни. В поколении есть три мальчика – один злой, а два – сироты – добрые и Аллах дарует жизнь второму и третьему! (Св. Коран 18 Пещера, 79(80)-81(82). «Что касается мальчика, то родители его были верующими, и мы боялись, что он обречет их переносить непокорность и неверие. И мы хотели, чтобы Господь дал им взамен лучшего, чем он, по чистоте и более близкого по милосердию. А стена – она принадлежала двум мальчикам-сиротам, и был под нею для них клад, а отец их был праведен, и пожелал Господь твой, чтобы они достигли зрелости и извлекли свой клад по милости твоего Господа. Не делал я этого по своему решению. Вот объяснение того, чего ты не мог утерпеть» (Св. Коран 18 Пещера, 79(80)-81(82)). «А когда придет обещание Господа моего, Он сделает это порошком; обещание Господа моего бывает истиной» (Св. Коран, 18 Пещера, 98). Порошок – истинностное суждение о жизни, прогноз будущего. «И когда скажут им: «Следуйте за тем, что ниспослал Аллах» – они говорят: «Нет, мы последуем за тем, на чем застали наших отцов». А если бы их отцы ничего не понимали и не шли бы прямым путем?» (Св. Коран, 2 Корова, 165(170)). «Потом, поистине, обратный путь их в геенну. Они ведь нашли своих отцов заблудшими» (Св. Коран, 37 Стоящие в ряд, 66(68), 67(69)).

Некоторые новые мальчики (если не все, предопределяя Час конца света) – дети Дьявола, которые усиливают зло отцов, и они подлежат смерти, а некоторые – Дети Аллаха и они подлежат жизни, утверждает Мухаммад и татарская сказка! Основной русский богатырь – Илья Муромец убивает своего сына-Сокольника и свою дочь, которые восстали на своего отца и служат иноземным завоевателям! Сюжет о Сокольнике, дочери Ильи Муромца – та же римская идея мальчика, младенца в Калевале, Клизамара и Картона в кельтском эпосе, образ мальчика с железными пятками и каменным затылком в «Мастораве». Сыновья оказываются чужими завоевателями, мстителями за ошибки отцов, а отцы – защищают Родину. Но поколение детей в св. Коране – деградирует, в татарской сказке. Но их столкновение убивает этнос, ибо богатыри, герои, подвижники, святые, пророки, ансары, родомыслы, вестники, гении, учителя, поэты, госдеятели не оставляют потомства! Обосновывается необходимость сра-

жаться за свою судьбу: «плакать – толку нет» (17, с. 167). « Будешь ты плакать или нет (, это ничего не меняет, ибо) ангелы продолжали укрывать своими крыльями до тех пор, пока вы не унесли его!» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 20. 3. 588 (1244, с. 285). Мальчика должно или убить, или оставить в живых, преодолев его зло – зло Шурале! «О посланник Аллаха, позволь мне отрубить ему голову!». «Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Если это он и есть (антихрист), тебе ни за что с ним не справиться, а если это не он, то убийство не принесет тебе блага»...» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 21. 37. 627(1354), с. 301).

Мухаммад не считает нужным убивать мальчика – так поступает и Вяйнямейнен, но Сын Тюшти напрасно убивает мальчика, который снова возрождается. Мухаммад осуждает Мусу за убийство мальчика: «о Муса, ведь я обладаю знанием, которое было дано мне Аллахом и которое неведомо тебе, ты же обладаешь (иным) знанием (, также) дарованным тебе Им и неведомым мне»... «Да помилует Аллах Мусу! Поистине, хотелось бы нам, чтобы он проявил (больше) терпения, и тогда нам (больше) поведали бы о них!» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 3. 36. 98(122, с. 70-72).

«Даровано вам знания лишь немного» (Св. Коран, 17 Перенос ночью, 87(85). Дровосек в хадисе аль-Бухари: «посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Клянусь Тем, в Чьей длани душа моя, для любого из вас взять веревку, нарубить дров (и принести их) на спине (, чтобы продать,) лучше, чем обращаться с просьбами к какому-нибудь человеку, который может дать ему (что-либо), а может отказать». «Поистине, для любого из вас взять веревку, принести вязанку дров на спине и продать ее, благодаря чему Аллах избавит его (от необходимости просить), лучше, чем обращаться с просьбами к людям, которые могут дать ему (что-нибудь), а могут отказать» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 21. 34. 692(1470), с. 332). «какие то люди из числа ансаров попросили (что-то) у посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, и он дал им (это), потом они (снова) попросили у него (чего-то) и он дал (им) все (что у него было). Тогда он сказал: «Чего бы ни оказалось в моих руках, я никогда не стану утаивать от вас этого (, однако запомните, что) того, кто станет стремиться к воздержанности, Аллах приведет к воздержанности; того, кто станет пытаться обходиться своими силами, Аллах избавит (от необходимости обращаться к другим), а тому, кто станет проявлять терпение, Аллах внушит терпение, и никто еще не получал лучшего и более щедрого дара, чем терпение» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 21. 34. 691(1469), с. 332).

«Высшая рука лучше руки низшей. Высшая рука – это рука расходующего, а низшая рука-рука просящего» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 21. 34. 670(1429), с. 319). «О Хаким, поистине, это имущество подобно сладкому плоду: оно становится благословенным для того, кто берет его, будучи щедрым, а для того, кто берет его (, подчиняясь желаниям своей) души, благословенным оно не станет, и уподобится он (человеку), который ест, но не насыщается. (Запомни), что высшая рука лучше низшей». «И после посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, Хаким так и не взял ничего ни у кого из людей до самой своей смерти» (11: Сахих аль-Бухари, т.1, 21. 34. 693(1472), с. 332-333). Му-

сульманин – вечно зеленое Дерево-пальма: «Есть среди деревьев такие, листья которых не опадают, и, поистине, оно подобно мусульманину, а (теперь) скажите мне, что это (за дерево)? – и люди стали вспоминать, какие деревья растут в пустыне... Скажи нам, что это за дерево, о посланник Аллаха? – и он сказал: «Это пальма» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 3. 4. 52(61, с. 51)).

Дровосек – образ Посланника, который связывает Тору, Евангелие и Св. Коран и начинает нововведение, новую жизнь, суд – наказание и возмездие – не убивая: «Каждый пророк направлялся только к своему народу, я же был направлен ко всем людям» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 7. 1207(335, с. 114). Г. Тукай в своем Дровосеке видит Мухаммада и Ленина, а в Его деле – ключи земли и форму прекращения раздора: «Поистине, я опережу вас. И буду свидетельствовать о вас, и, поистине, клянусь Аллахом, сейчас я вижу свой водоем (хауд), и, поистине, были дарованы мне ключи от сокровищ земли (или ... ключи земли (, и, поистине, клянусь Аллахом, я не боюсь того, что после моей смерти вы станете многобожниками, но боюсь, что будете соперничать друг с другом (из-за мирских благ) (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 20. 36. 626(1344, с. 300)).

Дровосек у Г. Тукая К. Тангалычева несет в себе Тору, Евангелие и Святой Коран, Абу Талиба (дядя пророка), Абд аль-Мутталиба (дед пророка и отец Абу Талиба, которые не приняли ислам) и В.И. Ленина и К. Маркса, Ф. Энгельса, И.В. Сталина, Л.И. Брежнева! (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 20. 38. 630(1360, с. 303); Св. Коран, 9 Покаяние, 112, 113).

Дровосек – Кузнец – рубит дрова и побеждает Шурале, но щепки не должны лететь, утверждают Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, Мухаммад, Г. Тукай, Камиль Тангалычев! Дровосек – Кузнец Ветхого завета: «Вот, Я сотворил кузнеца, который раздувает угли в огне и производит орудие для своего дела; и Я творю губителя для истребления» (Ис. 54:16). Это образ Торы, Евангелия и Корана. Дровосек обосновывает право народа на вооруженное истребление угнетателей в пути Торы, Христа и Аллаха!

Дровосек сражается с предстоящим Апокалипсисом: «К числу предзнаменований этого Часа будет относиться то, что (количество) знания уменьшится, а невежество и прелюбодеяния получат (широкое) распространение и возрастет количество женщин, а количество мужчин сократится (до такой степени), что на пятьдесят женщин будет приходиться (только) один мужчина, опекающий их» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 3. 15. 68(81, с. 57). «Поистине, Аллах не забирает знание, (просто) лишая его (Своих) рабов, но Он забирает знание, забирая (из мира) знающих, а когда Он не оставит (в живых) ни одного обладающего знанием, люди станут избирать (для себя) невежественных руководителей. И им будут задавать вопросы, а они станут выносить решения, не обладая знанием, в результате чего сами собьются с пути и введут в заблуждение других!» (11: Сахих аль-Бухари, т. 1, 3. 26. 82(100), с. 57; 3.18.71(85), с. 58; 2.31.44(50), с. 46; т. 2. 72. 24. 1738 (6521), с. 374). Невежественные руководители – правительство и президент РФ, руководители Мира!

Предзнаменования эти: рост числа людей-невежд и исчезновение людей знающих; пьянка и наркотики, сексуальные извращения; превышение числа

женщин над числом мужчин, деградация мужчин и женщин, трансформация мужчин в женщин и женщин в мужчин, почему женщины переполняют Ад – не воспитывают детей; раздоры и все станут богатыми; земля будет красно-белой (исчезнут леса) и без границ; люди перестанут работать по профессии, смешаются социальные слои и этноса; телеология собственности и желаний; циклы роста пороков; агрессия и насилие, неверие при лицемерной вере. Дровосек преодолевает исторический Апокалипсис!

Герой татарской сказки Шурале (мотив), Г. Тукая, Камиля Тангалычева – торжество Новой жизни.

4) Тюрки, ирано-аланы, угро-финны, евразийцы, славяне – русские выдержали невообразимый объем войн. С 1054 г. по 1462 – 245 войн. С 1240 по 1462 – каждый год – война. С 1380 по 1917 за 537 лет – 334 года войны с 2-мя – 8-ю противниками. У России нет союзников, кроме ее армии и народов Евразии (естественно – полиция, охранка, система пыток – исторический цепной пес тиранов), так как мы разгромили всех претендентов на мировое господство и сделали это русские – славяне, тюрки, угро-финны, евразийцы, ирано-аланы вместе.

5) Русский народ как суперэтнос в составе славян – русских, тюрков – татар и др., ирано-алан, угро-финн, евразийцев имеет не ряд национальных литератур, но общую великую русскую классическую литературу, а каждый этнос два родных языка – этнический и русский. Татарские корни имеют великие русские писатели Н. М. Карамзин, Г.Р. Державин, великие славянофилы братья К.С. и И.С. Аксаковы, И.С. Тургенев, А.Н. Радищев, Л.Н. Толстой, А.И. Куприн. Русский дух имели М. Джалиль, Г.Тукай. Русско-татарским поэтом является крупнейший российский современный поэт, пишущий на русском языке, но не издаваемый в Татарстане, К. Тангалычев. Владение русским языком придает творчеству татарских писателей всеобщий – и общероссийский и мировой – смысл, а сосредоточение на чисто татарском языке и жизни лишь татарского народа и исламе ведет к деградации культуры татарского народа в изоляции.

6) Проблема спасения этноса татар в русском народе и русского народа. Никакой этнос в Евразии в модели частной собственности спастись не может. Авторы идей о суверенитете татар и их выходе из РФ думают, что один какой-то народ, который найдет себе царя, в Евразии, народ, который погружен в собственность и рынок, эффективен, народ, который сосредоточится на семье, жене, муже, родственниках и детях, Исламе может спастись, выжить, сохраниться в своем государстве! Нет, умная татарская и мордовская, русская сказки, легенда об уходе Тюштяна (нереализуемость и вред идеи национального государства в Евразии; это иранская идея Заратустры как часть борьбы со злом силой) показывают, что спастись можно только в целом вместе с этим целым (Будда, Конфуций, Христос, Мухаммад, Нагарджуна Сабан), это же утверждал и пророк Мухаммад, естественно, отрицая царя, государство и находя здравый смысл в самом себе вне и помимо власти и в умме. По частям и в поиске умных царей, тюштянов, Петров 1-х, ханов и падишахов в Татарстане – мы все умрем. Каждый тонкий пруттик – этнос – легко переломить, но их пучок – непобедим и несокрушим! «... тех, которые нарушают завет Аллаха после его закрепления и

разделяют то, что Аллах повелел соединить, и творят нечестие на земле. Это те, которые окажутся в убытке» (Св. Коран, 2 Корова, 25 (27); Св. Коран, 2 Корова, 162 (167)). «А те, которые нарушают завет с Аллахом после обещания верности и разрезают то, чему повелел Аллах быть соединенным, и распространяют нечестие на земле, для тех – проклятие и для них – злое жилище» (Св. Коран, 13 Гром, 25 (25); 23 Верующие, 55 (53); 21 Пророки, 92 (92); 11 Худ, 22 (19), (20)). «Они ведь замышляют хитрость. И Я замышляю хитрость. Дай же отсрочку неверным, отсрочь им немного!» (Св. Коран, 86 Идущий ночью, 15 (15) – 17 (17)). Неверные – кто не соединяет ближнюю и будущую жизнь, не христиане и не иудеи! Хитрецы перехитрят себя сами! Вера должна быть совмещена со справедливостью в Христе и Мухаммаде: «Нет пророка, кроме Магомета» (17, с. 438). «Те, которые уверовали, и не облекли своей веры в несправедливость, для них – безопасность, и они – на верной дороге» (Св. Коран 6 Скот, 82 (82)). «Нет принуждения в религии» (Св. Коран, 2 Корова, 256). Это то, чего сейчас нет ни в православии, ни в исламе, ни в католицизме, ни в протестантизме, ни в буддизме, ни в конфуцианстве, ни в язычестве, ни в либерализме, ни в консерватизме, ни в социализме, ни в национальном самоопределении, ни в Конституции РФ, основанной на несправедливости, ни в России, но этого требуют Христос и Мухаммад! «И не препирайтесь с обладателями Книги, иначе как чем-нибудь лучшим, кроме тех из них, которые несправедливы, и говорите: Мы уверовали в то, что ниспослано нам и ниспослано вам. И наш Бог и ваш Бог един, и мы Ему предаемся» (Св. Коран, Паук, 45 (46)). Мухаммад вводит принцип меры как реакцию на безмерность действия. Мы должны забыть историческую вражду (Ф. Ницше: помнящий вражду – умирает), спасаясь в целом, и помнить совместное творчество в борьбе с внешней опасностью и в борьбе с несправедливостью и угнетением в России. Татаро-монголы вывезли из России 15 млн. человек, турки – 5 млн. рабов. Но основа нашей жизни – совместная борьба с внешней опасностью и несправедливостью и развитие в кооперации совместного творчества. Необходима совместная борьба татар и русского суперэтноса за восстановление справедливости в Христе и Аллахе в русском государстве, как того требует Св. Коран: «Не повинуйся требованиям неумеренным, которые распространяют на земле зло и не делают добра» (Св. Коран, 26 Поэты, 151 (152)).

В русской истории в соответствии с Мухаммадом Аллахом и Христом славяне и тюрки, угро-финны, ирано-аланы, евразийцы вместе создали русское и татарское государство – вместе – историческое целое, в рамках которого удаётся предотвратить внешнее военное истребление славян и татар, угро-финн, ирано-алан, евразийцев и в совместной кооперации развить творческий потенциал всех евразийских этносов, реализуя свои мессианские роли, миссии, целевые функции, судьбу и предназначение в неизменности, единосущности, неслитности, нераздельности, неразлучности, непревращаемости, непостоянстве в конкуренции с Западом и Востоком!

«Веточку одну ломает ветер,
Птица унесет в свое гнездовье.
Если ж вместе веточки мы свяжем,

Их любая буря не ломает» (19, с. 161).

Судьба нам – всем этносам – определила: жить и побеждать всех, пока мы – турки, ирано-аланы, угро-финны, евразийцы, славяне – русские – вместе и имеем общее самосознание идентификации и идентичности! А если как сейчас мы все спасаемся сами по себе, то это означает, что мы уже мертвы. «Дурак видит, что дело к расправе идет, и крикнул: «Эй, дубинка, бей колоти!». Дубинка бросилась, раз другой ударила и убила злого короля до смерти. А дурак сделался королем и царствовал долго и милостиво» (2, с. 98). «Ну, Иван, нашей силой управляй, а станет тебе мало, вспомни нас один раз, мы для тебя из могилы встанем». «Медный, Серебряный, Золотой богатыри, на помощь Ивану крестьянскому сыну!». «Тут они из могилы встали и наехали... Всех победили, никого не оставили на семена. Всех притоптали, прикосили! Вот вернулись обратно с победою» (2, с. 144-146). Без этого единства наступила наша смерть – смерть этносов Евразии. Вместе мы выжили в трагической и великой истории Евразии России – вместе и исчезнем из эволюции и истории к 2100 г.! Сказки пробуждают чувство сострадания и сорадования и чувство свободы, протеста в человеке, чувство собственного достоинства – если ты сражаешься мирно и с оружием за свой этнос и русский народ, частью которого является твой этнос и ты сам. Но ты – с Христом и Мухаммадом, а не с партиями. Хотя современность – трагический реквием по русскому народу в целом. «Конец пришел, пришел конец, встал на тебя; вот дошла, дошла напасть до тебя, житель земли! приходит время, приближается день смятения, а не веселых восклицаний на горах» (Иез. 7:8). «И не пощадит тебя око Мое, и не помилую. По путям твоим воздам тебе, и мерзости твои с тобою будут; и узнаете, что Я – Господь каратель» (Иез.7:9). «А Аллах лучше знает, что они таят. Обрадуй же их наказанием мучительным» (Св. Коран, 84 Раскальвание, 23 (23) – 24 (24). «Мы предостерегли вас близким наказанием в тот день, когда человек увидит, что уготовали его руки, и скажет неверный: «О, если бы я был прахом» (79 Вырывающие, 40 (40), 41).

Литература

1. Азизова Н.Н. Семейные традиции и ценности татар Мордовии. // Регионология, №4, 2013. С. 241.
2. Библиотека русского фольклора. Сказки. Кн. 2. М.: Советская Россия, 1989. – 576 с.
3. Библиотека русского фольклора. Сказки. Кн. 3. М.: Советская Россия, 1989. – 624 с.
4. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Философия русской сказки. Русский дух. // Язык и мышление поэта и писателя: психологические и лингвистические аспекты. Материалы XII международной научн.конф. (Ульяновск, 15 – 18 мая 2013 г.). Москва – Ульяновск, 2013. – 225 с. С. 4 – 20.
5. Замалетдинов Л. Татарская народная сказка. Автореф. дисс. в виде научного доклада на соиск. уч. ст. к. фил. н. Казань, 1993. – 24 с.
6. Маймонид. Путеводитель растерянных, III, с. 5; III, с. 51
7. Ницше Ф. Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1990. – 829 с.

8. Омар Хайям Рубаи. М.: Летопись, 1997. – 463 с.
9. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. – 168 с.
10. Пропп В. Я. Русская сказка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 335 с.
11. Саких аль-Бухари Перевод: Владимир Абдулла Нирша. 1-е изд. М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазис аль-Ибрагим», 2002. – т.1. – 472 с.; т.2. – 472 с.
12. Сират К. История средневековой еврейской философии. М.: Мосты культуры, 2003. – 710.
13. Соколов В. В. Средневековая философия. М.: Высш. шк., 1979. – 448 с.
14. Султанов Ш., Султанов К. Омар Хайям. М.: Молод. Гв., 1987. – 320 с.
15. Тангалычев К. Лунная мастерская. Кн. о поэзии. Саранск, 1999. – 240 с.
16. Тангалычев К. Язык насущный: Избр. Публицистика. Саранск, 2009. – 304 с.
17. Татарские народные сказки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – 464 с.
18. Тукай Г. Избр. пр. в 2-х т. Т.2. Казань, 1961.
19. Шаронов А. М. Масторава. Саранск: Эрзянь Мастор, 2010. – 264 с.

Докт. филол. наук А.В. Кравченко (Иркутск)

«ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ» КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

Вопрос о том, как соотносятся язык и мышление писателя, нельзя считать тривиальным в той мере, в какой не тривиален вопрос о соотношении языка и мышления вообще. Несмотря на огромную литературу, посвященную этому вопросу, говорить о какой-то более или менее общепринятой точке зрения пока не приходится. Вызвано это, в первую очередь, тем, что в области гуманитарного знания до сих пор не определены сами исходные понятия. Причин этому много, но главная – это нежелание ученых-гуманитариев выйти из концептуально узких дуалистических рамок философии объективного реализма и основанных на ней репрезентативных теориях мышления и языка (см. Кравченко 2012; 2013а). Другой не менее важной причиной, по которой тормозится поступательное движение по пути познания природы и функции языка, является письменная языковая предвзятость лингвистики как науки, положившей своим объектом не живой естественный язык как когнитивную область взаимодействий ориентирующего характера, а бестелесные культурные артефакты – тексты, которые по своей онтологии существенно отличаются от живых языковых взаимодействий, которые они якобы репрезентируют.

Понятие «языка писателя» как совокупности и системы языковых средств, употребляющихся в произведениях того или иного писателя, является ярким примером письменной языковой предвзятости лингвистики. Именно потому, что создание текстов – с точки зрения динамики протекающих при этом когнитивных процессов – радикальным образом отличается от когнитивной динамики живых (диалогических, воплощенных) взаимодействий, понятие «язык писателя» есть не что иное, как лингвосемиотический конструкт, позволяющий определенным образом категоризировать некоторую совокупность текстов по фор-

мальным параметрам, отличающим их (хотя и не всегда однозначно) от другой аналогичной совокупности текстов, созданных другим писателем. Оно ни в коей мере не характеризует язык писателя как живой системы, вступающей в диалогические взаимодействия с другими в реальном пространстве-времени. Я мог бы привести примеры выдающихся писателей современности, живое общение с которыми производит удручающее впечатление по простой причине: их речь бедна выразительными средствами, стилистически уныла и никак не коррелирует с авторским идиостилем писателя.

В постмодернистской традиции принято отождествлять текст с разговором; игнорируя специфику характерной для того и другого когнитивной динамики, взаимодействия с письменными языковыми знаками (чтение и письмо) рассматривают как принципиально не отличающиеся от вокализованных взаимодействий в процессе живой коммуникации, подводя и те, и другие под расплывчатое понятие *дискурса*. С такой ситуацией никак нельзя мириться: в то время как естественноречевое общение всегда контекстуализировано ситуацией «здесь-и-сейчас», о письме как культурном артефакте этого сказать нельзя. В этом их коренное различие: поскольку текст и разговор – явления хотя и взаимосвязанные, но различающиеся по своей онтологии (Кравченко 2009), и поскольку в разговоре понимание зависит от огромного количества индексальных знаков, присутствующих в коммуникативной ситуации и являющихся по большей мере невербальными (т. е. неязыковыми в традиционном понимании), семиотика разговора (естественноречевой семиозис) отличается от семиотики текста (текстового семиозиса).

Семиозис – это интерпретативный процесс, в ходе которого при взаимодействии живой системы с компонентами окружающей среды возникают и категоризируются знаковые отношения как таковые. Языковой семиозис участвует в структурной динамике организма как живой системы (Кравченко 2008), а поскольку динамика диалогических естественноречевых взаимодействий отлична от динамики монологических взаимодействий писателя со своим когнитивным «Я», результатом которых и являются создаваемые им тексты, коррелирующие с этими двумя видами взаимодействий мыслительные процессы также отличаются по своей динамике. Человеческое мышление – мышление языковое (Кравченко 2013б), поэтому и процесс порождения текста представляет собой мыслительный процесс *иной динамики* (см. Menary 2007) по сравнению с мыслительными процессами в диалогических взаимодействиях.

С семиотической точки зрения, «язык писателя» как определенным образом параметризованная совокупность порожденных им текстов представляет собой знаковую систему, ценность которой определяется тем, насколько конструируемый этой системой возможный мир соотносится с лингвосемиотическим опытом читателя, проецирующего конструируемые им в процессе прочтения текстов смыслы на свой лингвосемиотический опыт. Язык писателя не характеризует самого писателя как *человека говорящего*; это понятие охватывает одну из его ипостасей – возможно, главную: *мыслителя*, в рассуждениях с самим собой порождающего возможный мир, имеющий ценность для читателя как интерпретатора этого мира.

Литература

Кравченко А. В. (2013а). От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания/ – М.: Рукописные памятники Древней Руси.

Кравченко А. В. (2013б). Понятие языковой когниции, или что в имени? // Когнитивные исследования языка. Вып. 15: Факторы и механизмы языковой когниции. М.; Тамбов: ИЯ АН; ТГУ им. Г.Р.Державина. 58—66.

Кравченко А. В. (2012). "Репрезентация мыслительных структур в языке" как тема научного дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. 12: Теоретические аспекты языковой репрезентации. М.; Тамбов: ИЯ АН; ТГУ им. Г.Р.Державина. 205—216.

Кравченко А. В. (2008). Языковой семиозис и пределы человеческого познания // Когнитивные исследования языка. Вып. 3: Типы знаний и проблема их классификации. М.; Тамбов: ИЯ РАН; ТГУ им. Г.Р.Державина. 37—45.

Kravchenko, A. V. (2009). The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains // *Pragmatics & Cognition*, 17(3). 527—548.

Menary, R. (2007). Writing as thinking // *Language Sciences*, 29(5). 621—632.

Докт. психол. наук В.А. Мазилев (Ярославль)

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО, ПСИХОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

В настоящей статье констатируется, что в настоящее время психология не располагает приемлемой теорией поэтического творчества. Утверждается, что даже научное творчество в психологии, которое традиционно является объектом изучения в психологии, рассматривается поверхностно; психология не уделяет необходимого внимания анализу его интимных механизмов, в частности, соотношению мышления и знания. Научная психология в долгу перед поэтическим творчеством.

Греческое слово *Poiesis*, как хорошо известно, многозначно. Оно означает и творчество, и творение, и созидание, и делание, и построение, и сочинение стихотворений. Немецкий философ Петер Козловски, анализируя различные типы философии, приходит к выводу, что можно говорить о поэтической философии: «Для тех типов философии, которые можно назвать поэтическими или “пойетическими”, в центре философского понимания действительности стоит *Poiesis*, созидание. Способы созидания в этом типе философии могут быть двоякими: рождение и изготовление, *generatio* и *factio*. Стихотворчество, или поэзия в “пойетической” философии есть высшая форма пойсис» (П. Козловски 2000: 37). «От «пойетической» философии следует отличать философию, сочиняющую фикции (*dichtende oder fiktionale Philosophie*). В ней момент пойсис в конституции действительности уступает по своему значению моменту фиктивного и работе идеи. Прототипом этого рода философии может служить система

Гегеля. Для Гегеля не созидание, а логическая работа понятия, диалектическое самоопределение и самовырабатывания идеи вообще в определенную идею становится принципом действительности. Платой за вытеснение пойнсис, принципа рождения, творчества, делания и поэзии становится сочинение философской системы, измышляющий некий великий эпос работы понятия. Сочиняющая философия Гегеля вытесняет из философии пойнсис и поэзию ради логики и работы понятия и в то же время измышляет великий диалектический эпос, в котором теогония и космогония, история абсолюта и мировая история, история человека и природы сливаются в логический эпос отчуждения идеи в природу и снятия их обеих в определенном понятии. Парадоксальным образом вытеснение из философии пойнсис и поэзии приводит к тому, что философия становится сочинительством, созданием фикций» (П. Козловски 2000: 37). Петер Козловски делает чрезвычайно важное замечание: «Поэтична не только та философия, которая ставит пойнсис в центр своего миропонимания, но и та, которая пытается объединить средства поэзии, эпоса и романа и дневника со средствами философского анализа эпохи и теории» (П. Козловски 2000: 37-38).

На наш взгляд, это полностью можно отнести и к психологии. Автор должен предупредить: ни о каком противопоставлении «пойетической» и «академической» (научной) психологии речь не идет. Более того, как это следует из приведенного выше замечания П. Козловски, при определенных условиях возможны «объединения» средств поэзии и анализа теории. Поэтому пойнетическая и научная психологии сосуществуют, поскольку к постижению психического много путей. Когда-то один из создателей психологии – науки о Душе – области человеческого знания «о возвышенном и удивительном» (Аристотель) Зигмунд Фрейд пронизательно заметил: «Поэты всегда все знали». Это высказывание можно интерпретировать по-разному. Нам кажется, что наука – лишь одна из присущих человечеству форм знания. Искусство – другая форма. Поэтому иногда интуитивные постижения поэтов обосновываются научно спустя многие десятилетия. Не случайно у психологии много корней.

В настоящее время не только творчество и духовность представляют объект для психологического исследования (что естественно и тривиально), но и творчество (и особенно духовность) представляют собой существенную проблему для психологии, причем такую проблему, которую в современных условиях решить чрезвычайно непросто: на самом деле в рамках традиционной общей психологии для духовности «места» вообще не предусмотрено, а творчество сводится чаще всего к элементарной «нетривиальности» в принятии того или иного решения. О том, что психологические механизмы творчества вряд ли всегда едины и универсальны, вспоминают также нечасто. На наш взгляд, это означает, в первую очередь, слабость современной общей психологии. Общая психология должна обеспечивать «рабочие пространства» для изучения основных психологических проблем. И, если, скажем, духовность вообще не предусмотрена в качестве «измерения» психических явлений, то это, в первую очередь, проблема того учения, которое выступает в качестве общей психологии, то есть той концепции, которая создает исследовательские пространства и спо-

собы понимания психического в целом и его отдельных проявлений, в частности.

Впрочем, оставим общую психологию и обратимся непосредственно к психологии творчества и психологии творческой личности. Здесь тоже ощущается явное неблагополучие. И проявляется оно, на наш взгляд в том, что в психологических исследованиях моделируется не творчество как таковое, а нечто «похожее». В результате получается продукт класса *light*, то есть своего рода концепция *creativity light*. Если в сфере кулинарии это просто похоже на настоящий продукт, но не так вкусно, то в науке это, конечно, тоже похоже, но, к сожалению, критически приближается к другому слову, также обозначающему «облегченность», – *lightweight*. Это слово имеет обидный, как представляется, и плохо совместимый со статусом научности вариант перевода на русский язык как «поверхностный», «несерьезный». Тем не менее, слово найдено. Итак, мы утверждаем, что существующая психологическая трактовка творчества поверхностна и не очень серьезна.

Творчество как таковое в психологии изучают чрезвычайно редко. Заметим, кстати, что в этих редких случаях получают удивительные результаты. К обсуждению этих результатов мы еще вернемся, а пока обратим внимание на то, что в качестве модели, на которой исследуется в психологии творческое мышление, выступают так называемые задачи «на соображение», «на догадку». «Аналогия» с настоящим творчеством, конечно, очевидна – и случай Архимеда, и случай Ньютона это как будто подтверждают: решение приходит внезапно путем инсайта. То есть, если выразаться предельно просто, ситуация выглядит так: решение всегда элементарно, только надо догадаться. Догадаться – значит, решить. Однако, зададимся вопросом: неужели в творчестве все так просто? Где место «мукам творчества», если счастливая догадка приводит к успеху ментально?

Итак, упрощенный подход к творческому мышлению проявляется в том, что творчество часто рассматривают поверхностно, полагая, что "творческий" означает нестандартный, нетривиальный, необычный. Действительно, внешняя сторона творческого поведения может быть описана таким образом, но не следует упускать из виду, что также существуют внутренние психологические механизмы творческого поведения, которые также должны быть раскрыты. Нельзя же всерьез считать творческим подход к деятельности человека, не овладевшего еще как следует нормативным способом деятельности, но желающего проявлять «творческую» индивидуальность...

На наш взгляд, принципиально важным моментом при изучении психологии творчества, при его моделировании и особенно при проектировании обучающих программ является указание на то, что центральным звеном в творческом процессе является преодоление заблуждения, неадекватного исходного знания (часто неявного), то есть в той или иной форме корректировка структур субъективного опыта (В.А. Мазилев 1979, 1983). Это утверждение нуждается в дополнительном пояснении.

Считается, что адекватной моделью творчества является решение задач-головоломок, так называемых "малых творческих задач", задач на соображение.

Психологические исследования показывают, что наиболее существенная трудность в творческом мыслительном процессе заключается не в нахождении правильной гипотезы, идеи решения, как часто полагают, а именно в преодолении заблуждения, зафиксированного в исходном неявном знании, в структурах субъективного опыта. Поскольку самой существенной трудностью в творческом процессе является преодоление заблуждения, корректировка структур субъективного опыта, то при обучении творчеству акцент должен быть сделан именно на этом. При проектировании обучающих программ полезно учесть, что возможно построение типологии трудностей проблем в творческом процессе, связанной со структурами субъективного опыта, которые по своему происхождению могут быть индивидуальными (то есть сформированными в результате опыта взаимодействия индивида с окружающим миром) и "коллективными" (сформированными в результате усвоения общественного опыта).

Представляется целесообразным выделение следующих типов трудностей в творческом процессе. Наиболее простыми (первый тип) окажутся трудности, связанные с актуализацией нерелевантных ситуаций структур субъективного опыта. Проблема в этом случае с легкостью может быть разрешена, когда субъект актуализирует структуры опыта, соответствующие ситуации. Многие задачи-головоломки представляют для решающего именно такую трудность.

Второй тип трудностей: неадекватны (содержат элемент заблуждения) актуализируемые субъектом структуры опыта, но на другом уровне структур субъективного опыта решающий задачу располагает адекватным знанием и, таким образом, корректировка структур опыта, преодоление заблуждения, и, как следствие, решение проблемы) достигается за счет происходящего по ходу мыслительного процесса взаимодействия структур субъективного опыта разного уровня.

Третий тип трудностей можно наблюдать в тех случаях, когда адекватными структурами субъект не располагает вовсе, поэтому корректировка структур опыта может произойти лишь в результате продуктивного мыслительного процесса (творческое мышление в точном смысле этого слова).

И, наконец, четвертый тип: адекватных структур опыта не существует вообще (ни для субъекта, решающего задачу, ни для социума), поэтому происходящая в продуктивном процессе корректировка структур опыта приводит к преодолению заблуждения и формированию нового знания как для субъекта, так и для общества (так называемое "большое творчество"). Здесь становится понятно, что этот процесс порой может занимать годы, уходящие не на бесплодные поиски идеи, а на преодоление тех представлений, которые делают невозможным формулировку нужной гипотезы...

Обещанный выше пример изучения собственно творчества можно найти у классика психологии XX столетия скандинавского ученого Лайоша Секея. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции гештальтпсихологии с положениями психоанализа и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом сохраняется традиционная проблематика гештальтпсихологии. Ставится задача объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее инте-

ресной представляется работа Л. Секея «Творческая пауза» (1968), посвященная выяснению центрального момента в творческом мышлении – зарождения новой идеи, приводящей к открытию, нахождению решения задачи. По Секею, во время творческой паузы актуализируется различный опыт и анализируется в общем мыслительном поле, не связанные между собой по времени и по смыслу мысли и впечатления приводятся в соприкосновение (L.Szekely 1976: 149). Процесс мышления во время творческой паузы протекает на другом уровне организации, чем сознательный процесс. Вместо недостаточно определенного понятия *прошлый опыт* используется понятие *репрезентация*, заимствованное у Джерома Брунера. Репрезентация, по Секею, гипотетическая структура, с помощью которой человек организует опыт для будущего употребления. Это структуры, которые организуются и строятся в раннем детстве на основе впечатлений об окружающем мире и соматических ощущений. Во время сознательной работы с проблемой зона поиска способа решения определяется через знания о причинно-следственных структурах действительности, во время паузы учет рациональных возможностей отступает на задний план, зона поиска меняется на инфантильные области репрезентации (L.Szekely 1976: 167). Изучение мыслительного процесса во время творческой паузы происходит с помощью сеансов психоанализа, на которых, в частности, проводится аналитическое толкование сновидений.

В случае (который подробно анализируется в цитируемой статье) с инженером Тэта, работающем над кристаллографической проблемой, нахождению решения препятствуют инфантильные конфликты. Мышление оказывается втянутым в сферу инфантильных конфликтов и лишь психоаналитическая проработка конфликта приводит к тому, что мышление освобождается и становится способным двигаться дальше (L.Szekely 1976: 167).

Таким образом, творческое мышление, согласно Секею, не только включает действия и операции субъекта, но представляет собой интимно-личностный процесс, непосредственно связанный с разрешением личностных конфликтов, имеющий сознательные и бессознательные фазы и протекающий на различных уровнях. Заметим, что, фактически, мышление, по Секею, включает в себя и рефлексивные компоненты (хотя сам термин автор не использует). Вероятно, можно считать, что гештальтпсихология (в лице Л. Секея), ассимилировав достижения психоанализа и генетических концепций Ж. Пиаже и Дж. Брунера, перестала существовать как самостоятельное научное направление. Показательно, что сам Секей в последних работах причисляет себя к сторонникам когнитивной психологии (L.Szekely 1976: 167).

Представляется, что для изменения существующего положения в психологии, зафиксированного выше, необходимы определенные шаги. По нашему мнению, необходимо разрабатывать философию психологии как верхний уровень методологии психологии. Полагаем, что разработки этого уровня помогут научной психологии выстроить необходимые мосты, которые позволили бы соединить в психологическом исследовании пока что плохо соединимое (например, дать психологическую теорию поэтического творчества).

Нам уже приходилось писать о важности философской психологии для разработки методологических вопросов психологии. Дадим самую общую и чрезвычайно сжатую характеристику философии психологии как уровня когнитивной методологии.

1. Этот уровень имеет дело с идеями. Используя терминологию К.Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром».

2. Это основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии.

3. Вписывает психическое в научную картину мира.

4. Философия психологии вырабатывает понимание предмета

5. Конструирует предметное пространство психологии.

6. Определяет ориентиры и магистральные задачи.

7. Обнаруживает перспективы для междисциплинарных исследований.

8. Обеспечивает единство психологии

9. Обеспечивает интеграцию различных потоков психологического знания.

В данном пункте требуются хотя бы минимальные пояснения. Дадим их. Речь, в частности, о том, что кроме «академической», научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. И литература, и искусство, которые тоже по-своему раскрывают психическую жизнь человека.

10. Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей).

11. Философия психологии является основным фактором, определяющим стратегию историко-психологические исследования. Тезис также нуждается в пояснении. Автор, описывая какое-то историческое событие, в качестве позиции для выбора оценки реально использует позицию "из будущего" (не из сегодняшнего дня). Именно поэтому категория философии психологии так важна для истории психологии.

12. И последнее, может быть самое важное. Философия психологии, как мы ее представили в настоящем тексте, существует реально, только, к сожалению, в силу разных причин, к настоящему времени недостаточно разработана. И особенно удивительным представляется то, что в психологии совершенно не исследованы представления о философии психологии реальных психологов-исследователей, делающих науку сегодня. Вряд ли стоит разяснить, что от этих представлений (в разной степени осознанных и отрефлексированных) в значительной степени зависит эффективность собственных научно-психологических исследований. Предполагаем осуществления цикла эмпирических исследований содержания и структуры философии психологии как раздела психологии. Как можно полагать, разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки, будет способствовать дальнейшему развитию психологической науки. Обратим внимание на то, что такая разработка существенно увеличит прогностические возможности в определении перспектив развития науки.

Цитируемая литература

Козловский П. Философские эпопеи. Об универсальных синтезах метафизики, поэзии и мифологии в гегельянстве, гностицизме и романтизме // Вопросы философии, № 4, 2000, с. 37–52

Мазиллов В.А. Структуры субъективного опыта и решение задач // Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль, ЯрГУ, 1979, с.15-27.

Мазиллов В.А. Исследование локации ограничений в решении творческих задач // Категории, принципы и методы психологии: Психические процессы: Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. Ч.2. М.:Наука,1983, с. 311-312.

Мазиллов В.А. Решение творческих мыслительных задач: соотношение знания и мышления // Психологические исследования интеллекта и творчества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010, с. 30-32

Мазиллов В.А. Проблема творческого мышления в гештальтпсихологии: эволюция подходов // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010, с. 46-54

Szekely L. Die Schöpferische Pause // Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976, s. 140–170.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ

Канд. филол. наук Л.Р.Башкова (Пенза)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.ГЕЙНЕ

Как известно, проблема функционирования ключевого элемента (слова) в структуре поэтического текста представляет особый интерес для исследователей, так как использование ключевого элемента в поэтическом тексте демонстрирует особый механизм смыслоформирования, подчиняющийся определённым законам. Этот механизм проявляется в особом композиционном приёме, организованном по принципу: $KЭ_1 \rightarrow Pm \rightarrow KЭ_n$, где $KЭ_1$ – первое употребление ключевого элемента, Pm – развитие темы лирического текста, а $KЭ_n$ – последнее употребление ключевого элемента, обогащённое – в результате развития темы – новым поэтическим смыслом [А.В.Пузырёв 1995: 132]. Важно подчеркнуть, что в основе данного приёма лежит **семантико-стилистическая трансформация** ключевого элемента, проявляющаяся в том, что к концу текста он становится не равен сам себе в смысловом отношении, насыщается совершенно новым содержанием.

Исследование ключевых элементов в русской и французской поэзии позволило выявить их инвариантные и вариативные характеристики с точки зрения их формально-языковой изменчивости и строфической организации [Л.Р.Башкова 2008].

Исходя из законов организации поэтического художественного дискурса, которые, по мнению многих исследователей, имеют универсальную природу, логично предположить, что использование ключевых элементов в поэтической речи в целом носит универсальный характер, т.е. является относительной *поэтической универсалией*. Однако здесь следует отметить, что использование ключевого элемента характеризует стихотворный текст любого языка, но не любой, а именно далеко не каждый стихотворный текст в том или ином языке. Это связано с тем, что функционирование ключевого элемента, как мы уже говорили, представляет собой особый композиционный прием, встречающийся далеко не в каждом поэтическом тексте. Поэтому исследователей совершенно не должен удивлять тот факт, что большинство поэтических текстов ключевых элементов не содержат, что, однако совершенно не говорит о том, что эти тексты лишены своего содержательного ядра, своей концептуальной сущности.

Проанализировав лирические произведения великого немецкого поэта публициста и критика Г.Гейне, мы обнаружили, что поэтические тексты с ключевыми элементами характеризуют также и немецкую поэзию. Функционирование ключевых элементов подчиняется ранее выявленным нами закономерностям, а именно используя в тексте, ключевой элемент демонстрирует как свои

инвариантные, так и вариативные особенности (см. об этом подр. Л.Р.Башкова 2008: 4-5).

В качестве примера русского поэтического текста с ключевым элементом приведём известное стихотворение Г.Гейне «Doctrin», вошедшее в цикл «Современные стихотворения» (Zeitgedichte. 1839—1846):

Doctrin

Доктрина

Schlage die Trommel und fürchte dich nicht,
Und küsse die Marketenderin!
Das ist die ganze Wissenschaft,
Das ist der Bücher tiefster Sinn.

Бей в барабан и не бойся беды,
И маркитантку целуй вольней!
Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот тебе суть науки всей.

Trommle die Leute aus dem Schlaf,
Trommle Reveille mit Jugendkraft,
Marschire trommelnd immer voran,
Das ist die ganze Wissenschaft.

Людей барабаном от сна буди,
Зорю барабань, не жалея рук,
Маршем вперёд, барабаня, иди, —
Вот тебе смысл всех наук.

Das ist die Hegel'sche Philosophie,
Das ist der Bücher tiefster Sinn!
Ich hab' sie begriffen, weil ich gescheidt,
Und weil ich ein guter Tambour bin.

Вот тебе Гегеля полный курс,
Вот тебе смысл наук прямой:
Я понял его, потому что умён,
Потому что я барабанщик лихой.

(перевод Ю.Тынянова)

Ставшее очень популярным в 40-е гг. 19 в. стихотворение «Доктрина» написано в духе решительного призыва и содержит смелое обращение к поэту. По наблюдению А.Б.Ботниковой, «печаль любовных стихов сменяется здесь боевыми, призывными интонациями. Доминирует не настроение, а четко сформулированная мысль. Назначение поэта Гейне видит теперь не в выражении индивидуальных чувств, а в декларировании гражданской позиции» [А.Б.Ботникова 2005: 267].

В данном стихотворении мы наблюдаем использование особого композиционного приема, который говорит о наличии ключевого элемента. Ключевой элемент здесь выражен ключевым словом *die Trommel* – барабан, а также производными от него: глаголом *trommeln* – барабанить, деепричастием *trommelnd* – барабаня, а также существительным *der Tambour* – барабанщик.

Передавая доминантную идею данного стихотворного текста, поэт делает центром своей поэтической рефлексии существительное *die Trommel* – барабан, а также производные от него и в процессе развития текста выводит его на первый план, придавая ему неповторимое и уникальное индивидуально-авторское значение. Данный аргумент позволяет считать слово *die Trommel* ключевым словом данного текста, так как оно обладает главной характеристикой ключевого слова – семантико-стилистической вариативностью – слово становится не равно само себе в начале и в конце порождения текста: в своем первом употреблении оно отражает свое первоначальное словарное значение: ср. барабан

1. Ударный музыкальный инструмент в виде цилиндра, верх и низ которого обтянуты кожей [ССРЛЯ 1962 т. 1: 176]. Именно это значение носит лексема *барабан* в своём первоначальном употреблении. Однако, затем, данное существительное переосмысливается и приобретает новый, периферийный ЛСВ, а именно *боевой призыв отбросить принципы общественного устройства и продекларировать свою гражданскую позицию*.

Данное обстоятельство убедительно свидетельствует о том, что существительное *die Trommel* «при выходе» из текста формирует свою собственную внутритекстовую семантическую структуру, которая значительно отличается от его семантической структуры «при входе». Оно наполнилось новым смыслом: *барабан* стал символом *боевой смелости и решительности действий*. Существительное *die Trommel*, употреблённое в начале текста в своём основном словарном значении (ударный музыкальный инструмент в виде цилиндра, верх и низ которого обтянуты кожей), подвергается переосмыслению, становится семантически многослойным и выражает концептуальный смысл текста. Из текста чётко видно, что последнее употребление существительного *die Trommel* богаче по смыслу и коннотациям, нежели первое его употребление. Таким образом, данное существительное в результате его семантико-стилистической трансформации стало ключевым словом данного текста, его семантико-композиционной доминантой. Слово *барабан* приобретает новый статус среди остальных лексико-семантических средств текста. Подвергаясь наиболее существенному семантическому преобразованию, оно, вследствие этого, приобретает **семантическую многослойность** (термин Т.И.Сильман) и перерастает в ключевое слово. Несомненно, что к концу текста прямое значение данного существительного подавляется переносным. Оно, несомненно, обладает главной характеристикой ключевого слова – семантико-стилистической вариативностью. Оно фокусирует в себе концептуальную сущность стихотворения и является его семантико-композиционной доминантой.

Как видно из текста, семантическая трансформация данного ключевого слова проявляется в последних строках стихотворения, однако данное переосмысление обеспечивается лексической организацией всего текста: напр. *fürchte dich nicht* – *не бойся*; *trommle Reveille mit Jugendkraft* – *барабань зарю с юношеской силой*; *marschiere trommelnd immer voran* – *барабаня, иди всегда вперед*. Вышеприведенные словосочетания стимулируют развитие у ключевого слова переносного значения, способствуют его переосмыслению. Важно, что они входят в стержневое семантическое поле текста так как семантически перекликаются с ключевым словом *die Trommel*. Данные лексические единицы не только формируют основную тему произведения, но и помогают реализоваться ключевому слову. В результате переосмысления данное слово становится ключевым, а значит, обладает главной характеристикой ключевого слова – семантико-стилистической вариативностью. Оно фокусирует в себе концептуальную сущность стихотворения и является его семантико-композиционной доминантой.

В следующем поэтическом тексте Г.Гейне ключевой элемент представляет собой часть строфы, которая варьируется при каждом употреблении, что придает особую оригинальность произведению:

Pfalzgräfin Jutta

Pfalzgräfin Jutta fuhr über den Rhein,
Im leichten Kahn, bei Mondenschein.
Die Zofe rudert, die Gräfin spricht:
„Siehst du die sieben Leichen nicht,
Die hinter uns kommen
Einhergeschwommen? –
So traurig schwimmen die Todten!

Das waren Ritter voll Jugendlust –
Sie sanken zärtlich an meine Brust
Und schwuren mir Treue – Zur Si-
cherheit,
Daß sie nicht brächen ihren Eid,
Ließ ich sie ergreifen
Sogleich und ersäufen –
So traurig schwimmen die Todten!”

Die Zofe rudert, die Gräfin lacht.
Das hallt so höhnisch durch die
Nacht!
Bis an die Hüfte tauchen hervor
Die Leichen und strecken die Finger
empor,
Wie schwörend – Sie nicken
Mit gläsernen Blicken –
So traurig schwimmen die Todten.

«Пфальцграфиня Ютта»

Графиня Ютта в лёгком челне
Ночью по Рейну плывет при луне;
Служанка гребёт, госпожа говорит:
«Ты видишь семь трупов? Страшен
их вид!
Семь трупов за нами
*Плывут над волнами...
Плывут мертвецы так печально!*

То рыцари были в расцвете лет.
Каждый принес мне любовный
обет,
Склонясь мне на грудь. Чтоб клят-
ву скрепить,
Велела я всех семерых утопить.
И в Рейне суровом,
*Под ночи покровом
Плывут мертвецы так печально!»*

Графиня смеется, служанка гребет.
Злой хохот несется над лоном вод.
По пояс все трупы встают над во-
дой,
Как будто клянутся ей клятвой свя-
той
*И смотрят с укором
Стекланным взором...
Плывут мертвецы так печально!*

(перевод М.Замаховской)

В оригинальном тексте ключевой элемент выражен частью строфы: *so traurig schwimmen die Todten* – досл. так печально плывут мертвецы, в переводном же варианте данного стихотворения ключевой элемент оформляется в часть строфы и видоизменяется при каждом употреблении. Особое внимание обращает на себя композиционное построение данного текста: стихотворная строка, повторяющаяся в конце каждой строфы. Т.И.Сильман, анализируя стихотворения с подобной композицией, подчеркивает, что смысловое наполнение строк, повторяющихся на протяжении всего текста, абсолютно различно и при-

ходит к выводу, что первое – начальное употребление тех или иных лексических средств в поэтическом тексте носит больше информационный характер, хотя и характеризуется при этом определённой эмоциональной зарядкой, что же касается последнего – финального употребления тех же самых лексических средств, то они уже «содержат свой особый подтекст, которым они успели обрести в ходе развития сюжета» [Т.И.Сильман 1977: 86].

Что касается вариаций лексического наполнения ключевого элемента в переводном тексте, то они демонстрируют высокую степень его формально-языковой вариативности, что связано, возможно, с особенностями русского языка, а, возможно, и русского мышления. Повторяясь в конце каждой строфы строки: *so traurig schwimmen die Todten* – подвергаются семантико-стилистической трансформации и каждый раз заключают в себе все более глубокий смысловой потенциал. В результате своего трёхкратного повторения данные строки претерпевают многоступенчатое приращение смысла и «при выходе» демонстрируют семантико-стилистическую вариативность – основополагающую характеристику всех ключевых элементов.

Таким образом, наблюдения показывают, что поэтические тексты с ключевыми элементами наличествуют также и в немецкой поэзии и употребление их подчинено всё тем же законам. В поэзии Г.Гейне нами были выявлены все известные строфические разновидности ключевых элементов. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что использование ключевых элементов в поэтической речи в целом носит универсальный характер, т.е. является относительной *поэтической универсалией*.

Литература

Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 352 с.

Башкова Л.Р. Вариативность/инвариантность ключевого элемента поэтического текста (на материале русского и французского языков): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 24 с.

Гейне Генрих. Собрание сочинений: В 10 т. под. ред. Н.Я.Берковского, В.М.Жирмунского, Я.М.Металлова – М.: гос. изд-во художественной литературы 1957. – Т. 1 – 10.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. 378 с.

Сильман Т.И. Заметки о лирике. – Л.: Сов. Писатель, 1977. – 224 с.

Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. Т. 1. – М-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 1430 с.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ НОСИТЕЛЯ ПРОСТОРЕЧНОГО ТИПА
РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАССКАЗАХ М.ЗОЩЕНКО:
ЗАМЫСЕЛ – ВОПЛОЩЕНИЕ – РЕКОНСТРУКЦИЯ

Анализ работ, посвящённых изучению языка и стиля М.Зощенко, свидетельствует о неослабевающем интересе лингвистов к его творчеству. В центре внимания современных учёных – картина мира, сформировавшаяся в 20-30 годы XX века, черты которой отражены в языке произведений писателя.

По мнению исследователей, в рассказах М.Зощенко звучит язык простых людей. Сам писатель признавался: «Если я искажаю иногда язык, то условно, поскольку мне хочется передать нужный мне тип, тип, который почти что не фигурировал раньше в русской литературе» [Зощенко 1929: 58].

Принимая во внимание вышесказанное, опираясь на теорию языковой личности Ю.Н.Караулова и теорию типов речевых культур О.Б.Сиротининой, мы предположили, что в своих рассказах автор воплотил этот замысел в персонажах, языковая личность которых может быть отнесена к просторечному типу речевой культуры.

Необходимо отметить, что в работе исследовалась не индивидуальная, а типовая языковая личность, т.е. группа носителей языка, имеющая сходные речеповеденческие проявления. В нашем случае это персонажи 23 рассказов М. Зощенко.

В результате анализа фрагментов текста разной субъектной отнесенности: 1) представляющих прямую речь героя в составе диалога, 2) формально принадлежащих речи повествователя или других персонажей, но воплощающих физический и духовный портрет героя, особенности его поведения, – была реконструирована в основных своих чертах языковая личность носителя просторечной речевой культуры, представленная в рассказах М.Зощенко.

По социальному статусу персонажи Зощенко относятся к категории простых людей, занимающихся неинтеллектуальным трудом. Как правило, это люди среднего возраста, живущие в городе, часто на городских окраинах, малообразованные и имеющие низкий культурный уровень.

Языковой портрет носителей просторечного типа речевой культуры складывается из особенностей, связанных с нарушением норм литературного языка.

Наиболее частотными фонетическими ошибками являются вставка согласного (*вспрашивать, вздравствуйте, кумпол, брендит, кой-то*), диссимилиация согласных по месту и способу образования (*дилектор, леворюция, камендинер*). Например: *Вспрашиваю: здесь ли, говорю, проживает старый князь ваше сиятельства?* [Великосветская история: 29].

В грамматике типичны ненормативные явления в словоизменении глаголов и отглагольных словообразований (*ложу, положьте, ездют, требоваешь, заведывающий*).

Наибольший интерес представляют лексические особенности речи носителей просторечной речевой культуры: 1) активное использование грубой просторечной лексики: названий действий и состояний (49): *объелозить, смыться*,

сиг, шасть, впереться, запариться, обломать, упечь, оттяпать, и др., названий лиц (23): *бабёнка, девка, бестия, карманник, мордovorot, паршивец, сопляк, сволочь, стервец, субчик, трепач, фря, шельма, шибздик и др.*, названий частей тела (7): *башка, кумпол, морда, рожа, харя, пузо, фи́га*, названий предметов и признаков; 2) употребление просторечных фразеологизмов: *чёртова перчатка, катись колбаской, покажем кузькину мать*); 3) нарушение лексических норм: неразличение смысла близких по звучанию слов литературного языка: *заглавие (название), заявление (объявление), личность (лицо), помириться (примириться)*, например: *Прелестный княжеский уголок и чудное, запомнил, заглавие – вилла «Забава»* [Великосветская история: 29], некорректное использование иностранных слов (*перманентно, индустрия, идеология, пленарный, кокетка, подсекция*), например: *В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме* [Аристократка: 171], «ложностыдливая эвфемизация» – употребление глагола *кушать* в значении «есть» в 1-ом лице, «супруга» по отношению к жене говорящего, например: *Стал и я кушать* [Чертовинка: 51]. *Всё-таки дома, безусловно, супруга не старая* [Великосветская история: 29].

Представляется, что текстовый материал даёт возможность дополнить данную модель языковой личности просторечного типа речевой культуры характеристиками, отражающими речеповеденческие стереотипы, систему коммуникативных и этических норм персонажей рассказов М.Зощенко.

Литература

Зощенко М. Письма к писателю. Л., 1929. – 149 с.

Зощенко М. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. Рассказы и фельетоны. Л., 1986. – 559 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2006. – 264 с.

Канд. филол. наук И.Н.Иванова (Ульяновск)

ПРОСТРАНСТВО БЫТИЯ: ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ ВЫХОДА

(По рассказу А. П. Чехова «Беглец»)

Известно внимание и чуткость А. П. Чехова к пространству, простору. Исследователями отмечается, что Чехову была присуща особая пространственная ментальность, выражающаяся и в активной восприимчивости к различным пространственным впечатлениям, и в остром ощущении природно-предметной среды, и в эмоциональном восприятии земного простора [М.О.Горячева 1992].

Пространство, как и время, является базовой категорией любой картины мира. Обращение к пространственной категории в художественном произведении дает ключ к пониманию мира писателя, к его художественному мышлению.

Организация пространства в рассказе А. П. Чехова «Беглец» является значимой для раскрытия идеи произведения и для развёртывания текста. Уже в заглавии имплицитно содержится семантика пространства, перемещения из одного пространства в другое.

В абсолютном начале рассказа дается пейзаж – поле и лес: *«Сначала Пашка шёл с матерью под дождем то по скошенному полю, то по лесным тропинкам, где к его сапогам липли жёлтые листья, шёл до тех пор, пока не рассвело»* [А.П.Чехов 1985: 346]. Картина природы, помещённая в ключевую позицию текста, наделяется особой значимостью. Пространство с самого начала становится в рассказе знаком, содержание которого развивается в процессе развёртывания текста.

Пространство в рассказе меняется: открытое свободное пространство поля и леса сменяется замкнутым пространством больницы: *«Когда сени мало-помалу битком набились народом, стиснутый Пашка припал лицом к чьему-то тулупу, от которого сильно пахло солёной рыбой, и вздремнул»* [А.П.Чехов 1985: 346]. Но и дождь в поле перед рассветом, и теснота в сенях – всё объединяется детским восприятием в мир, удобный и интересный для жизни, а физическая теснота становится формальным аналогом близости, родства.

Всё нравится Пашке: и доктор, *«весёлый и покладистый малый»* [А.П.Чехов 1985: 348], и обещание доктора ловить вместе с Пашкой чижей, показать лисицу, поехать вместе в гости и на ярмарку за леденцами. Пашке требуется операция на локте, и доктор своими посулами оставляет мальчика в больнице. Нравится Пашке и здесь: *«Шёл он и, разинув рот, глядел по сторонам. Лестница, полы и косяки – всё громадное, прямое и яркое – были выкрашены в великолепную жёлтую краску и издавали вкусный запах постного масла. Всюду висели лампы, тянулись половики, торчали в стенах медные краны. Но больше всего Пашке понравилась кровать, на которую его посадили, и серое шершавое одеяло»* [А.П.Чехов 1985: 348-349].

Ночь, временная категория, становится в тексте переключателем на новый режим существования художественного мира рассказа. Если до момента ночного пробуждения Пашки движение сюжета определяется движением в пространстве (поле, лес – сени – приёмная – кабинет доктора – больничные палаты), то после пробуждения ночью происходит не смена разных пространств, а изменение внутри самого пространства.

Больница теперь вызывает у Пашки страх и ужас и, представленная через призму сознания ребёнка, с трудом узнаётся героем.

Пространство, которое днём четко делилось, было представлено последовательно и имело прямые линии, ночью становится неясным и непонятным, теряет привычное членение, разлагается, и перемещения героя превращаются в блуждание: *«Пашка, не разбирая дверей, бросился в палату оспенных, оттуда в коридор, из коридора влетел в большую комнату, где лежали и сидели на кроватях чудовища с длинными волосами и со старушечьими лицами. Пробежав через женское отделение, он опять очутился в коридоре, увидел перила знакомой лестницы и побежал вниз»* [А.П.Чехов 1985: 352].

Бегство из больницы не даёт положительного исхода. Граница между больницей и внешним миром стирается, пространство превращается в лабиринт, где в поисках выхода теряется герой.

В рассказе происходит совмещение двух пространств – пространства реального и пространства субъективного, представленного в сознании Пашки.

Представления субъекта о пространстве (ментальная карта) меняются, ментальная карта испытывает сбой.

Организация ментальной карты по принципу лабиринта является отражением глубинных потрясений, которые испытывает герой. По-детски наивные представления о мире (мама всегда рядом, больные люди ведут себя странно и забавно, запертые в клетках птицы и звери интересны) сталкиваются с тем, что Пашка увидел и осознал впервые. Пашка видит болезни, страдания и смерть. То, что воспринималось, как само собой разумеющееся, становится недостижимым и абсурдным. Обещание доктора показать лису неосуществимо. «Лиса в лесу», – говорит дед, несведущий в ухищрениях доктора, отвечая на вопрос Пашки, где лиса [А.П.Чехов 1985: 351]. И эта фонетическая переключка лис-лес, обозначающая на звуковом уровне естественное положение вещей, утверждает новый для Пашки порядок, не тот, в который наивно он прежде верил. Лиса в лесу – образ свободного существа, идея свободы, которой лишён герой. Лишён Пашка и близости с матерью, её нет, и герой испытывает одиночество.

Смерть, несвобода и одиночество – вот то новое, что входит в мир героя.

Прежнее не утратило своё существование, но дополнилось новым. Мир открывается для Пашки по-новому.

Образ Пашки имеет в рассказе обобщающий характер. Это образ человека, для которого открылась другая сторона бытия: не только жизнь, но и смерть, не только близость, но и отдельность, одиночество. Наивный Пашка – это воплощение статуса новичка, человека, несведущего и теряющегося в этом мире, как в лабиринте. Беглец Пашка – это человек, стремящийся бежать от другой стороны бытия.

Чехов в пространственном ключе ставит онтологические и гносеологические вопросы, которые разворачиваются в рассказе в виде лабиринтной мистерии. Намёк на лабиринт возникает ещё в начале рассказа, когда доктор указывает фельдшернице: «*Марья Денисовна! Сведите его наверх!*» [А.П.Чехов 1985: 348]. Глагол «свести» имеет пространственную семантику, значение перемещения вниз. Лабиринт – это и есть сооружение, которое в одном из вариантов мифа о лабиринте находится под землёй. При этом наречие «наверх» создает семантическое противоречие, напряжение, заставляя обратить внимание на сочетание «сведите наверх».

Больница становится для Пашки лабиринтом уже «задним числом», когда герой уже оказывается внутри ситуации. Источники толкования пространственной мистерии в рассказе следует искать в природе лабиринта. Лабиринт – многозначный образ. Лабиринт символизирует одновременно и жизненный путь человека, и путь познания, движение от незнания к знанию. Герои мифов о лабиринте решают двойную задачу: они должны добраться до центра лабиринта (и победить там чудовище/ найти там мистический предмет/ обрести высшее знание) и должны найти выход из лабиринта. В лабиринте центр мог символизировать женское, материнское начало. Поиск выхода у Пашки совпадает с поиском матери: «*Пашка прислушался, взглянул на тёмные окна и в ужасе вско-чил с кровати.*

– *Ма-а-ма!* — простонал он басом.

И, не дожидаясь ответа, он бросился в соседнюю палату» [А.П.Чехов 1985: 351].

Выходом из лабиринта в рассказе оказывается поиск другого человека. Не найдя самое близкое существо – мать, Пашка видит доктора, и объект поиска, таким образом, обобщается. «...*Пашка взбежал на ступени, взглянул в окно, и острая, захватывающая радость вдруг овладела им. В окно он увидел весёлого, покладистого доктора...*» [А.П.Чехов 1985: 352].

Доктор становится вынужденной заменой матери, вариантом близкого существа. Однако «докторская» близость, сопровождаемая словами «*Бить бы тебя, да некому*» [А.П.Чехов 1985: 352], лишь усиливает тему одиночества.

Проблема человеческого существования, познания основ бытия имеет в рассказе пространственное решение. Значимость пространственных образов (герой-беглец, лабиринт), смена пространств разного объема, развертывание сюжета через движение в пространстве – всё это подтверждает тезис о пространственности художественного мышления А. П. Чехова.

Цитируемая литература

Горячева М. О. Проблема пространства в художественном мире А. Чехова [Текст]: дис. ... канд. фил. наук / Горячева Маргарита Октобровна. – М., 1992.

Чехов А.П. Беглец // А.П.Чехов. Полное собрание сочинений и писем: 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 6. [Рассказы]. М.: Наука, 1985. С. 346-352.

Канд. филол. наук М. Г. Луннова (Пенза)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Заголовок как ключевая позиция текста довольно часто привлекал внимание лингвистов (В.А. Лукин 1999; О.Е. Фролова 2006). Произведения массового книжного рынка – творения несомненно наглядно красноречивые если не всегда в сугубо литературном, то всегда в лингвистическом аспекте. Интересны с этой точки зрения языковые особенности заголовков подобной «литературы».

Для начала выясним, каковы доминирующие принципы вынесения того или иного слова (словосочетания, предложения) в заглавие.

В. Пронин замечает: «В городе, где, по статистике, на десять девчонок приходится девять ребят, местный писатель выпустил роман «Девушки выйдут замуж». Надо ли говорить о том, что книжка стала в масштабах области бестселлером, тираж её тут же разошёлся, ею зачитывались в женских общеклассах» [В. Пронин 2002: 202]. Можно сколько угодно иронизировать по поводу рекламной привлекательности названия произведения, но оно по-своему удачно, ведь заголовок непременно должен заинтересовать.

В заглавиях сентиментальных детективов очень часто присутствует образ женщины (ведь именно представительницы слабого пола являются основными

читателями подобного рода «литературы»). Например, «*Чего хочет женщина*», «*Чумовая дамочка*», «*Тонкая штучка*» – у Татьяны Поляковой; «*Богиня прайм-тайма*», «*Первое правило королевы*» – у Татьяны Устиновой и др. Среди заголовков часто попадаются такие, в которых называется мужчина, по-видимому возлюбленный этой женщины: «*Мой любимый киллер*», «*Мой друг Тарантино*» (Татьяна Полякова); «*Олигарх с Большой Медведицы*», «*Гений пустого места*» (Татьяна Устинова) и др. Нередко в заглавие выносятся доминирующая сторона их взаимоотношений: «*Я – ваши неприятности*», «*Одна, но пагубная страсть*», «*Час пик для новобрачных*» (Татьяна Полякова); «*Большое зло и мелкие пакости*», «*Хроника гнусных времён*», «*Развод и девичья фамилия*» (Татьяна Устинова).

Интересно, что и Т. Устинова и Т. Полякова, пишущие «сентиментальные» детективы, нередко используют в названии приёмы из первой («иронической») серии, где преобладают интригующие названия. Например, «*Брудершафт с Терминатором*», «*Дом-фантом в приданое*», «*Саквояж со светлым будущим*».

Заголовки Юлии Шиловой вообще повторяют основные тенденции «авантюрного детектива». Здесь и героиня («*Королева отморозков*», «*Его нежная дрянь*»), и её возлюбленный («*Охота на мужа*», «*Ловушка для льва*»), и их взаимоотношения («*Герзания для одиноких сердец*», «*Базарное счастье*»).

Рассмотрим некоторые языковые особенности заголовков детективов «женской серии».

Рассматривая заглавия с лексической точки зрения, нельзя не заметить общую для всей «женской серии» тенденцию, а именно – использование в заголовке цитаты, речевого клише в трансформированном виде.

Модификации в основном подвергаются:

1) известные пословицы, поговорки, фразеологизмы, «крылатые фразы» («*Бриллиант мутной воды*» (Д. Донцова); «*Овечка в волчьей шкуре*» (Т. Полякова); «*Знакомство по Интернету, или Жду, ищу, охочусь*» (Ю. Шилова));

2) речевые клише и научные термины («*Улыбка 45-го калибра*», (Д. Донцова); «*Неопознанный ходячий объект*» (Т. Полякова); «*Подруга особого назначения*» (Т. Устинова));

3) названия известных произведений фольклора, а также художественной литературы («*Принцесса на Кириешках*», (Д. Донцова); «*Пороки и их поклонники*» (Т. Устинова); «*Караоке для дамы с собачкой*» (Т. Полякова));

4) названия популярных телевизионных сериалов, кино- и мультфильмов («*Дантисты тоже плачут*», «*Каникулы в Простофилино*» (Д. Донцова); «*Большой секс в маленьком городе*», «*Охотницы за привидениями*» (Т. Полякова).

Зачастую авторы включают в названия своих книг собственно имена героев русских сказок, мировой литературы, кинофильмов: «*Доллары царя Гороха*», «*Ромео с большой дороги*», «*Инстинкт Бабы-Яги*» (Д. Донцова); «*Мавр сделал своё дело*», «*Фитнес для Красной Шапочки*», «*Брудершафт с терминатором*» (Т. Полякова).

В ходе анализа языкового материала была отмечена высокая частотность употребления заимствованных слов в заголовочных конструкциях текстов декоративного содержания: «*Маникюр для покойника*», «*Бутик ежовых рукавиц*» (Д. Донцова); «*Фуршет для одинокой дамы*», (Т. Полякова).

Нередки случаи употребления жаргонизмов и просторечных выражений: «*Моя любимая стерва*», «*Чумовая дамочка*» (Т. Полякова); «*Королева отморозков*», «*Его нежная дрянь*» (Ю. Шилова).

Анализ заглавий с грамматической точки зрения свидетельствует о безусловном доминировании конструкций с предлогом «для»: «*Стилист для снежного человека*» (Д. Донцова); «*Пенсне для слепой курицы*» (Г. Куликова); «*Караоке для дамы с собачкой*» (Т. Полякова).

Таким образом, можно утверждать, что для массовой литературы занимательность, особые приёмы формирования и языковые способы удержания читательского интереса – важнейшие условия её существования. Прагматическая направленность современной беллетристической литературы реализуется посредством актуализации лингвистических и паралингвистических средств, способствующих созданию заголовка, привлекающего внимание массового читателя.

Литература

Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М., 2004.

Пронин В. В заглавии суть // Литературная учёба, 2002, № 3. – С. 202-208.

Фролова О. Е. Грамматика заглавия // Русская речь, 2006, № 5. – С. 49-57.

И.В.Крашенинникова (Ульяновск)

СЕМЕЙНЫЕ СЦЕНАРИИ МАССОВЫХ ПЕСЕН

Под семейным сценарием обычно понимается постепенно разворачивающийся жизненный план, который формируется еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора [Э.Берн 2008: 41].

В наше время СМИ оказывают огромное влияние на людей. Особенно ярко это выражено в современных песнях. Цель настоящей статьи – определить, какие именно семейные сценарии представлены в массовой песне. Для ответа на этот вопрос нами были взяты 20 композиций, занимавших верхние строчки хит-парадов радио «Европа Плюс» и «Русское радио» в период с 2004 по 2014 гг.

При анализе содержательной основы художественных текстов песен мы предусматриваем возможность выделения 3-х групп песен:

1) песни, где явным или неявным образом формулируются положительные семейные сценарии;

2) песни, для которых тема размышлений о семье является индифферентной;

3) песни с деструктивными семейными сценариями (в том числе те, в которых проповедуется «свободная любовь», которая делает создание прочной семьи более чем проблематичным делом).

По версии радиостанции «Европа+» наиболее популярной песней 2004 года оказалась композиция *Maroon 5 «This Love»* (тексты и перевод текстов нами взяты в Интернете).

В этой песне лирический герой выступает за свободные и ни к чему обязывающие отношения.

I tried my best to feed her
appetite
Keep her coming every
night
So hard to keep her satisfied
Kept playing love like it
was just a game
Pretending to feel the same
Then turn around and leave
again

*Я старался изо всех сил утолять её жела-
ние,
Доставлять ей удовольствие каждую
ночь,
Я так хотел, чтобы она была удовлетво-
рена.
Я играл в любовь, словно всё было несе-
рьёзным,
Делал вид, что, и в самом деле, это игра,
Возвращаясь и снова уходя.*

Молодой человек в этой песне не берёт ответственности за отношения с женщиной. Он просто «играет в любовь». Ни о каком создании семьи не может быть и речи. Таким образом, данная песня относится к 3-ей группе песен, для которой главным является лозунг «да здравствует свободная любовь!».

В том же году по версии радиостанции «Русское радио», наиболее популярной оказалась песня *Надежды Кадышевой & Антона Зацепина «Широка Река»*.

В этой песне речь ведётся от лица лирической героини, вынужденной коротать ночи с нелюбимым мужем, а потому оправдывающей свою «любовь окаянную». А свой неверный выбор супруга главная героиня оправдывает тем, что они с мужем «рано встретились, поздно поняли». Осознание своей глупости воспринимается героиней как «боль незваная», а ситуация «треугольника» (муж – жена – любовник) приносит ей одни мучения:

*Постучалась в дом боль незваная –
Вот она, любовь окаянная!
Кортаем мы ночи длинные,
Нелюбимые с нелюбимыми.*

Таким образом, это хит относится к 3-ей группе песен, главным смыслом которых является демонстрация деструктивных семейных сценариев.

По версии радиостанции «Европа+» наиболее популярной песней 2005 года оказалась композиция *Timo Maas & Brian Molko «First Day»*.

Вне всякого сомнения, и этот хит является деструктивным, так как основной его смысл сводится к подчинению всей жизни безудержным сексуальным утехам:

It's the first day of the rest of your life	Это первый день конца твоей жизни
You'll remember me, for the rest of your life	Ты запомнишь меня до конца своих дней
You'll remember me, for the rest of your life	Ты запомнишь меня до конца своих дней
It's the first day of the rest of your life	Это первый день конца твоей жизни
Don't fuck it up	Не испорть его
Don't fuck it up	Не испорть его

Само собой, создание счастливой и благополучной семьи в таких условиях, явно невозможно.

Таким образом, эта композиция относится к 3-ей группе песен, лозунгом которой является «да здравствует свободная любовь».

По версии радиостанции «Русское радио», наиболее популярной в 2005 году оказалась песня Братьев Грим «Ресницы». О чём эта песня?

*Губы у тебя вкуса миндаля,
Словно конопля дурят у-ну-ну-ну-ну...
Слов не говоря, искусай меня.
Силы не жалей, дурака валяй.*

Эта песня также демонстрирует проявление «свободной любви». Герою не очень важно узнать человека, с которым он проводит время. Главное для него – получить удовольствие, которое в итоге ни во что большее не перерастёт. И в данной композиции доминируют разрушительные установки низших уровней, что позволяет относить её к песням третьей группы – с деструктивными семейными сценариями.

По версии радиостанции «Европа+» наиболее популярной песней 2006 года стала композиция *Fort Minor* «*Where 'D You Go*». Текст данной песни говорит сам за себя.

She said "Some days I feel like shit, Some days I wanna quit, and just be normal for a bit,"	<i>Она сказала: "Иногда мне паршиво, Иногда я хочу всё бросить и стать нормальной, хоть на некоторое время".</i>
I don't understand why you have to always be gone, I get along but the trips always feel so long,	<i>Я не понимаю, почему ты всегда в разъездах. Я справляюсь с тоской, но твои поездки кажутся такими долгими.</i>

And, I find myself tryin stay by the phone,	<i>Я замечаю, что не отхожу от телефона,</i>
'Cause your voice always helps me to not feel so alone,	<i>Ведь, когда я слышу твой голос, мне уже не так одиноко.</i>
But I feel like an idiot, workin' my day around the call,	<i>Я чувствую себя идиотом, весь день ожидая только одного – твоего звонка.</i>
But when I pick up I don't have much to say,	<i>Но когда я поднимаю трубку, я понимаю, что мне нечего сказать.</i>
So, I want you to know it's a little fucked up,	<i>Поэтому я хочу, чтобы ты знала, что как-то нехорошо</i>
That I'm stuck here waitin', at times debatin',	<i>Заставлять меня здесь ждать, периодически спорить с самим собой,</i>
Tellin' you that I've had it with you and your career,	<i>Говоря себе, что я сыт по горло тобой и твоей карьерой,</i>
Me and the rest of the family here singing "Where'd you go?"	<i>И при этом вместе со всей семьёй петь: "Куда ты уехала?"</i>

В данной композиции рассказывается об отношениях на расстоянии. Главная героиня хочет «всё бросить и стать нормальной, хоть на некоторое время», но для неё построение карьеры важнее семьи. Она настолько долго бывает в разъездах, что главный герой даже не представляет, о чём с ней говорить по телефону. Между ними явная пропасть, и навряд ли такие семейные отношения продлятся долго. Таким образом, этот хит демонстрирует пример с незадавшейся семейной жизнью и тоже относится к 3-й группе.

В 2006 году самой популярной песней на радиостанции «Русское радио» оказалась композиция *МакСим «Нежность»*:

*Такая нежность на зеркалах
Где тени поз в дошкольном платье
Рисуют нежность на телах, а в глазах лето
Бесконечно ещё так нежно...*

*Река рассвета скрывала ночь
Мерцанье слёз. О, это лето
Сгорало в сотни тысяч звёзд в любовь одето
Роняло небо лучик света*

Тема ранних близких отношений (*Где тени поз в дошкольном платье*) становится основополагающей в данной композиции. Это беззаботные и ни к чему не обязывающие, а главное, свободные отношения. Они по принципу не могут перерасти во что-то большее.

Таким образом, и этот хит относится к 3-ей группе песен, не допускающих перерастания описываемых отношений в счастливый брак.

В 2007 году, по версии радиостанции «Европа+», 1 место заняла песня *Sunrise Avenue* «*Fairytale Gone Bad*».

В ней поётся о расставании главных героев. Молодой человек прогоняет свою любимую за предательство. Однако он также совершал ошибки в отношениях, и берёт ответственность за расставание в том числе и на себя: «They all make mistakes and so did we, but we did something we can never turn back right» *Все ошибаются так же, как мы, но мы всё испортили так, что не исправить.*

Out of my life, Out of my mind
Out of the tears we can't deny
We need to swallow all our pride
And leave this mess behind
Out of my head, Out of my bed
Out of the dreams we had, they're
bad...

Find a new one to fool
Leave and don't look back. I won't
follow
We have nothing left. It's the end of
our time

*Из жизни прочь, из мыслей прочь
От слёз, что нам не превозмочь,
Нам нужно гордость проглотить,
Бардак свой позабыть.
С головы прочь, с постели прочь,
Мечтам нам сбыться не помочь...
Другого найди, обмани,
Оставь и назад большие ты не смотри.
Нас больше нет, ведь время
наше вышло.*

Таким образом, и этот хит относится к 3-ей группе песен, главным смыслом которых являются деструктивные семейные сценарии.

По версии радиостанции «Русское радио», наиболее популярной в 2007 году оказалась песня *Димы Билана* «*Number One Fan*». О чём эта песня?

Love at first sight
I've been watching you all night
What I gotta do for you
May be not bad
Cause that way you dance
Makes me want your autograph

Oh... you're so fine
I just wanna make you mine

Baby you should go with me
Cause I can be the one you need

And there's something 'bout the way
you are
You're my superstar

*Любовь с первого взгляда...
Я наблюдаю за тобой всю ночь.
Что я могу сделать для тебя?
Я не такой уж плохой.
Ты так танцуешь,
Что мне хочется взять у тебя автограф.
О, ты так хороша
Я хочу, чтобы ты стала моей.*

*Детка, ты должна пойти со мной.
Потому что я тот единственный,
кто тебе нужен.*

В тебе есть что-то такое...

Ты моя суперзвезда.

В этом хите доминируют установки физического плана. Герой в принципе не предполагает долгосрочных отношений. Он хочет получить удовольствие только на одну ночь, так как полагает, что это «любовь с первого взгляда». При этом он считает, что он единственный, кто нужен этой девушке. Как видим, и в данной песне доминируют разрушительные установки. И она полностью вписывается в 3-ю группу песен, где тема *свободной любви* является доминирующей.

По версии радиостанции «Европа+» наиболее популярной песней 2008 года стала композиция R.I.O. «*Shine On*».

Хотя в припеве звучат высокие фразы и слова (*Позволь мне быть любовью, посланной с солнца, позволь мне быть твоей радугой, устремившейся в небо*), всё-таки песня демонстрирует преобладание физических установок:

Let the sun shine down upon your face,

Улыбнись, ведь улыбка на твоём лице, словно солнце сияющее в небе,

No need feel wrong – you're not in right place

Не нужно чувствовать, что то-то не так из-за того, что ты сейчас не в том месте,

And me know that you feel. What we are gonna tell your lone soul?

И я понимаю что ты чувствуешь. Так что же мы должны сказать твоей одинокой душе?

Get out all your friends alone and come join me another club
Kaе-song

Оставь всех своих друзей одних и давай пойдём со мной в другой клуб «Кэсон»

I'm gonna move you, so prove you right, feelin' tonight love

Я раскрепощу тебя и направлю в правильное русло – мы почувствуем любовь сегодня ночью.

Для главного героя важно получить лишь удовольствие на одну ночь. Он не намерен заводить с девушкой серьёзные отношения, так как сам ещё не готов к этому. Таким образом, и данная песня относится к 3-ей группе песен, для которой главным является лозунг «да здравствует свободная любовь».

В том же 2008 году на радиостанции «Русское радио», наиболее популярной оказалась песня *Потана & Настя Каменских «Почему Молчишь»*.

Главная её тема – любовь-мания. Лирическая героиня в буквальном смысле *зависит* от объекта своей любви (*За твой голос нежный, я сейчас готова всё отдать*), т.е. от молодого человека, который вовсе не знает, когда они встретятся вновь.

*Когда ж теперь мне доведется
С тобою встретиться?
Душа на волю рвется, а тело мечется.*

*Надеюсь, ты дождешься,
Когда я к тебе вернусь?
На голос отзовешься,
Сбросишь этот груз с души.
Дыши, живи и будь со мною.
Ведь расставанья тоже измеряются любовью!*

Лирическая героиня не против иметь отношения на расстоянии. В её понимании *расставанья тоже измеряются любовью*. Однако создание прочных семейных отношений в таких обстоятельствах невозможно.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что и данный хит относится к 3-ей группе песен, главным смыслом которых являются деструктивные семейные сценарии.

По версии радиостанции «Европа+» наиболее популярной песней 2009 года оказалась композиция *Lady Gaga «Paparazzi»*.

В данной песне говорится о популярной суперзвезде, которая преследует и пытается навязаться молодому человеку, при этом искренне полагая, что любит его. Однако молодой человек не отвечает ей взаимностью. Но для героини это не так важно, она слишком самоуверенна.

*I'm your biggest fan
I'll follow you until you love
me*

Я твоя самая большая поклонница,
Я буду ходить за тобой по пятам,
пока ты меня не полюбишь.

*Papa-paparazzi
Baby there's no other super-
star
You know that I'll be your
Papa-paparazzi*

Папа-папарацци...
Малыш, нет других суперзвёзд,
Ты ведь знаешь, что я буду твоей
Папа-папарацци...

Этот хит о навязчивой любви, о любви-эрос. Для лирической героини это чувство является всего лишь увлечением на какое-то короткое время.

Из этого следует вывод о том, что конкретная композиция относится к 3-ей группе песен, главным смыслом которых являются деструктивные семейные сценарии.

В этом же году на радиостанции «Русское радио», наиболее популярной оказалась песня *Стаса Пьехи «Я Лист»*. А о чём эта песня?

Она о любви, которая для главного героя во многом является самообманом. Он не в состоянии отличить слов правды и обмана своей любимой.

*Правду, самую горькую,
Все равно не тай, скажи.
А любовь, пусть недолгая,
Лучше красивой лжи.*

*Ты скажи, я понять хочу,
Слов обмана и верных слов,
Друг от друга не отличу,
Как в туман берегов.*

Герой этой песни цепляется за последнюю ниточку, лишь бы сохранить такие отношения, и не понимает, что с её стороны полной взаимности нет. А при отсутствии открытости с обеих сторон семейный сценарий может быть только неудачным. Таким образом, и этот хит относится к 3-ей группе песен, предполагающих деструктивные семейные сценарии.

По версии радиостанции «Европа+», наиболее популярной песней 2010 года стала композиция *Eminem & Rihanna «Love The Way You Lie»*.

В конкретном случае любовь ассоциируется с насилием. Главный герой бьёт свою девушку и не отпускает её. Между ними довольно часто происходят драки, ссоры. Ярость одолевает их. И, несмотря на то, что они пытаются начать всё сначала, каждый день – одно и то же.

You swore you'd never hit em,
never do nothing to hurt em
Now you're in each other's face
spewing venom in your words
when you spit em,
You push, pull each other's hair,
scratch, claw, pin 'em,
Throw 'em down, pit 'em,
So lost in the moments when you're
in 'em,
It's the rage that took over, it con-
trols you both...

*Ты клялся, что никогда не ударишь,
Никогда не причинишь боли,
А сейчас вы друг другу в лицо вы-
плескиваете яд,
Таскаете за волосы, царапаете,
стараетесь уколоть,
Бросаете, боретесь,
Забываете себя в такие моменты,
Ярость охватывает вас, контро-
лирует обоих...*

Взаимное насилие в межличностных отношениях никогда не приводило к созданию благополучной семьи, а потому и этот хит относится к 3-ей группе песен, предполагающих деструктивные семейные сценарии.

В том же 2010 г. по версии радиостанции «Русское радио», наиболее популярной году оказалась песня *Славы «Одиночество»*, ср. припев, проходящий основным рефреном:

*Одиночество-сволочь, одиночество-скука,
Я не чувствую сердце, я не чувствую руку.
Я сама так решила, тишина мне подруга,
Лучше б я согрешила, одиночество-мука.*

Разрушительная направленность данной песни прозрачна. Здесь и доминирование разрушительной направленности внутриличностных установок (*одиночество – сволочь*): одиночество рассматривается героиней не как возможность

подумать о тайнах бытия, а как результат собственной глупости (*Я ж сама дверь закрыла Я собою довольна! Отчего же так плохо? Отчего же так больно?*). Здесь и «масочность», неискренность межличностных и социальных отношений: *Каменная леди, ледяная сказка Вместо сердца – камень, вместо чувства – маска – И что? Больно всё равно.* Здесь и многочисленные речевые и грамматические ошибки, потеря связности речи, использование бранной лексики. Данная песня поэтому, несомненно, носит деструктивный характер [А.В.Пузырев 2011: 135-136]. Таким образом, и этот хит относится к 3-ей группе песен.

В 2011 году самой популярной на радиостанции «Европа+» оказалась песня *Don Omar & Lucenzo «Danza Kuduro»*. Вот характерный отрывок:

Quien Puede Domar La Fuerza Del Mal Que Se Mete Por Tus Venas	<i>Кто может остановить силы зла, которые просачиваются в ваши вены?</i>

Lo Caliente Del Sol Que Se Te Metió Y No Te Deja Quieta, Nena Quien Puede Parar Eso Que Al Bai- lar Descontrola Tus Caderas (Sexy...!)	<i>Солнце село, и вы, словно ребенок, не сидите на месте. Кто может остановить вас, если вы больше не можете контролировать движения своих бедер (Секси...!)</i>

Y Ese Fuego Que Quema Por Den- tro Y Lento, Te Convierte En Fiera	<i>Огонь, который горит внутри вас, сводит с ума.</i>

Con La Mano Arriba Cintura Sola Da Media Vuelta Sacude Duro No Te Quites Ahora Que Esto Sólo Empieza Mueve La Cabeza Sacude Duro	<i>Руки вверх, Подвигай бёдрами, Сделай поворот, Танцуй Кудуро! Ещё не устал? Потому что это только начало. Двигай головой. Это танец Кудуро.</i>

Главная тема этой композиции – *свободная любовь*. Девушка, танцующая Кудуро, вызывает желание у поющего мужчины получить от неё удовольствие сексуального характера. Следовательно, и этот хит относится к 3-ей группе песен, для которой доминирующей является тема свободных и ни к чему обязывающих отношений.

Наиболее популярной в 2011 году, по версии радиостанции «Русское радио», оказалась песня *Веры Брежневой «Реальная Жизнь»*.

В данной композиции лирическая героиня осуждает моральные устойчивые принципы о любви. Иначе говоря, она призывает девушек не слушать тех, которые «мысленно побросали якоря», т.е. тех, у кого есть прочные взгляды на жизнь. Героиня призывает встречать «любовь ... под разными флагами»:

*Ласточка моя, не всегда правда то, что люди говорят.
Слушала ты их, не слушая сердца, а зря.
Так и не доплыть, они мысленно побросали якоря,
Но это не твоя история, напрасные слёзы.*

*А солнце светит всем одинаково,
И зря ты, моя девочка, плакала,
Ведь там за окном цветёт, бежит
Реальная жизнь.*

*А солнце светит всем одинаково,
Любовь идёт под разными флагами,
Встречай же её, открой, дыши!
Реальная жизнь.
Прекрасная жизнь.*

Есть основания полагать, что и этот хит относится к 3-ей группе песен, не предполагающих наличие положительных семейных сценариев.

Самой популярной песней 2012 года, по версии радиостанции «Европа+», стала композиция *Gotye & Kimbra «Somebody That I Used To Know»*. Она посвящена болезненному расставанию. Герои этого хита высказывают свои обиды, предъявляют претензии друг другу. Однако никто из них не берёт ответственность за разрыв отношений.

Now and then I think of all the
times you screwed me over
But had me believing it was always
something that I'd done
And I don't wanna live that way...
But you treat
me like a stranger
And that feels so rough
You didn't have to stoop so low

Have your friends collect your records
And then change your number
I guess that I don't need that though
Now you're just somebody that I
used to know

*Иногда я вспоминаю о тех случаях,
когда ты подставлял меня,
И каждый раз заставлял меня ве-
рить, что это моя вина.
И я не хочу так жить,
Но ты ведёшь себя со мной, как с
незнакомцем,
И это очень грубо.
Тебе не стоило опускаться так низ-
ко.
Пусть твои друзья заберут твои
записи
А не забудь сменить номер потом.
Хотя, я думаю, мне это не нужно,
Сейчас ты просто кто-то, кого я
знал раньше...*

Таким образом, и этот хит относится к 3-ей группе песен, главным смыслом которых являются деструктивные семейные сценарии.

В этом же году самой популярной композицией на радиостанции «Русское радио» стала *Нюша «Воспоминание»*. А о чём эта песня?

*Ты прячешь откровенные детали,
Как-будто мы с тобой друг друга не знаем.
Мы независимость пересекали,
Улыбаюсь навстречу судьбе.*

*Мы долго погружались в это небо,
Никто из нас на крыше раньше не был,
Делились сотнями воспоминаний,
И я всегда верила тебе.*

*Я теперь твоё воспоминание,
Может я была тебе посланием,
Ты забыть меня уже не сможешь,
Ты не сможешь забыть...
Не сможешь забыть...
Не сможешь забыть...*

Героиня довольно легкомысленно относится к отношениям, которые у неё были. Сначала она вступает в близкие отношения с молодым человеком, а потом жалеет, что «оставила на сердце шрамы». Она совсем не думала о том, что сначала следует всё-таки узнать самого человека [А.В.Пузырёв 2013: 56-57].

Таким образом, и эта песня является разрушительной и вполне вписывается в 3-ю группу песен, главной тематикой которой являются *свободные отношения*.

В 2013 году самой популярной песней на радиостанции «Европа+» оказалась композиция *Alex Herburn «Under»*.

В данной песне любовь является манипуляцией со стороны главного героя. Он не хочет расставаться со своей любимой и не желает слышать от неё ничего подобного.

Don't say it's over 'Cause that would send me under	<i>Не говори, что все кончено, Потому что это свело бы меня в могилу,</i>
Underneath the ground Don't say those words I wanna live but your words can murder	<i>На шесть футов под землю. Не говори этих слов, Я хочу жить, но твои слова могут убить</i>
Only you can send me under, under, under	<i>Только ты можешь погубить меня.</i>

Такие отношения принесут героям ничего, кроме страданий. Таким образом, этот хит относится к 3-ей группе песен, исключая конструктивные семейные сценарии.

По версии радиостанции «Русское радио», наиболее популярной в 2013 году оказалась песня *Григория Лепса «Я Счастливый»*.

В данной композиции чётко прослеживается мотив смерти. Создаётся такое ощущение, будто бы главный герой чувствует приближение конца, от того и эти строки:

*Я - счастливый, как никто! Я счастливый лет уж 100.
Я - счастливый! Я - не вру! Так счастливым и уйду!
Я - счастливый, как никто! Я счастливый лет на 100.
Я - счастливый! Я - не лгу! Так счастливым и уйду!*

Неадекватность лирического героя свидетельствует о деструктивности данного хита, поскольку неадекватность не может привести к воплощению какого-либо конструктивного семейного сценария.

По версии радиостанции «Европа+», наиболее популярной песней 2014 года оказалась композиция *Glenn Morrison «Goodbye»*.

Это очередная песня о несчастной любви. Девушка обманула своего возлюбленного, и теперь его единственное желание – затеряться в толпе:

<i>If I'd have known</i>	<i>...Если бы я только знал,</i>
<i>What we made</i>	<i>Что всё, что мы натворили,</i>
<i>Would be gone like yesterday</i>	<i>Уйдёт, как вчерашний день,</i>
<i>I'd have loved</i>	<i>Я бы любил тебя</i>
<i>You with grace</i>	<i>Всей душой,</i>
<i>I'd have fought the darkness away</i>	<i>Я бы поборол тьму.</i>
<i>All your lies</i>	<i>Но твоя ложь</i>
<i>Showed my way</i>	<i>Указала мне путь,</i>
<i>Now I'm lost between the faces</i>	<i>И теперь я затерялся в толпе.</i>

Нет сомнений, что и этот хит относится к 3-ей группе песен, иллюстрирующих деструктивные межличностные отношения и, соответственно, деструктивные семейные сценарии (поскольку конструктивные семейные сценарии не могут базироваться на деструктивных межличностных отношениях).

В этом же 2014-м году самой популярной композицией на радиостанции «Русское радио» стала песня *Ирины Аллегровой & Славы «Первая Любовь – Любовь Последняя»*.

*Жизнь в лицо кидалась грязью,
Я, запутанная связью.
Перед Богом страх уже не сдерживал,
Ангел не ругал, но не поддерживал.
Ангел не ругал!!!
Зря удерживать не стала,
Гордость женская взыграла,
Отпустила и разлука в дом вошла.
Ты - моя любовь последняя была.*

Ты - моя любовь!!!

*Хочешь - пойми!
Сможешь - прости!
Первая любовь - любовь последняя!
Нежная и пошлая,
А теперь лишь - прошлое.
Только!!!
От неё мне не найти спасения,
Как небес пророчество,
Гордость и терпение,
Пропасть в одиночество-
Совпадение....*

Героиня этой песни искренне полагает, что всё, что происходит в её жизни, это не проявление каких-то закономерностей, но всего лишь несчастливые случайности (совпадение). В её понимании первая любовь бывает не только *нежной*, но и *пошлой*. Девушка не берёт ответственность за свою жизнь и за отношения. Тема *свободной любви* становится главной в этой композиции. Таким образом, она относится к 3-ей группе песен, не способствующих реализации какого-либо конструктивного семейного сценария.

Таким образом, проанализировав все хиты в период с 2004 по 2014 гг., мы имеем все основания сделать вывод о том, что, несмотря на популярность этих хитов, все они являются деструктивными. Основная их тема – свободные и ни к чему не обязывающие отношения или же деструктивные семейные сценарии. Такое абсолютное доминирование деструктивных массовых песен – один из существенных факторов того, что в наше время браков становится всё меньше, а разводов – гораздо больше.

Можно с уверенностью утверждать тот факт, что популярные песни обеих радиостанций призывают нас руководствоваться только принципом удовольствия и не брать на себя ответственность за личные отношения.

По обоснованному мнению З.Фрейда, основоположника психоанализа, принцип удовольствия подчинён более первоначальному принципу – принципу влечения к смерти [З.Фрейд 1979]. В этом смысле, смысле указанного суждения З.Фрейда, хитовые песни последнего десятилетия являются проводниками приближения смерти.

Цитируемая литература:

Берн Э. Люди, которые играют в игры. – М.: Эксмо, 2008. – 431 с.

Пузырёв А.В. Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XI-й Международной научной конференции (Ульяновск, 11-14 мая 2011 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2011. – 224 с.

Пузырёв А.В. Язык и мышление поэта и писателя: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 15-18 мая 2013 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2013. – 224 с.

Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия [Текст] // Психология бессознательного: сборник произведений / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1989. – С. 382-424.

Hot Charts, Хит-парады [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hotcharts.ru/europlus/archive> (Дата доступа 03.04.2014).

Канд. филол. наук И.А. Пуник (Ульяновск)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В РОМАНЕ Л.ПАЛМЕР “DICKE LILLY – GUTES KIND”

Лингвистика текста, в том числе – лингвистика художественного текста как научное направление в настоящее время развивается особенно интенсивно. Несмотря на большое количество работ в области текстообразования и филологического анализа, существует много проблем, вызывающих оживлённые дискуссии. Одной из широко обсуждаемых тем является тема дейктического модуля текста или, другими словами, «соотношение предметно-фактического и интерпретационного начал в содержании произведения» (Дымарский 2006: 279, 280). В центре современных исследований, посвящённых затронутой тематике, находится проблема соотношения языковых форм и возможностей их определённой/неопределённой интерпретации читателем. В настоящей статье будет рассмотрен вопрос о соотношении предметно-фактической информации об исторических событиях и об особенностях их интерпретации, описанных в рамках художественного романа. В качестве объекта исследования был выбран автобиографический роман знаменитой американской актрисы немецкого происхождения Лилли Палмер – “Dicke Lilly – gutes Kind”. Цель данной статьи можно перефразировать следующим образом: выявить зависимость возможностей интерпретации предметно-исторического содержания от конкретных языковых форм, используемых автором.

В данной статье будут проанализированы лексико-грамматические особенности одного отдельного фрагмента романа, посвящённого описанию сложной политической ситуации в Германии, это начало 30-ых годов 20 века, характеризующихся приходом к власти Гитлера и появлением фашиствующих элементов. Приведём в качестве примера фрагмент романа, начало IV-ой главы, 1-ый абзац.

DAS EISERNE KREUZ

*Aber noch bevor ich mich **am 1. August** 1932 (1) **aufgeregt und freudestrahlend** im Büro des Hessischen Landestheaters zum **erstenmal** präsentierte, hatte es im deutschen Leben **bedenklich** zu **brodeln** begonnen. An den Zeitungsständen tauchten auf einmal Zeitungen auf, die die Leute **tatsächlich** (2) lasen, anstatt sich über sie*

lustig zu machen. Mein Vater mit seiner Liebe zu Deutschland und seinem Optimismus weigerte sich, zu glauben, daß sein Land es jemals zulassen würde, “von so einem Mann” repräsentiert zu werden. Und als er sich schließlich davon überzeugen mußte, daß Deutschland das sehr wohl konnte, flüchtete er sich in die Hoffnung, daß “der Mann”, erst einmal im Sattel, seine radikalen Ansichten über Bord werfen und sich “dezent aufführen” würde, wie es dem Oberhaupt eines zivilisierten Landes zukam. Er selbst konnte niemals an Emigration denken. Er war Chefchirurg im größten jüdischen Krankenhaus von Berlin und als solcher unabkömmlich. Nur wenige weitsichtige Leute kamen derzeit auf den Gedanken, ins Ausland zu gehen. Die allerdings packten ihre Habseligkeiten und verließen das Land, als hätte eine Sturmglöcke in ihren Ohren geklungen. Die Mehrheit blieb, wo sie war, und wartete ab.

В приведённом примере речь идёт об особенностях внутривнутриполитической жизни Германии. В стране активизировалась общественная жизнь, люди стали серьёзно относиться к политическим новостям. Это был момент, когда на выборах в бундестаг победила партия Гитлера и граждане Германии ещё не определились в своей позиции к нему. Оценка политической жизни и политической фигуры бундесканцлера является главным содержанием анализируемого абзаца. Анализируя его смысловую структуру, грамматическое построение и использованную лексику, можно сказать, что в тексте присутствуют два типа повествования: информативный и изобразительный регистры. Так, к информативному регистру можно отнести следующие языковые структуры: в начале абзаца даётся точное указание на хронологию события в виде определённой даты (пример 1), далее рематический элемент – наречие *tatsächlich* в предложении (пример 2), в котором говорится о том, что люди действительно стали читать газеты. Сама историческая ситуация описывается ярко, с использованием метафорических элементов и лексики, подчёркивающей реальность происходящего. Например, когда речь идёт о напряжённой тревожной атмосфере в обществе, которая способна перерасти в волнения, используются ключевые слова “*brodeln*” (бурлить), “*Sturmglöcke*” (сигнал к активным боевым действиям). Существенным моментом для описания политической картины является использование существительного «*der Mann*», обозначающего Гитлера и являющегося для данного контекста эвфемизмом. В данном абзаце обращает на себя внимание то, что исторический факт описывается как непосредственно в форме информативного типа изложения, как, например: “*die Leute lasen die Zeitungen tatsächlich ...*”, “*nur wenige weitsichtige Leute ...*”, “*die Mehrheit blieb ...*”. Так и опосредованно, например, в форме чужой речи с употреблением конъюнктива: “*der Mann erst einmal im Sattel ...*”.

В начале главы исторические события точно датируются, затем описание исторического момента укрупняется, и вектор описания направляется внутрь этого момента. Отношение автора к описываемым событиям прочитывается между строк, через предположения и мнения других людей. Оценка политической ситуации даётся очень тонко и опосредованно. Автор, таким образом, даёт возможность читателю самому интерпретировать мотивы и поступки героев в

определённой политической ситуации. За использованными языковыми формами и характером повествования скрывается важнейший признак текста – определённость/неопределённость содержащихся в них референций. Так, использование средств информативного регистра в данном фрагменте позволяет вести речь об определённости описываемого исторического момента. В то же время использование элементов изобразительного регистра и, в том числе доминирование в тексте романа опосредованной оценки исторических реалий, позволяет читателю самому интерпретировать восприятие героями романа исторического времени, внутри которого они оказались.

Литература:

Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX-XX вв. – М., 2006. – 296 с.

Докт. филол. наук Р.Х. Хайруллина (Уфа), магистрант Со Цянь (Китай)
СРАВНЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ АКТ И ЭЛЕМЕНТ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(на материале ранней поэзии С.Есенина)

Художественная языковая картина мира писателя или поэта всегда отражает его систему миропонимания, образ мышления, в ней формируются ключевые для его творчества способы описания объективного мира и человека – лирического героя, персонажей. Как известно, в качестве средств художественной выразительности в тексте произведения, особенно поэтическом, широко представлены метафоры, эпитеты, гиперболы и литоты, сравнения и т.д. Используемые средства являются не только средством создания образности, но и передают присущий автору когнитивный механизм восприятия информации о мире и способ ее вербализации.

Несмотря на то, что писатель или поэт формирует художественный текст в рамках его родной языковой картины мира, отражает индивидуальные особенности мировидения сквозь призму своей культуры, каждое художественное произведение носит отпечаток духовного мира, этических и эстетических установок самого автора, благодаря чему произведение становится уникальным. Образ мира в произведении – это продукт когнитивной и духовно-эстетической деятельности талантливой личности. Это не зеркальное отражение действительности и не передача научных сведений об описываемых явлениях и фактах. «В отличие от научного миропонимания художественная картина мира, в силу синтезирующей способности искусства и интуитивных воззрений художников, обладает способностью создавать более цельный образ реальности, отображать в ней такие стороны, которые ускользают от аналитического описания в науке», – отмечает Ю.Д.Тильман в своем исследовании поэтических текстов Ф.Тютчева [Ю.Д.Тильман 1999: 51].

Сравнение в системе когнитивно-оценочной деятельности человека занимает особое место. Оно выступает средством получения нового знания посредством ассоциации одних предметов, явлений, качеств, уже известных, с другими предметами и качествами – новыми, неизвестными. По словам А.А.Потебни, «самый процесс познания есть процесс сравнения» [А.А.Потебня 1894: 130].

В художественном тексте использование сравнения дает возможность не только формировать образно-наглядные представления, но и показать концепты, актуализированные именно данным автором, именно в данном произведении. Структурно-семантический и стилистический анализ сравнительных оборотов в поэтическом тексте позволяет раскрыть особенности миропонимания автора произведения.

Ранняя поэзия С. Есенина посвящена описанию родной природы, жизни дореволюционной деревни на Рязанщине. Для ранних стихов поэта характерны использование народных поэтических образов, явная одушевленность окружающей природы, возвышенная тональность. Одним из художественных средств приема олицетворения в поэзии С.Есенина выступают сравнительные обороты.

Анализ языкового выражения и стилистических функций сравнений в поэзии С.Есенина 1910-1917 годов позволил нам раскрыть некоторые художественные особенности стиля поэта, описать отдельные фрагменты его картины мира.

Аналізу были подвергнут 51 сравнительный оборот, имеющий форму: *А как Б, А словно Б, А точно Б*, а также сложные сравнительные конструкции. Нами были выделены следующие компоненты сравнительных оборотов: предмет, которых сравнивается, основание сравнения и другой предмет, с которым ассоциируется первый предмет. Описание когнитивного и языкового содержания сравнения позволило нам сделать следующие выводы.

В отношении сравнения в поэзии Есенина вступают понятия двух тематических групп – «Природа» и «Человек». Эти темы у поэта диалектически взаимообусловлены. В этом заключается глубокий философский смысл, присущий раннему Есенину: человек неотъемлемая часть природы, его среда бытия. Сравнение происходит по основаниям внешнего и внутреннего описания человека и природы.

Например, сравниваются внешние признаки природы/человека и человека/природы: *ветки что кудри, зарукавник словно снег, луна как злат бугор, вечер как сажа, глаза как выцветший лопух, ели как копыя, снег словно серебро* и др. Отметим, что в круг сравнения у поэта попадают бытовые предметы, одежда, явления природы, деревья, птицы, внешность человека.

Реже в сравнительных оборотах фигурируют абстрактные качества и понятия, но для них Есенин находит яркие, неординарные сравнения: *тьма как платок, радость как белка на ветке (запрыгала), голос как дым в избе, душа как снег*.

Интересны как по образности, так и по языковому выражению сложные сравнительные конструкции. Они раскрывают целостные фрагменты бытия, жизни природы. Исходными понятиями в таких оборотах выступают привыч-

ные для жизни поэта предметы и понятия, например, *рушник, корова, свахи, сережки, сороки, черная смородина* и т.д.

Например, в строках *«Облак, как мышь, подбежал и взмахнул в небо огромным хвостом. Словно яйцо, расколовшись, скользнул месяц за дальним холмом», «Тучи с ожереба ржут, как сто кобыл», «Небо словно вымя, звезды как сосцы»* и других можно увидеть реальный мир села, его быта, хозяйства, который был близок душе поэта.

Как показывает наш анализ, в поле сравнения в поэзии Есенина представлены элементы и явления природы (луна, весна, облак, ветер, темь, заря, небо, тучи, мгла, заря), люди, их тело и эмоции (глаза, слезы, девица, внук, душа, радость, смех, глас), животные и птицы (лебедушка, воробьишки, сороки), деревья (черемуха, сосна, лист). Уже сам перечень данных слов, использованных поэтом в сравнительных оборотах в стихах, говорит о содержании и духовно-нравственных ценностях его художественной картины мира. Таким образом, можно сказать, что в ранней поэзии С.Есенина яркое воплощение нашли образы родной природы и его ценностные приоритеты.

Литература

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Харьков, 1894.

Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира (поэзия Ф.Тютчева). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Докт. филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)

«МИР ВЕЩЕЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Вещный мир в литературном произведении соотносится с предметами материальной культуры в реальной действительности. Материальная культура как совокупность предметов, создаваемых человеком, входит в мир произведения и может выполнять культурологическую, характерологическую и сюжетно-композиционную функции.

Доклад посвящен описанию «мира вещей» в ценностной картине мира персонажей рассказов В.М. Шукшина.

В произведениях В.М.Шукшина вещь выполняет прежде всего характерологическую функцию: она часто высвечивает противостояние жизненных позиций персонажей.

Для «энергичных людей» главный ориентир в жизни – денежно-вещевой. Бытовая жизнь этих героев полна, материально насыщена.

У деловитого, властного Федора Кузьмича Максимова «все добыто трудом»: богатая квартира, машина, дача, парадный костюм висит в дорогом шкафу («Как зайка летом на воздушных шариках»).

У «свойка Сергея Сергеевича (одноименный рассказ) есть повод для самоуважения. Он пять классов кончил – и получает четыреста, тогда как самый вы-

сокооплачиваемый профессор получает пятьсот рублей. У свояка «культурные» потребности». Он отдыхать любит в Ялте. Он телевизор считает предметом первой необходимости. Сергей Сергеевич «купил» Андрея, сделав ему дорогой подарок, о котором тот втайне мечтал, – лодочный мотор. «Вечно недовольный Яковлев» (одноименный рассказ), приехав в отпуск в село к родным, хотел показать всем, «какой он – нарядный, даже шикарный, сколько (немало!) заколачивает в городе...», что имеет в городе в новом доме однокомнатную квартиру. Своя система координат у «Владимира Семеныча из мягкой секции» (одноименный рассказ), которая ориентирована на свои ценности, соответствующие своим нормам. Его цель – «занять кресло повыше – стать завсекцией». Работать Владимир Семеныч умел: каждый месяц имел в кармане сот пять–шесть, кроме зарплаты. Немилосердно обирал покупателей. Стал богато одеваться. Стал сам покупать дорогую мебель. Хотел даже свой финский гарнитур «Россарио» за «тысячу двести» заменить на югославский гарнитур «Роджерс» за «две тысячи сто семьдесят рэ». Предметы обихода в представлении таких героев выступают, как атрибуты «красивой жизни», предусматривающей определенный стиль поведения: «если свояк Сергей Сергеевич только недоволен отсутствием в деревенской лавке шампанского, но затем ограничивается и водкой; то Владимир Семенович претендует на другой уровень: он, например, твердо знает, что шампанское надо пить только «на брудершафт», и требует этого». Ценностно-смысловые позиции персонажей выявляются в диалоге:

Зато Владимир Семенович осмелел вполне. Он говорил и откупоривал шампанское, наливал шампанское в фужер и говорил:

– Я так считаю: умеешь жить – живи, не умеешь – пеняй на себя. Но, кроме всего прочего, должен быть вкус, потому что... если держать, например, две коровы и семнадцать свиней – это тоже считается хорошо. Должен быть современный уровень во всем. Держи, но пока не пей: мы на брудершафт выпьем. Я себе кофе налью.

– Как это? – спросила Валя.

– На брудершафт-то? А вот так вот берутся... Дай руку. Вот так берут, просовывают... – Владимир Семеныч показал. – Так? И – выпивают. Одновременно. Мм? – Губы его чуть дрожали от волнения («Владимир Семеныч из мягкой секции»).

В диалогическом фрагменте писатель не только излагает взгляды персонажа на жизнь, но и передает его эмоционально-психологическое состояние с помощью описания жестов и мимики.

«Чудиками» вещи воспринимаются не с точки их денежно-престижного эквивалента. Основные устремления шукшинского героя направлены на личностную реализацию, поэтому главный интерес для него представляют предметы, через которые может пройти такая реализация: «странная», ненужная, нефункциональная в быту вещь для героев Шукшина является способом, средством прорваться за рамки обыденности, но и самые обычные вещи часто в их руках приобретают качества необычности, изначально не свойственные им: из старого оцинкованного ведра и велосипедного колеса шофер Моня Квасов конструирует вечный двигатель; из обыкновенных деревянных чурочек деревен-

ский парень Васька создает удивительные фигурки; третий приобретает микроскоп, чтобы уничтожить всех микробов; четвертый покупает жене очень дорогие сапожки, которые не подходят ей по размеру и непригодны для деревенской жизни; пятый всю субботу посвящает одному занятию – топке бани. Пристрастие героя к ненужным, неважным вещам и занятиям (изобретение вечного двигателя, топка бани весь день, создание деревянных «куколок», занятия с микроскопом) выводит героя из мира обыденности. Необычная покупка, странное занятие оказывается способом душевного обновления, средством очищения чувств, реализованной возможностью создания праздника.

Таким образом, вещь является одним из средств создания художественного образа, помогающим представить изображаемое автором явление неповторимой индивидуальности, служащим для характеристики и типологии героев произведения.

Докт. филос. наук Л.В.Шабанов (Санкт-Петербург)
КОНФЛИКТНЫЕ ОНТОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ХРОНОТОПА
МАРГИНАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ «ОТЕЛЬ»

В данной работе представлена своеобразная рок-археология, попытка проследить эстетическое освоение такой действительности, как отель/ мотель – онтологическое пространство, в котором персонаж оказывается в маргинальном пространственно-временном континууме относительно привычной реальности. Для удобства описания этого пространства, можно предложить широко используемый термин хронотоп. В данном случае, «спайка пространства и времени» в псевдоэвклидовом пространстве Минковского у А. Эйнштейна, которую в гуманитарные науки вводит А.А. Ухтомский (Доминанта – СПб, 2002. С. 342-347) «закономерная связь пространственно-временных координат», и уточняет М.М. Бахтин (Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. С. 234-407) «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений».

Содержанием хронотопа в массовой культуре второй половины 1960-х гг. стало оформление маргинального человека и его жизненных пространств; маргинальность входила и расширяла форматные возможности массовой культуры (музыка, хэппенинги, проза, поэзия, изобразительное искусство, скульптура, даже архитектура – все искали новые средства само-выражения во внешнюю среду). Однако к середине 1970-х гг. ситуация изменяется, масс-культурное пространство начинает освобождаться от маргинальных проявлений и входит в режим закрытого, частного прагматичного функционального потребления культурных продуктов, событий и артефактов.

Маргинальные пространства – это одна из наиболее часто встречающихся онтологий (картин мира), которыми пронизаны и эстетические формы, и сам стиль эпохи (1967-1977 – расцвет и усложнение арт-рока от психоделической музыки до сложных прогрессивных полотен, напоминающих скорее симфонические произведения, нежели поп-музыкальные шлягеры).

Критерии выбора текстов песен для анализа основаны на: 1. использовании образа отеля или мотеля, как центрального пространства онтологии главного героя; 2. сама песня в обязательном порядке исполнялась в указанный нами период (независимо от года ее написания и количества кавер-версий, исполненных до и после 1967-1977 гг.); 3. Для локализации системы поиска, в список используемых текстов включены только те песни, у которых в названии указаны ключевые слова: hotel/ motel.

Категория понятий. Отель (*Постоялый двор*) – коллективное средство размещения в определенном количестве комнат (номеров разной комфортабельности) с определенным набором услуг. Мотель (*Motor hotel*) – гостиница возле автострад, ориентированная на постояльцев, путешествующих на собственном автотранспорте (количество услуг и типов номеров минимально, но все это компенсируется низкой стоимостью проживания и отсутствием регистрационных формальностей).

Песни (исполнитель, год, песня): Elvis Presley 1959-1977 «Heartbreak hotel», Loudon Wainwright III 1971-1977 «Motel Blues», 10 cc 1974-1977 «Hotel», Rolling Stones 1975-1977 «Memory Motel», The Eagles 1976-1977 «Hotel California», The Foghat 1977 «Boogie Motel», дополнительно: Nirvana 1967-1970 «Pentecost hotel», Luke Gibson 1971-1973 «Hotel», Fox 1977 «Blue Hotel».

Кроме того, для анализа образов были использованы материалы альбомов (группа, название альбома, год издания): The Doors - Morrison Hotel [1970], Dave Peabody - Peabody Hotel [1973], Grateful Dead - From The Mars Hotel [1974], England - The Imperial Hotel [1975], Eagles - Hotel California [1976], Improved Sound Limited - Rathbone Hotel [1976], Fox - Blue Hotel [1977].

Время «отеля» лучше всего обозначить, как безвременье в рамках календаря, суточной смены и даже возраста. Часы и время суток практически не имеют значения: «Здесь телевизор не работает уже в два часа» («Motel Blues»); «...симпатичных мальчиков, которых она называет друзьями. Как они танцуют во дворе в сладкой летней истоме. Некоторые танцуют, чтобы не забыть, другие – чтобы забыть» («Hotel California»); «Можно на всю ночь... или только на час» («Boogie Motel»).

Сюжет, образ события в «отеле»: тайное, часто случайное свидание. «Глаза у нее были карие, а нос изогнут и зубы немного кривые. Мы провели ночь одиночества в Мотели воспоминаний... Она взяла мою гитару и начала играть, Она пела песни, которые врезались мне прямо в мозг» («Memory Motel»); «Подруга сказала, ей 18... она выглядит моложе... но если я куплю ей завтрак – они подумают, что это моя жена» («Motel Blues»). «Тайная любовная страсть, о которой не знают дома... регистрация в спешке, но без необходимости беспокоиться... – все равно, хорошо» («Boogie Motel»); «Поскольку моя крошка оставила меня, я нашел новое место, где теперь буду. Это в конце пустынной улицы в отеле разбитых сердец. Ты делаешь меня таким одиноким, крошка, я так одинок» («Heartbreak hotel»); «Она сказала: «Здесь мы просто узники, и это дело наших собственных рук» («Hotel California»); «В конце концов, ты можешь воспользоваться и одиночеством» («Boogie Motel»).

Топография пространства *motelroom* однообразно безлична и воспринимается как не просто приходящие вещи, но одноразового использования: *«И хотя здесь всегда многолюдно, ты всё еще можешь найти комнату, где влюбленные с разбитыми сердцами могут поплакать в мрачной глубине. Ты делаешь меня таким одиноким, крошка, я так одинок»* («Heartbreak hotel»); *«В отеле «Калифорния» вы в любое время года найдёте много свободных номеров»* («Hotel California»); *«Давай купим номер в отеле, возьмем яхту, получим золотой остров под Солнцем, сделанным из кокосового ореха. Купим старый автомобиль, проживем в хижине на кокосовом острове»* («Hotel»); *«Ночь одиночества и воспоминаний о памятном мотеле, вы помните его, это на побережье, где ветер и звезды пытаются унести твоё дыхание вниз по течению, в даль от береговой линии океана»* («Memory Motel»); *«Большая кровать, простыни, ведро для льда, библия в ящике, много мыла и полотенца»* («Motel Blues»); *«Зеркала на потолке, охлаждённое розовое шампанское»* («Hotel California»); *«Зеркало над кроватью... да это не «Савойя», зато здесь просто дешево и легко»* («Boogie Motel»).

Хронотоп «отеля» также описывается в символической безвременья и потери следов своей жизни через проводников того пространства: *«Там колокольчик надежды, слезы текут, и портье одет в черное...»* («Heartbreak hotel»); *«На пороге стояла она, я услышал звон гонга и подумал: «Это либо Рай, либо Ад». Потом она зажгла свечу и осветила мне путь... там, в коридоре, я слышал голоса...»*, *«Я позвал управляющего: «Пожалуйста, принесите мне вина». Он ответил: «У нас не было этого напитка с 1969 года». А те голоса всё продолжали слышаться издали...»*, *«...Расслабьтесь», – сказал сторож, – Нас запрограммировали, чтобы принимать гостей. Вы можете освободить номер в любое время, но вы никогда не сможете отсюда уйти!»* («Hotel California»); *«Большая черная мамаша... собирается готовить нам, будет зазывать остальное племя (призрак Тарзана, похоже, соврал) по дороге на ту сторону, ревя как колокол, прыгая с дерева на дерево – они никогда не отпустят тебя назад»* («Hotel»); *«Сердце портье бьется, как молот, получив с улыбкой плату и «чаевые», многозначительно подмигнув, он подсказывает мне, как войти в систему»* («Boogie Motel»); *«очистки» (от нашей жизнедеятельности) «соберет горничная»* («Motel Blues») *«Между Раем и Адом находится въезд на парковку Boogie Motel»* («Boogie Motel»).

Попадание в параллельный мир – хронотоп отеля (мотеля) – чаще всего обозначает акт социальной (символической) смерти героя (Левченко И.Е. Феномен социальной смерти// СОЦИС, 2001 – №6): Потеря свободы, как полноты самореализации человека (Р. Парк: беспрепятственного передвижения, позволяющую осваивать окружающий мир) в сюжете The Eagles «Hotel California»; Личная зависимость в условиях давления социальных структур (В.И. Лебедев: социальная депривация) в сюжете Loudon Wainwright III «Motel Blues»; Утрата социальной идентичности (В.А. Ядов: невозможности самоопределения индивида) наиболее ярко у 10 сс в «Hotel», т.к. сюжетно идентичность «янки» и туриста не совпадают ни у героев песни, ни у принимающей их стороны («большая черная мамаша»); Лишение или отказ от субъектности (Л.В. Шабанов: вы-

нужденная маргинальность) у Elvis Presley в «Heartbreak hotel»; Забвение как «переход» имени и образа субъекта из актуальной части культуры в потенциальную – Rolling Stones «Memory Motel».

ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ

Доктор филол. наук И.И.Валуйцева, студ. Д.С.Чинина (Москва)
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ «ОТЦА УЖАСНЫХ ИСТОРИЙ
ПРО ДРЕВНИХ МОНСТРОВ»

В последние годы в рамках антропоцентрической научной парадигмы возрос интерес к изучению языковой личности во всем многообразии ее проявлений. В известной работе Ю.Н.Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов, 2007] обосновываются три уровня ее анализа: вербально-семантический, тезаурусный и мотивационно-прагматический. Особое внимание уделяется языковой личности писателя, тем более, если этот писатель оказал значительное влияние как на развитие литературных традиций в той или иной стране, так и на читателей – современных ему или познакомившихся с его творчеством спустя годы. Таким писателем, на наш взгляд, является Говард Филлипс Лавкрафт. Г.Ф.Лавкрафт (1890-1937) – американский писатель, считающийся одним из основоположников направления фэнтези в мировой литературе. Любопытно, что его творчество получило своеобразное продолжение в фильмах и компьютерных играх уже нашего времени, так как современные технологии позволяют воплотить многие фантазии автора.

В каждом тексте проявляется личность автора, причем, согласно гипотезе Н.И.Рубакина, читатель наиболее адекватно интерпретирует те тексты, которые соответствуют его психическому состоянию или мироощущению в целом. На этом тезисе основывается психиатрическая типология текстов В. П. Белянина. Задачей нашего исследования являлся анализ прозаических произведений Г. Ф. Лавкрафта и соотнесение выявленных характеристик с психотипом автора, особенности биографии которого хорошо известны.

Прежде всего, следует обратить внимание на название произведений Г. Ф. Лавкрафта: большинство из них связаны со смертью, страхом, одиночеством, отчуждением – *The Tomb, The Terrible Old Man, The Outsider, The Unnamable, Beyond the Wall of Sleep, From Beyond, The Crawling Chaos* и др. Интересен и выбранный им псевдоним – «отец ужасных историй про древних монстров».

Для анализа нами были взяты 4 произведения: «*What the Moon Brings*», «*The Colour out of Space*», «*Nyarlathothep*», «*The Dream-Quest of Unknown Kadath*» общим объемом 56915 слов.

Характерной чертой его письма является активное использование звукописи. Например, в «*Nyarlathothep*» встречаем ряд аллитераций: «*swarthy, slender, sinister*». В рассказе «*What the Moon Brings*», Лавкрафт сочетает различные понятия для того, чтобы придать тексту певучесть. Например, «*silent and sparkling, bright and baleful*» или «*saw gleaming, the spires, the towers and the roofs of that dead, dripping city*». Здесь прослеживается интертекстуальная связь с про-

изведениями А.Э. По, причем даже по аллитерациям на те же звуки (*You are not wrong, who deem / That my days have been a dream* – Э.По. *A Dream within a Dream*). Часто встречаются и звукоподражания, например «*gnaw and glut upon*» («*What the Moon Brings*»).

Лавкрафт активно использует эмоционально-оценочную лексику. Автор стремится воздействовать и на такие каналы восприятия читателя, как обоняние и осязание. В рассмотренных нами произведениях особый акцент делается на слова «*stench*», «*stinking*» и их синонимы. Он наделяет поверхности такими свойствами, как: «*slimy*», «*slippery to the touch*», «*very unsteady to walk on*» и т.д. В своих рассказах Лавкрафт активно использует прилагательные, характеризующие объекты как нечто неясное, туманное, нестабильное, например, «*indescribable*», «*unknown*» или «*hideous*».

Синтаксис Лавкрафта изобилует инверсивными конструкциями, не характерными для английского как языка с фиксированным порядком слов: «*West of Arkham the hills rise wild, and there are valleys with deep woods that no axe has ever cut*» («*The Colour out of Space*»). Следующей особенностью синтаксиса его произведений является повтор. Так создается цепочечная связь между темой и ремой последовательно расположенных предложений. Например, «*... stars swelled to dawns, and dawns burst into fountains of gold, carmine, and purple ...*» («*The Dream-Quest of Unknown Kadath*»). Повторение является и стилистическим приемом, побуждающим читателя акцентировать свое внимание на конкретных словах. Таким образом автор пытается создать напряженную, пугающую атмосферу. «*The trees grew too thickly, and their trunks were too big for any healthy New England wood. There was too much silence in the dim alleys between them, and the floor was too soft with the dank moss and mattings of infinite years of decay*» («*The Colour out of Space*»).

Проанализированные тексты произведений Г.Ф. Лавкрафта позволяют сделать вывод, что их автор был широко образованным человеком, имел богатый словарный запас и яркое воображение. Автор намеренно использовал различные стилистические приемы для создания соответствующей атмосферы в своих произведениях. Говоря же о его психическом состоянии, можно отметить, что, скорее всего, автор испытывал сильное беспокойство. Образы протагонистов его произведений явно символизируют его самого. Главный герой произведений Говарда Лавкрафта все время борется с неизведанным древним ужасом, а после столкновения с ним сходит с ума. Факты его биографии коррелируют с результатами проведенного нами анализа текстов его произведений.

Литература

Белянин В.П. Введение в психиатрическое литературоведение. – Франкфурт, 1996.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2007.

Канд. филол. наук М.Г.Вершинина (Пермь)

ЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА А. ИВАНОВА
(На материале романа «Золото бунта»)

Пермский писатель Алесей Иванов пользуется сегодня большой популярностью. В работах, посвященных изучению его творчества, нередко звучит мысль о том, что наиболее яркой особенностью стиля писателя является его «зрение», видение, которое «недалеко от видений» [В.В.Абашев, М.П.Абашева 2008] (доминирование визуальных образов). Исходя из этого, мы предположили, что цветовая картина мира в романе должна быть ярко выраженной. Для исследования цветовой картины мира А.Иванова были применены лексико-семантический и фоносемантический анализ. Материалом исследования стал роман А. Иванова «Золото бунта, или вниз по реке теснин».

Приведем фрагмент текста романа А. Иванова «Золото бунта».

И с вершины вся Чусовая раскрылась перед ним, как огромные ворота. Она раскрылилась внизу в обе стороны и словно понесла Осташу над собой, над горстью домиков Кумыша, над щепками судов, зачаленных в устье речки, над деревенскими выгонами и пятнистыми коровами, что издалика были похожи на божьих коровок, над сплошными темными лесами – к дальним сизым горам под высоким осенним небом, уже не синим и не голубым, а бесцветным, прозрачным и неясным.

Для анализа из романа «Золото бунта» была произведена сплошная выборка фрагментов, содержащих цветовую лексику (непосредственно наименования цветов, наименования оттенков, а также все лексемы, содержащие сему «цвет»). Количественный анализ показал, что общее число слов в «пейзажной» выборке из романа – 11 332. Из них только 3% (335 единиц) – лексемы, содержащие сему «цвет».

Цвет	Лексико-семантический анализ: % от всего состава цветовой лексики	Ранг
Белый	31	1
Черный	20,9	2
Синий	14	3
Красный	11,6	4
Желтый	10,7	5
Зеленый	5,4	6
Серый	4,2	7
Коричневый	2,1	8

Таблица 1

Лексико-семантический анализ показал, что цветовая картина мира в романе А. Иванова «Золото бунта» – бело-черно-сине-красно-желтая.

Цвет становится средством реконструкции мифологического образа («расписное яичко вечернего солнца», «малиновый петух восхода»). Автор, экспли-

цируя через традиционные цвета традиционную символику, моделирует и реконструирует и традиционные смыслы.

Для фоносемантического колористического анализа была использована русско-английская программа «Звукоцвет» (разработчики Т. Миронова, И. Пластун, Л. Прокофьева). Было решено прибегнуть к данной программе, для того чтобы посмотреть, в какие цвета окрашен текст романа А. Иванова на фоносемантическом уровне. В результате были получены следующие результаты.

Цвет	Фоносемантический анализ %	Ранг
Синий	27,82	1
Красный	19,56	2
Желтый	13,77	3
Белый	12,12	4
Черный	12,12	4
Зеленый	9,37	5
Коричневый	5,23	6
Серый	Нет данных	

Таблица 2

Так, ведущие цвета на фоносемантическом уровне – синий, красный, желтый, достаточно высокий процент имеют также черный и белый, остальные цвета имеют меньшую частотность. Такая картина вполне соотносится с данными Л. П. Прокофьевой о звуко-цветовой ассоциативности русского языка, согласно которым синий, красный, черный, белый являются доминирующими для русского языка.

Сравнив данные лексико-семантического и фоносемантического колористического анализа, получаем следующее (табл. 3).

Цвет	Лексико-семантический анализ	Фоносемантический анализ
Белый	31%	12,12%
Черный	20,9%	12,12%
Синий	14%	27,82%
Красный	11,6%	19,56%
Желтый	10,7%	13,77%
Зеленый	5,4%	9,37%
Серый	4,2%	Нет данных
Коричневый	2,1%	5,23%

Таблица 3

Во-первых, и в том, и в другом случае в большей степени представлены цвета белый, черный, синий, красный и желтый, в меньшей – зеленый, серый и коричневый. Во-вторых, лексико-семантический анализ в качестве доминирующих цветов выявил белый, черный и синий, фоносемантический – синий, красный и желтый. Различие объясняется тем, что в первом случае (на лексическом уровне) автор эксплицирует в текст именно эти цвета сознательно, во вто-

ром – подсознательно (фоносемантический уровень редко осознается носителем языка). А. Иванов не относится к числу художников-синестетов, поэтому фоносемантический анализ текста его романа дал результаты, типичные для русскоязычного автора. Кроме того, колебания в процентном соотношении можно объяснить еще и тем, что в первом случае были проанализированы отдельные лексемы, а во втором – цельные фрагменты текста.

В целом же цветовая гамма на лексико-семантическом и фоносемантическом уровнях совпадают, то есть основными цветами являются белый, синий, черный, красный, желтый. Полученные результаты соотносятся и с данными о национальной звуко-цветовой ассоциативности Л. П. Прокофьевой, и с традиционными представлениями о цвете. В частности, наиболее значимо в русской культуре противопоставление белого и черного (светлого и темного), соотносимое с оппозициями хороший — плохой, жизнь — смерть, мужской — женский, а также триада белый — красный — черный. Можно говорить о том, что текст романа А. Иванова «Золото бунта» оказывается национально обусловленным с точки зрения цветовой палитры. Однако именно эта национальная обусловленность указывает на отсутствие идеостилевого своеобразия, касающегося избираемой автором цветовой палитры.

Цитируемая литература

Абашев, В. В., Абашева, М. П. Чужие сны о Мяндаше (конспект о поэтике Алексея Иванова) / Абашев В. В., Абашева М. П. // Семантическая поэтика русской литературы. Сборник статей к 70-летию профессора Наума Лазаревича Лейдермана. – Екатеринбург, 2008.

Прокофьева, Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов: Изд-во Саратовского медицинского университета, 2007.

Источники

Иванов, А.В. Золото бунта, или Вниз по реке теснин / А. В. Иванов. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 704 с.

Аспирантка Е.Ю. Тамахина (Ставрополь)

СМЫСЛОВОЙ КОД ЦВЕТА ГЛАЗ В ЛИРИКЕ А. АХМАТОВОЙ

В поэзии А. Ахматовой герой нередко предстает сероглазым, например: *Покорно мне воображенье // В изображеньи серых глаз. // В своем тверском уединенье // Я горько вспоминаю вас* («Покорно мне воображенье...», 1913). Интересно, что лирический герой явно соотносится с реальным лицом (предположительно А.А. Блоком), о чем свидетельствуют строки: «Мой знаменитый современник». В.М. Жирмунский полагал, что это стихотворение может отражать переживания «несостоявшегося романа» между А. Ахматовой и А. Блоком [В.М. Жирмунский 2001].

Прототип, возможно, есть и у лирического героя стихотворения «Не будем пить из одного стакана...» (1913), о котором сказано: *Но мне понятен серых*

глаз испуг..., а далее – «*Лишь голос твой поет в моих стихах, // В твоих стихах мое дыханье веет*».

Сероглазый герой описан и в стихотворении «У меня есть улыбка одна» (1913): *Все равно, что ты наглый и злой, // Все равно, что ты любишь других. // Предо мной золотой аналой, // И со мной сероглазый жених*. Стихотворение «Сероглазый король» не только рисует портрет героя с соответствующим цветом глаз, но и выделяет эту черту внешности как ключ к пониманию взаимоотношений героев. «*Дочку мою я сейчас разбуджу, В серые глазки ее погляжу*», □ говорит героиня, только что узнавшая от мужа о смерти сероглазого короля.

Встречается в ахматовской лирике упоминание и о синих глазах героя: *Руки голы выше локтя, // А глаза синей, чем лед* («Рыбак», 1911). По мнению исследователя В.И. Черных, именно с этого стихотворения начинается формирование «Блоковской легенды» в творчестве А. Ахматовой, а сама «тема глаз» становится основой поэтической переключки А. Блока и А. Ахматовой [В.А. Черных 1993]. Героиня стихотворения – девочка, «что ходит в город продавать камсу», – тоже характеризуется примечательным взором: *Щеки бледны, руки слабы, // Истомленный взор глубок*. Истомленный взор – это взгляд влюбленного человека; примечательно, что утомление (усталость) и любовь (а чаще даже утомление любовью или ее отсутствием) нередко оказываются ассоциативно соотнесенными у А. Ахматовой.

Синие глаза упоминаются и в стихотворении «Бесшумно ходили по дому» (1914), где герой предстает умирающим: *Но вдруг последняя сила // В синих глазах ожила...* Синий в мифопоэтических представлениях – цвет загробного мира, символ смерти. Не случайно именно синий цвет появляется в написанном после похорон А. Блока стихотворении, которое исследователи считают поминальным: *А Смоленская нынче именинница, // Синий ладан над травой стелется, // И струится пенье панихидное, // Не печальное нынче, а светлое* («А Смоленская нынче именинница...», 1921).

Отметим, что в стихотворении «Город сгинул...» (1916), где речь идет то ли о демоне (*Было страшно, что он обгоняет // Тройку сытых, веселых коней*), то ли о беглом каторжнике или юродивом (*Поднял руку со следом оков*), тоже делается акцент на голубых глазах героя: *Словно звезды глаза голубели, // Освещая измученный лик*.

В стихотворении «Каждый день по-новому тревожен» (1913) герой зеленоглазый: *Любо мне от глаз твоих зеленых // Ос веселых отгонять*. В записных книжках А. Ахматовой, заполнявшихся уже после Второй Мировой войны, героиня-поэтесса также имеет зеленые глаза: *А над ним тот профиль горбатый // И парижской челки атлас, // И зеленый продолговатый, // Очень зорко видящий глаз* («Портрет автора в молодости, или Надпись на книге «Вечер», 1912).

Иногда цвет глаз героя определяется как светлый или темный, без конкретизации оттенка: *Как юный орел темноглазым* («И в тайную дружбу с высоким...», 1917).

Описание глаз и взгляда в любовной лирике А. Ахматовой выступает одним из средств характеристики героя, его душевных переживаний. При этом цвет глаз может служить указанием на прототипа (реального возлюбленного),

коррелировать с особыми качествами характера или типом любовных отношений.

Литература

Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм / В.М. Жирмунский // Поэтика русской поэзии // СПб.: Азбука-классика, 2001. – С. 453 – 454.

Черных В.А. Блоковская легенда в творчестве А. Ахматовой / В.А. Черных // Серебряный век в России: Избранные страницы. – М.: РАДИКС, 1993. – С. 275 – 298.

Соискатель Т.А. Фатнева (Ставрополь)

ПОЭТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ И.В. КАШПУРОВА: ПРОЯВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ

Иван Васильевич Кашпуров – известный ставропольский поэт второй половины 20 века. Родившись и выросши в селе Калиновском, он навсегда сохранил связь с малой родиной, крестьянское мироощущение, взгляд на вещи, глубокое уважение к людям земли. Т.П. Батурина отмечала, что в поэте «исконное, впитанное в родной среде, осталось навсегда – в душе, и во внешности», удивлялась прочности сходства Кашпулова со своими земляками: «Стоят они сейчас рядом с механизатором Дмитрием Коваленковым, (...) и если бы не знать, не сразу угадаешь, кто из них поэт, а кто механизатор» [Т.Батурина 1986: 82].

В силу сказанного становится понятным, почему главной темой поэта стало степное Ставрополье с его травяным раздольем, широкими полями, знатными хлеборобами. Исследователи творчества Кашпулова уже установили, что лексема «степь» в его поэтическом словаре выступает одним из самых частотных – 255 упоминаний! Сама степь в стихах поэта предстает и в весеннюю, и в летнюю, и в осеннюю, и в зимнюю пору, в утренние, дневные, вечерние и ночные часы. Любопытно преобладание утренних пейзажей над вечерними почти в 2 раза. Сопутствующая образу степи флора и фауна богата и разнообразна: выявлены наименования 54 трав и цветов, 53 пород деревьев и кустарников, 19 домашних и диких животных, 39 птиц, десятки имен земляков, обилие региональных топонимов [О.А.Шатохина 2009: 88-96]. Все это подтверждает неподдельную любовь поэта к своим истокам и корням.

Крестьянское мировидение поэта сказалось и в том, что в его поэтическом словаре свое прочное место нашли и названия сельскохозяйственных культур. Например, слово «хлеб» в значении «зерно» и выпекаемое из муки изделие встречается 51 раз, «зерно» – 18, «злак» – 4. Помимо наименований общего плана Кашпуров использует и конкретные названия: пшеница – 21 упоминание, овес – 17, кукуруза – 4, рожь – 3, просо – 3, ячмень – 2, гречиха – 2, пшено – 1. Как видим, поэт склонен к поименному перечислению злаковых растений, и наиболее частотными среди них выступают пшеница и овес. Вспомним, что

среди дикорастущих трав у него преобладают ковыль и полынь (по 23 и 16 упоминаний соответственно).

Общую картину крестьянского мира Кашпурова можно дополнить данными о профессиях людей сельскохозяйственного труда. У поэта, помимо общих определений крестьянин и колхозник, они подразделяются на две категории: колхозные должности и собственно земледельческие специальности. К первой из них относятся председатель, агроном, бригадир, а ко второй – чабан, доярка, косарь, тракторист, хлебороб, конюх, пахарь, пастух, свинарь, комбайнерка, механизатор, садовник. Последний список преобладает над первым в 4 раза. Данное соотношение показывает явное предпочтение поэта людей непосредственного крестьянского труда. Помимо того, укажем на то, что должностные лица вместе взятые упоминались всего 13 раз, а чисто крестьянские профессии – 51! И здесь обнаруживается разница в 4 раза.

Естественно, изображение людей труда у Кашпурова не ограничивалось только крестьянами. Будучи представителем соцреализма, он уделял должное внимание и рабочему классу, в чем убеждает тот же поэтический словарь, включающий строителя, мастера, машиниста, сталевара, геодезиста, вальцовщика, крановщицу, кузнеца, нефтяника, печника, плотника, портниху, монтажника, экскаваторщика... Всего 14 наименований. Почти столько же, сколько и земледельческих профессий. Но все же частотность употребления названий крестьянских специальностей преобладает над рабочими в два раза!

Еще одно любопытное наблюдение. Изображая представителей рабочего класса, автор допускает возможность переориентации их труда в крестьянское русло. Так в поэме «Родины почетный сталевар», восхищаясь руками главного героя, поэт рассуждает: *«Они могли б мостить дорогу, / поля колхозные пахать / и за черешней тонконогой / могли б ухаживать, как мать...»*

Все сказанное подтверждает мысль о том, что И.В. Кашпуров не просто поэт, а поэт, выражаясь словами С. Есенина, «с крестьянским уклоном».

Литература

Батурина Т. Поездка в Калиновку / Т. Батурина // Ставрополье. – 1986. – № 5. – С. 76 – 84.

Шатохина О.А. Лирика И.В. Кашпурова: своеобразие творческой индивидуальности: Дисс... канд. филол. наук / О.А. Шатохина. – Ставрополь, 2009. – 199 с.

Докт. филол. наук П.К. Чекалов (Ставрополь)

О ЯЗЫКЕ ПОВЕСТИ В. БУТЕНКО «ДЕВОЧКА НА ДЖИПЕ»

В 10-м номере журнала «Наш современник» за 2011 год была опубликована повесть ставропольского писателя Владимира Бутенко «Девочка на джипе», в которой переживаемая эпоха схвачена и представлена умным, тонким, эстетически состоятельным автором.

Язык произведения скромнен и скуп, не блещет изысками; как правило, автор выбирает самые простые формы, и слова означают то, что они и призваны означать. Каждый мало-мальски значимый персонаж обладает своей индивидуальной речью, говорит языком, не похожим на язык других действующих лиц. Язык – визитная карточка всякого человека. Писатель осознает это и с помощью речевой характеристики еще больше индивидуализирует своих героев. Если Алла предпочитает говорить короткими рублеными фразами, напоминающими стиль диспетчера таксопарка, то Василий Ильич вальяжен не только в манерах, но и в словах; Валя – легка, язвительна, речь деда Акима полна диалектных слов, у юной Жени преобладает молодежный сленг, у бандитов, естественно, – блатной жаргон. И все это накладывается на книжный стиль авторского повествования. В результате в повесть вовлекается сразу несколько пластов национального языка, отчего язык самого произведения становится многообразным, красочным, живым, точным.

Так, о возвращении Андрея Петровича с дачи сообщается: *«притащился»*. И уже не нужно объяснять, как он работал и насколько устал, все это емко вместились в один точно подобранный глагол. Об Иване, сопровождавшем брата на рыбалке сказано: *«надергал десятка три нагуленной плотвы и карасей»*. Одно слово *«надергал»* раскрывает механичность действий, отсутствие удовольствия и эстетики в процессе рыбной ловли. Вот всего шесть слов: *«Валюшка налилась вишневым соком, созрела в гневе»*, – и выразительный портрет готов. Вероятно, его можно расширить и другими словами, но ничего существенного не добавят они к тому, что уже выражено. Бутенко хорошо чувствует язык, ее строй, вкус, температуру. Об одном из трех бандитов, нагрянувших среди ночи на Андрея Петровича, говорится: *«И в наклоне фигуры, в движении рук угадывалось агрессивно затаенное»*. Несколько слов всего, но сущностная доминанта персонажа схвачена и представлена отчетливо.

Вообще взгляд писателя приметлив на детали: он умеет подмечать и умело, органично встраивать их в текст произведения. Дополнительным свидетельством тому выступают лошади, привязанные к Доске почета, на которой *«место фотографий пестрели объявления»*, юная секретарша нотариуса, составлявшая документ, *«одновременно болтая по телефону и печатая на компьютерной клавиатуре»*. Автор замечает преображенно замершую воду пруда, слух его улавливает хлюпанье ныряющей ондатры, а в вытягиваемой на берег резиновой лодке нос почувствует запах прикормки и лещевой слизи... Такие примеры убеждают, что писатель одновременно использует различные органы чувств, чтобы наиболее полно и зримо представить художественный образ.

Можно заметить, что у Бутенко функции выразительных средств чаще всего выполняют глаголы: *«Плескались на ветру ветви деревьев»*, *«рядом пульсировала транспортная жила»*, *«тихонько рокотали подсохшей листвой клены»*. Олицетворение придает тексту тонкое лирическое начало, переносимое и на героя, чьими глазами эти картины воспринимаются. Особенной поэзией наполняются пейзажные зарисовки, искусно воспроизводящие природную красоту цельно и умильно: *«И флейтовую свою песнь рядом, в кроне белоствольного осокаря, терпеливо доневала иволга»*; *«И показалось Андрею Петровичу, за-*

смотревшемуся на закат с обрыва, что кто-то неведомый забросал плесы лепестками осенних мальв и радуется вместе с ним этой забаве».

Говоря о языке Бутенко, нельзя пройти мимо одной особенности: отдельные фразы его по звучанию приближаются к стихотворной речи: «Сполох упал в балку рыжим коршуном» – пятистопный хорей с переносом ударения во второй стопе с первой на второй слог; «Осень, пора прозрения и грусти» – четырехударный дольник с дактилической основой; «И вновь он остался один в осенней степи» – пятиударный дольник на амфибрахической основе; «Резвились молнии окрест» – чистый четырехстопный ямб...

Наверно, фрагменты таких стихотворных подобиий при желании можно выявить у каждого прозаика, но все же для Бутенко – поэта и барда в прошлом – эта черта представляется наиболее характерной.

Анализ языка повести В. Бутенко «Девочка на джипе» позволяет сделать вывод о том, что он выразителен, точен, образен и в целом ориентирован на русскую классическую традицию. Вероятно, в силу этого автору была присуждена премия за лучшее произведение прозы журнала «Наш современник» в 2011 году.

ОПЫТЫ ИНТРОСПЕКЦИИ *ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ*

Věra Kopecká, Česká republika
Вера Копецка (Республика Чехия)

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Я родилась в 1951 году в Тырнове, какое-то время жила в Яблонце над Нисой в северной Чехии. В 1975 году окончила Университет Карла в Праге по специальности *учитель математики и начертательной геометрии*. Более 30 лет работала учителем в школе. Последних двадцать лет живу в городе Броумов около границы с Польшей.

Поэзию пишу с времён студенческих. Успешно участвовала в конкурсах, публиковалась в журналах. Издала 22 томика поэзии. Кроме того, переводила стихи польских поэтов, русской поэтессы Екатерины Полянской и поэта Лам Гванг из Вьетнама, живущего в Польше и публикующегося на польском языке. Мои переводы изданы в 7 томиках и нескольких антологиях.

С 2010 года являюсь членом ОБЦЕ СПИСОВАТЕЛУ (организация чешских писателей) и заместителем председателя писателей восточной Чехии.

Интересуюсь также фотографией. Провела выставки своих фотографий в библиотеках Пардубиц, Градца Кралова, Яблонца над Нисой, Йичины, Находы, в Польше – в Свидницах, Валбрзыхе, Новой Руде и в других городах. Своими фотографиями иллюстрирую книги – свои и коллег.

Участвую в международных фестивалях поэзии и на пленерах в Чехии и в Польше.

Уже 15 лет организую в Броумове фестиваль «Дни поэзии», три года тому назад гостем фестиваля была Е. Полянская (из Петербурга).

Интересуют меня и старые традиционные рукодельные техники, некоторыми занимаюсь активно.

О словах, жизни и поэзии

Жду,
когда постучит стих
и взглянет через плечо.

Жду, пока он не разложит
свои измятые крылья
ожиданий.

Спотыкаюсь навстречу ему
в утренней мгле,
от росы мокрая и нетерпеливая.

И скоро я сдамся
запоздалой весне,
скужавшей в одиночестве.

А стихотворение
стоит в дверях
и колеблется.

Волны

Как листы книги,
лист за листом,
укладываются волны
на берег песчаный –

волна за волной,
слово за словом
в стих.

Слова

На парапете окна –
забытые слова.
Возможно – ветер,
возможно – страх,
может – солнце на рассвете,
не знаю, кого спросить...
Дождь слова смывает.
Буква за буквой,
как время, исчезают
по капле с водой
безвозвратно
в мир
Слова –
молчаливые,
несказанные,
неслышные...

Свет уличных ламп
растаптывает тьму.
Шум моторов
рвёт тишину.

Звякают монеты,
шуршат цветные бумажки,
девиз «покупай!»

совращает наши мечты.
С лишними вещами
идут они на свалку
охрипших минут
нового века.

И алчный упырь,
жаждущий денег,
высасывает души –

ненасытный мир
самого себя хоронит.

Погасли слова

Погасли слова,
как звёзды гаснут
дождливой ночью,
как зеркала
в темноте слепнут.

Погасли,
как костры,
в которые никто не подложил
поленца правды –
только трухлявые дрова лжи,
гниющие в лужах,
чадят на белый лист.

Слова погасли,
и речь
на прах распалась.

Заблудившийся

Перешёл по мосту
праздных слов
в землю –
паршивую и пустую.
А в земле никого.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии..... 3

**Общепсихологические и
общелингвистические аспекты проблемы
язык и мышление** 4

**Проблемы языка и мышления
в генетическом и сопоставительном аспектах** 4

Канд. филол. наук Д.Н.Байгут (Чимкент, Казахстан)
ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ СИЛЫ ЭТНОСА 4

Студентка Е.П. Борисова (Ульяновск)
СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ ЭТИКИ
АВТОМОБИЛИСТОВ В РОССИИ И ЕВРОПЕ..... 6

Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Рузаевка), докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)
ПОЧЕМУ ДЕТИ УБИВАЮТ? 9

Докт. филол. наук Н.В. Дмитриук (Чимкент, Казахстан)
К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ 16

Студент Н.А.Жуплатова (Ульяновск)
НЕВЕРБАЛИКА ОКУЛЕСИКИ И ЕЁ ЗНАЧИМОСТЬ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 17

Канд. психол. наук Р.Р.Зинурова (Ульяновск)
ИГРА КАК МИФ И МЫШЛЕНИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ 22

Аспирант Ю.В.Котова (Ульяновск)
ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРА ПРОТЕКАНИЯ ДЕТСТВА
И ОПТИМИЗМА/ПЕССИМИЗМА ЛИЧНОСТИ 27

М.В.Маравина (Ульяновск)
ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ В АСПЕКТЕ
АКТУАЛИЗАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ ДЛЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА..... 33

*Канд. филол.наук Е.С.Мезенцева, канд. филол.наук Д.А. Молдалиева
(Чимкент, Казахстан)*
ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ЭТНОСА В ПРИЗМЕ ПАРЕМИЙ-НАЗИДАНИЙ 35

Докт. филол. н. А.В.Пузырёв, студ. Т.В.Кондратьева (Ульяновск)
К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ И
АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ О ЗДОРОВЬЕ И ЗАБОЛЕВАНИЯХ 36

Канд. филол. наук Н.А.Сандыбаева (Чимкент, Казахстан)
ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
МЕНТАЛЬНО МАРКИРОВАННЫХ КОНЦЕПТОВ КУЛЬТУРЫ 41

И.И.Тукаева (Ульяновск)

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИОТИПИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ ДЛЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКА.....	43

Логико-структурные аспекты

проблемы язык и мышление	47

Канд. филол. наук А.Ф. Калинин (Балашов)

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ)	47

Аспирант Е.С. Пимкина (Волгоград)

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ: АСПЕКТЫ И ПАРАМЕТРЫ ИЗУЧЕНИЯ	55

Динамические аспекты

проблемы язык и мышление	59

Канд. психол. наук Т.А.Гребенщикова, И.А.Зачесова (Москва)

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОВСЕДНЕВНОМ ДИАЛОГЕ.....	59

Канд. филол. н. С.О. Гуляйкина, С.В. Извекова (Пенза)

ИНТОНАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	60

Канд. филол. наук Р.А.Даминова (Уфа)

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ	62

Канд. филол. наук Н.В.Ефименко (Уфа)

ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ЦВЕТОВОГО ЗНАЧЕНИЯ: АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА И ТЕКСТА	63

Канд. психол. наук А.Ф. Корниенко (Казань)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ.....	64

Канд. психол. наук Т.А. Кубрак (Москва)

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КИНОДИСКУРСА	67

Докт. филол. наук Т.М. Рогожникова (Уфа)

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ ПОЭТА: ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ.....	69

Докт. филол. наук Т.Ю.Тамерьян (Владикавказ)

РУССКИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ КАК ИНДИКАТОР ЭПОХИ	71

Функциональные аспекты

исследования языка и мышления	75	
<i>Аспирант Е.В. Аксенова (Москва)</i>		
СОВРЕМЕННАЯ АГИОГРАФИЯ: ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ	75	
<i>Л.Х. Аширова (Ульяновск)</i>		
ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОГО ЭТИКЕТА РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ	79	
<i>Докт. филол. наук Г.В. Векшин (Москва)</i>		
ЯЗЫК ИДЕОЛОГИИ: ПРАГМАТИКА, СРЕДСТВА И ДЕТЕРМИНАНТЫ	81	
<i>А.Д. Гимаева (Ульяновск)</i>		
ПРОДЛЁННЫЕ ЗВУКИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ НЕКАНОНИЧНОЙ ФОНЕТИКИ	85	
<i>Е.С. Голымбиовская (Ульяновск)</i>		
ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНАФОНИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ ДЛЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКА	87	
<i>М.В. Маравина, студенты В.В. Сафронова, Е.В. Чанаева (Ульяновск)</i>		
ВНЕШНИЙ ВИД КАК НЕВЕРБАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ	91	
<i>Аспирант П.А. Морозова (Москва)</i>		
ПРОБЛЕМА ЯСНОСТИ И ТОЧНОСТИ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ НАЧИНАЮЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ: АТМОСФЕРА	92	
<i>Канд. филол. наук С.В. Начёрная (Воронеж)</i>		
«ОБЩИЕ МЕСТА» ИЛИ ТОПИКА: УЧЕНИЕ О НАХОЖДЕНИИ АРГУМЕНТОВ	97	
<i>Аспирант Э.Г. Никитина (Уфа)</i>		
НЕВЕРБАЛЬНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКОДОВО-ПОЛИМОДАЛЬНОМ ТЕКСТЕ (На примере телевизионного спортивного репортажа)	98	
<i>Студ. Ю.А. Папенина (Ульяновск)</i>		
РОЛЬ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ИГРЕ АКТЁРА	99	
<i>Докт. филол. наук А.В. Пузырёв, студентки И.С. Гуренко, Е.В. Чанаева (Ульяновск)</i>		101
ЗАКОНЫ СУДЬБЫ В АСПЕКТЕ ПИРАМИДЫ УСТАНОВОК (На материале сериала «Игра престолов»)	101	
<i>Канд. пед. наук О.Е. Романовская, студ. Т.С. Гаврилова (Ульяновск)</i>		114
КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ЮРИСТА: УМЕНИЯ РАСПОЗНАВАТЬ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	114	
<i>Канд. пед. наук О. Е. Романовская, студ. А.Г. Морозова (Ульяновск)</i>		
НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРИЗНАКИ СКРЫТОЙ ЛЖИ	118	
<i>Аспирант В.В. Соломина (Волгоград)</i>		
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	122	

<i>Докт. филол. наук В.И. Шаховский (Волгоград)</i> ДЕРИВАЦИЯ ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ (К ПРОБЛЕМЕ ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ).....	126
<i>Студентка Ек.А.Шишкина (Ульяновск)</i> ПРОКСЕМИКА: КУЛЬТУРНЫЙ, ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА	129
<i>Канд. филол. наук И.Ф. Шувалов (Пенза)</i> НОВООБРАЗОВАНИЯ, СОЗДАВАЕМЫЕ ПУТЁМ СЛОЖЕНИЯ СЛОВ, В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТ	131

Педагогические аспекты

проблемы язык и мышление	134
<i>Канд. филол. наук Ю.Г. Алексеев, студ. С.А. Маркин, студ. А.А. Фильчева (Ульяновск)</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР	134
<i>Канд. филол. наук Л.И. Батурина (Recife, Brazil, UNINASSAU University)</i> ВЛИЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ НАВЫКОВ ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ	139
<i>Э.Н. Гилазиева, канд. пед. наук О.А. Мирончева (Ульяновск)</i> К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	140
<i>Канд. филол. наук С.О. Гуляйкина, С.В. Извекова (Пенза)</i> ЗНАЧЕНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ САМОСОЗНАНИЯ ДОШКОЛЬНИКА	143

Идиостилевые аспекты

проблемы язык и мышление	145
<i>Докт. филол. наук О.Л. Аriskина, Е.А. Дрянгина (Саранск)</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЛИНГВИСТА А. П. СУМАРОКОВА	145
<i>Докт. филол. наук А.В. Пузырёв, студенты Ек.П. Борисова, Н.А. Жуплатова, А.Г. Морозова, Ек.А. Шишкина (Ульяновск)</i> ПСИХОТИПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	146

Проблемы языка и мышления поэта и писателя	168
Проблемы языка и мышления поэта и писателя в генетическом и логико-структурном аспектах	168
<i>Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Рузаевка), докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)</i>	
ПРЕТЕКСТ ТАТАРСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СКАЗКИ.....	168
<i>Докт. филол. наук А.В. Кравченко (Иркутск)</i>	
«ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ» КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ.....	178
<i>Докт. психол. наук В.А. Мазилев (Ярославль)</i>	
ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО, ПСИХОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ.....	180
Функциональные аспекты исследования языка и мышления поэта и писателя	187
<i>Канд. филол. наук Л.Р.Башкова (Пенза)</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.ГЕЙНЕ	187
<i>Канд. филол. наук О.Н.Горюнова (Ульяновск)</i>	
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ НОСИТЕЛЯ ПРОСТОРЕЧНОГО ТИПА РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАССКАЗАХ М.ЗОЩЕНКО: ЗАМЫСЕЛ – ВОПЛОЩЕНИЕ – РЕКОНСТРУКЦИЯ.....	192
<i>Канд. филол. наук И.Н.Иванова (Ульяновск)</i>	
ПРОСТРАНСТВО БЫТИЯ: ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ ВЫХОДА (По рассказу А. П. Чехова «Беглец»)	193
<i>Канд. филол. наук М. Г. Луннова (Пенза)</i>	
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	196
<i>И.В.Крашенинникова (Ульяновск)</i>	
СЕМЕЙНЫЕ СЦЕНАРИИ МАССОВЫХ ПЕСЕН	198
<i>Канд. филол. наук И.А. Пуник (Ульяновск)</i>	
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В РОМАНЕ Л.ПАЛМЕР “DISKE LILLY – GUTES KIND”.....	211
<i>Докт. филол. наук Р.Х. Хайруллина (Уфа), магистрант Со Цянь (Китай)</i>	
СРАВНЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ АКТ И ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (На материале ранней поэзии С.Есенина)	213
<i>Докт. филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)</i>	
«МИР ВЕЩЕЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	215
<i>Докт. филос. наук Л.В.Шабанов (Санкт-Петербург)</i>	
КОНФЛИКТНЫЕ ОНТОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ХРОНОТОПА МАРГИНАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ «ОТЕЛЬ»	217

Идиостилевые аспекты проблемы язык и мышление поэта и писателя	221
<i>Доктор филол. наук И.И.Валуйцева, студ. Д.С.Чинина (Москва)</i>	
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ	
«ОТЦА УЖАСНЫХ ИСТОРИЙ ПРО ДРЕВНИХ МОНСТРОВ»	221
<i>Канд. филол. наук М.Г.Вершинина (Пермь)</i>	
ЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА А. ИВАНОВА (На материале романа «Золото бунта»)	223
<i>Аспирантка Е.Ю. Тамахина (Ставрополь)</i>	
СМЫСЛОВОЙ КОД ЦВЕТА ГЛАЗ В ЛИРИКЕ А. АХМАТОВОЙ	225
<i>Соискатель Т.А.Фатнева (Ставрополь)</i>	
ПОЭТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ И.В. КАШПУРОВА:	
ПРОЯВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ	227
<i>Докт. филол. наук П.К. Чекалов (Ставрополь)</i>	
О ЯЗЫКЕ ПОВЕСТИ В. БУТЕНКО «ДЕВОЧКА НА ДЖИПЕ»	228
Опыты интроспекции поэтов и писателей	231
<i>Věra Kopecká, Česká republika</i>	
<i>Вера Копецка (Республика Чехия)</i>	
О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ	231
Оглавление	234

Научное издание

**Язык и мышление:
Психологический и лингвистический аспекты**
Материалы XIV-й Международной научной конференции
(Ульяновск, 13-16 мая 2014 года)

Ответственный редактор *А.В. Пузырев*
e-mail: puzyrev-a-v@yandex.ru

Печатается в авторской редакции

Электронный набор *А.В. Владимиров*
Компьютерная вёрстка *А.В. Владимиров*

Подписано в печать 28.04.14.
Формат 60x84/16.
Уч.-изд. л. 14,2. Усл. печ. л. 16,6.
Тираж 120 экз. Заказ 34 /Нр-132

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Мастер-студия»
Адрес: 432071, Россия, г. Ульяновск, ул. Марата, 8.
Тел. (8422) 44-56-08, 44-56-09, 44-55-33. Факс: (8422) 44-55-30.